

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ТАЙНЫ ГОРОДОВ-ПРИЗРАКОВ

В. Бацалев

Тайны городов-призраков

Бацалев В

От этих городов остались лишь имена и развалины. Люди разных стран совершают паломничества к раскопкам Карфагена, Трои, Вавилона, Персеполя, Микен, Пальмиры...

Книга "Тайны городов-призраков", написанная автором многих трудов по вопросам археологии, в том числе книги "Тайны археологии", вобрала в себя хронику археологических открытий, историю основания, славы и гибели центров древних цивилизаций, широкую панораму того, чем дышали, как выглядели, поступали и во что веровали их жители.

Предисловие

При рождении все города — как дети, потому что родители их — люди. Города появляются на свет, растут и воспитываются, затем проживают юность и зрелость (иногда — гусарскую, иногда — Акакия Акакиевича) и, в конце концов, умирают: одни от старости, другие — вдруг, после природной или социальной катастрофы. Все города смертны. Разносившаяся по сирийским пустыням песня легионеров, где припевом звучало "Но вечен Рим!" — пустое бахвальство, аналогичное заявлениям Агасфера. Рим тоже когда-нибудь умрет, а не вечен он уже потому, что Вечность, как реальное понятие, — палка о двух концах, между тем дата основания Рима известна (следовательно, он смертен). Умер же Византии, уступив территорию Константинополю, умер и Константинополь, уступив Стамбулу (и если бы в прошлом веке Скобелеву позволили его взять, то умер бы и Стамбул, и на его месте сейчас стоял бы какой-нибудь Царьград или Александров, или база украинского флота Босфорская Сечь). У городов даже есть кладбища (не исторические энциклопедии, а самые настоящие): так, один археолог насчитал в радиусе 30 километров от Вавилона 120 мертвых городов. На территории самой России мертвых городов тоже не меряно и даже толком не считано. Наконец, существуют города, которые присутствуют только в людской фантазии: это и столица Атлантиды, и Китеж, и Светлояр, и город Глупов, и Город Солнца, и семь городов Сиболы в стране Эльдорадо, которой нет на карте.

Города повторяют людей и тем, что каждый имеет свой характер, причем не всегда приглядный. Абсолютно порядочных и психически здоровых городов, как и людей, просто не существует. Сразу вспоминается фраза античного автора: "В Таранте (он и сейчас существует) пить начинают с утра, и к обеду весь город ходит пьяный". Абдеры считались городом дураков, хотя в них родился Демокрит. Афины сравнивали с проституткой: все восхищались и пользовались ею, но никому не приходило в голову жениться. Фивы вошли в историю как родина кровосмешательства.

Другие города знамениты лишь каким-нибудь человеком, имя которого всплывает одновременно с названием города. Многие люди тоже вошли в историю единственным подвигом или поступком. Эфес знают потому, что Герострат сжег храм Артемиды; Галикарнас — тем, что здесь родился отец истории Геродот; Митилена знаменита поэтессой Сапфо; Карфаген многие помнят лишь по фразе Катона (см. ниже) от Гадеса — самого западного города древнего мира — у нас остались слова «ад» и "гад".

Города делятся на «мужские» — которые берут и уничтожают, — и «женские», которые взять нельзя,

но можно уговорить в конце концов сдаться. Впрочем, есть и «женские» города с мужским характером; такие насилуют и бросают в непотребстве, хотя они заслуживают иного. Даже имена у городов человеческие: то ласковые (Лариса или София), то такие, что язык сломаешь (Сехешфехешвар или Бандырма). Существуют и города, которые ничем себя не проявили, а только были свидетелями чьей-нибудь драки: Фарсал, Херонея, Полтава.

И все-таки, что такое есть город, что под ним понимать? Применительно к нашей ситуации русский толковый словарь ответит, что это древнее поселение, огороженное и укрепленное стеной для защиты от неприятеля, центр ремесел и торговли. Однако Спарта никогда не имела стен, хотя являлась городом. ("Лучшие стены — доблесть граждан", — спартанская поговорка.) В любой европейской стране обязательно добавят, что городу необходимо иметь собственный статут. или уложение. В древности только греческие полисы и римские муниципии (да еще два-три исключения) имели собственные законы и органы управления. Ни один город Востока, глубинной Африки или доколумбовой Америки ничего подобного не знал. По крайней мере, до нас никаких сведений об этом не дошло. И в современном понимании ни Иерихон, ни Чатал-Гюк, ни Ур, ни Са-марра городами не являлись, хотя и были огорожены от неприятеля, и ремесла с торговлей развивали. Они возникали как поселения рода и, просуществовав несколько тысячелетий, попадали в зависимость от какого-то царя, столица которого тоже не являлась городом (в нашем понимании), ибо не имела ни собственных законов, ни собственной дифференцированной власти. Потом эти города погибали или умирали, и последние горожане (если таковые оставались в живых) разбредались по свету. Участь их, как правило, была незавидна, поэтому за родину в стародавние времена держались гораздо крепче, нежели теперь. Итак, под городом в данной книге будет пониматься стационарное, защищенное укреплениями поселение, жители которого были связаны общими родственными, хозяйственными и культурно-религиозными узами. Приведенное — и весьма условное (ибо это не диссертация об отличии городов от селищ) — определение не распространяется на греческие полисы (города-государства) и римские муниципии (то же самое с некоторыми оговорками).

На что он руку поднимал!?

Иисуса Навина, который после исхода из Египта и смерти Моисея возглавил израильтян, извиняет только то, что он не знал, сколько лет Иерихону (правильнее было бы «Иерихон», но уже привыкли) и что это первый город на земле. Но, как всякому кочевнику (а евреи тогда были скотоводами), города Навину претили, тем более со столь крепкими стенами. Согласно воле Яхве, беженцы должны были завоевывать цветущий Ханаан и поселиться там навеки.

Первым городом на их пути почему-то оказался Иерихон (вопрос этот не прояснен до сих пор): он никаким образом не лежал ни на пути из Египта, ни на пути из пустыни. Да и до него должно было встретиться немало селений, но евреи, видимо, сознательно обошли их стороной. Крепость испокон веков считалась неприступной (хотя ее и брали еще за пять тысячелетий до описываемых событий), поэтому Иисус выслал разведчиков. Очевидно, лазутчики подтвердили самые худшие опасения израильтян относительно мощи иерихонских стен; ибо предпринятая Иисусом-полководцем тактика осады не имеет аналогов в мировой истории. И надежд на ее повторение не предвидится.

Брали Иерихон так.

Справив пасху, Иисус приказал всему мужскому населению Израиля подвергнуться обряду обрезания, который не применялся со времен исхода. После этого израильтяне на протяжении шести дней ходили на безопасном для жизни расстоянии вокруг стен Иерихона. Шествие возглавляли воины, за ними шли мужчины и обреченно (для иерихонцев) дули в дудки и трубы, следом жрецы несли ковчег, а замыкали эту процессию старики, женщины и дети. Всего 4 миллиона человек, и все зловеще молчали, воздух оглашали только вой и свист дудок. Осажденные, раскрыв рты от удивления, наблюдали столь странные маневры, подозревая магический смысл происходящего, но не сдавались на милость богоизбранного народа. На что они надеялись — непонятно. Возможно, на помощь собственных богов.

На седьмой день Иисус Навин (кстати, в нарушение завета отдыхать на седьмой день) решил на штурм. Теперь он не ограничился однообразным хождением по кругу. Израильтяне обошли стены шесть раз, сохраняя гробовое молчание. На седьмом круге они дружно и громко возопили. Стены не выдержали криков и воплей — и рухнули. Вероятно, вместе с ними попадали в обморок и ханаанейцы... Израильтяне ворвались в город и перебили всех жителей до единого, не пощадив даже животных. Факт в истории — беспрецедентный, но так утверждает Библия. Примеров подобного геноцида не знает даже последняя мировая война. Пощажена была только содержательница постоялого двора Раав, которая пустила переночевать израильских лазутчиков и этим спасла их жизнь. Сам город был сожжен дотла. Иисус Навин на всякий случай проклял его.

Чтобы найти остатки Иерихона, было потрачено много сил и энергии. Трудность поисков заключалась в необходимости науки согласовать Библию с историей: большинство ученых-археологов прошлого (особенно англичане и американцы) были ортодоксальными христианами. Они искали подтверждения Ветхому Завету в Египте и Сирии Вавилоне и Палестине. Из поисков фараона, при котором произошел исход из Египта, возникла целая проблема, которую пытались решить самым простым способом: раз мумии фараона нигде нет, значит, он действительно утонул, когда гонялся за израильтянами по дну

Красного моря. Но мумию в конце концов отыскивали в Долине царей, а вот следов, что фараон утонул, — не нашли. И тогда особое значение приобрел Иерихон — уж он-то, если существовал, должен был стоять на прежнем месте, на Иордане... Правда, не представляли — какой же именно: ханаанейский или тот, что восстал из пепла во времена израильского царя Ахава? На поверхности не проглядывался никакой.

В середине XIX века Тоблер и Робинсон определили примерное место, где он должен был находиться, этот проклятый Навином Иерихон. Выбрав холм среди равнины, неподалеку от Иордана, они начали на нем раскопки и ничего не нашли. Позже Уоррен тоже копал на холме, и тоже ничего не было найдено. В 1894 году Блайз обратил внимание ученых на тот же холм, полагая, что под ним все же скрывается Иерихон. А немец-археолог Зеллин в 1899-м изучил поверхность холма и собрал черепки ханаанейской посуды. Он пришел к выводу, что его предшественники были все же правы: вероятнее всего, под многометровыми наслоениями скрывается древний город, просто через них не хватило терпения пробиться. Тем более рядом сохранилась деревня Эриха, и Иордан под носом.

В 1904 году немцы еще раз побывали здесь и собрали новые данные, указывавшие на правильность выводов всех, кто пытался обнаружить Иерихон именно в окрестностях Эрихи. Но честь первооткрывателя все же досталась Эрнсту Зеллину. В 1907 году во время раскопок он добыл материалы, подтвердившие все, о чем мечтали история и археология: дома и часть городской стены с башней (пять рядов каменной кладки и сырцовая кладка высотой 3 метра). Наконец, в 1908 году были организованы серьезные и долговременные раскопки Восточным обществом Германии.

Холм, скрывающий руины Иерихона и в плане напоминающий эллипс, протянулся с северо-северо-востока на юго-юго-запад, город занимал площадь 2,5 гектара. Археологи раскопали полностью (на севере) ширину городской стены, равную 3 метрам, открыли вторую городскую стену шириной 1,5 метра. Был открыт еще кусок стены на том же северном склоне холма с каменным цоколем и сырцовой кладкой высотой 7 метров. Исследовав площадь 1350 квадратных метров между городскими стенами и пробными северными раскопами, ученые обнаружили в верхних слоях позднее мусульманское кладбище, а в нижних — остатки городских построек.

Раскопки на западной стороне холма обнажили каменные лестницы, сооруженные после разрушения городских стен, под лестницами также находились остатки значительно более ранних домов. В северной части холма открыты стены хеттского здания (дом "Хилани"). Ближе к восточной стене, которая не сохранилась, раскопаны остатки домов. Неподалеку от внутренней городской стены открыты кварталы, занимаемые домами, а также улица под стеной. На площади 200 квадратных метров к западу обнаружена городская стена и остатки зданий, а под стеной найден византийский некрополь. Возле юго-западной стены раскопаны остатки дома иудейской эпохи.

Специфика археологии заключается в том, что ученые всегда идут как бы задом наперед: сначала они выясняют то, что было вчера, потом, уничтожив вчерашнее, то, что было позавчера, и так далее. В Иерихоне первые археологи насчитали восемь наслоений, последовательно сменявших один другой: мусульманский, самый поздний, представленный могилами; слой византийский; позднеиудейский, с обломками аттической посуды классической эпохи; древнеиудейский (дом над древней стеной); Израильский, к которому относятся дом «Хилани», дома в центре (ближе к отсутствующей восточной стене), могилы, лестницы и внешняя городская стена; позднеханаанейский (находки между внешней и

внутренней городскими стенами и керамика); древнеханаанейский — остатки города с домами и внешней и внутренней городской стеной; наконец, первоначальный слой, тоже разделяющийся на несколько периодов, к которому относятся «дома под внутренней городской стеной...

Несмотря на значительные недостатки, с которыми были произведены раскопки, даже на то обстоятельство, что ученые непременно желали "подогнать под Библию" многие открытия, главный вклад Зеллина и его коллег в науку тот, что история Иерихона перестала быть исчисляемой с Иисуса На-вина, и ученый мир получил самый древний из известных на земле город (в 20-х годах XIX века считали, что он возник в IV тысячелетии до н. э.).

Город назывался Лунным из-за культа Луны. По другой версии его название переводится как "Город пальм". Наконец, по третьей — как "Город, лежащий в низу долины". Начальный и ханаанейский периоды Иерихона, из которых последний обозначается разрушением массивных кирпичных стен на северо-западе и возведением двух городских стен — наружной и внутренней, скрывавших город наподобие двух колец. Особенно неприступен он был с востока, откуда донимали кочевники. Население города и в начальный период, и в ханаанейский — по составу было одно и то же. В древнейшем слое найдены кремневые орудия, орудия из других камней, так называемые «чашечные» камни, и "чертовы пальцы" — каменные наконечники стрел.

После разрушения города начального периода Иерихон несколько сдвинулся к югу холма. Ханаанейские стены возведены в III–II тысячелетии до н. э. Факт разрушения Зеллин соотнес с нашествием "четырех царей Востока" (Кн. Бытия, гл. 14). Двойная защитная стена Иерихона — исключение для Палестины, но у хеттов и греков это обычный способ защиты: взяв первую стену (она называлась протейхизма), враг попадал в "каменный мешок". Правда, ни хеттов, ни греков в то время на исторической арене не наблюдалось.

В Ханаанейском Иерихоне просматриваются эгейские и вавилонские мотивы, хотя в основном он самобытен. Погребений этого периода в городе не обнаружено. Разрушен был Иерихон с востока (где уничтожена вся городская стена) и подожжен (всюду следы пожара), после чего некоторое время оставался почти необитаемым. Зеллин посчитал, что на этот раз Иерихон был разрушен израильянами. Впрочем, часть населения продолжала жить в Иерихоне, и это археология связывает с позднеханаанейским периодом. Период характеризуется так называемой наколотой керамикой. В израильскую эпоху в городе еще долго оставались ханаанейцы, пока целиком не ассимилировались с завоевателями. Собственно израильский слой в Иерихоне сам Зеллин датировал XI–IX веками до н. э.

Израильский период характеризуется необычайным оживлением всей жизни города. Сказывалось влияние связей с арамейскими областями. Поверх разрушенных стен сооружены лестницы, возведена новая импозантная стена... Построен дворец «Хилани» в хеттском стиле. Город заполнила разноцветная разнообразная керамика, даже стилизованная под металл. Дворец и стену израильского Иерихона строил Хиль из Бет-Эля, вероятно, наместник царя Ахава. Ахав, как известно, отрекся от Яхве и предался язычеству. Хиль ему ни в чем не уступал: в стены новых построек он замуровал живыми двух своих сыновей — самого старшего и самого младшего — в качестве жертвы. Иерихон сделался центром значительной области, а крепость защищала от моавитян.

В израильском Иерихоне раскопаны погребения во дворах домов. При костях обнаружены

глиняные сосуды. Дети погребались под полом Домов.

В конце VIII века до н. э. царство израильское погибло (722 год). Были разрушены стены израильского Иерихона. Но город не прекратил своего существования. Над ним два свои периода — ранний и поздний — прожил иудейский Иерихон. Город уже не был укрепленным, но в нем кипела жизнь. Ранний иудейский город находился у восточного склона холма. Иерихон торговал через финикийские гавани с Кипром и Египтом. Среди находок встречаются кипрские вазы, индийская керамика, аттические и эллинские сосуды, амулеты, божки и демоны. Иудейский город был разрушен вавилонским царем Навуходоносором, напавшим внезапно: в домах осталось много утвари. Город был сожжен, и толпы людей уведены в плен. Новый Иерихон стал отстраиваться на севере (в пределах прежнего).

При Артаксерксе III Охе опять были уведены в плен все жители. Жизнь на холме прекратилась (350 год до н. э.). До середины II века до н. э. маккавейский город находился в 2–3 километрах на северо-запад от холма. С конца II века Иерихон опять оживает, правда, тоже не на холме, а у Вади-Кельт. И снова он был разрушен в 70 году I века н. э. Веспасианом. И снова при Адриане восстановлен. Тогда еще «живы» были развалины «Хилани», которые почитались, как "дом Раав". И хотя этот дом более поздний, его представляют домом предательницы города, которая помогла Израилю.

В 614 году жители перестали, наконец, показывать гостям достопримечательности: город разрушили персы. Сохранились византийские остатки — например, гончарная печь. Осталось великое множество посуды — керамической, стеклянной, бронзовой, железной... И много всякого другого: Византия была богата.

Город существовал и в VII–IX веках. Существовал и позже. С XIII века в нем был мусульманский поселок, который в середине XIX века снес Ибрагим-Паша... Но жизнь на холме не прерывалась: осталась деревня Эриха...

Дальнейшие события были сопряжены с новыми открытиями. Случайно разорвавшаяся на холме в 1918 году граната помогла доминиканцам из Библейской школы в Иерусалиме раскопать древнюю синагогу VI века н. э. На ее полу они обнаружили мозаику, которая изображала Даниила во рву со львами и другие сюжеты из библейской истории. Вход в синагогу охраняли два огромных животных — лев и бык. Доминиканцы не придали им какого-либо значения, но научный мир был потрясен: спустя два-три тысячелетия иудаизм помнил и чтит львов Ассирии и золотого тельца!

С 1929 года раскопки в Иерихоне вел англичанин Джон Герстенг. Он обнаружил нижние слои поселения каменного века! Люди, не знавшие керамики, уже в IV тысячелетии до новой эры вели оседлый образ жизни. Но оказалось, и это не предел. Следующее открытие сделала Катли Кэньон в 1953 году. Именно тогда об Иерихоне заговорили, как о древнейшем городе мира. Кэньон обнаружила город, который датировался VIII тысячелетием до новой эры. А под ним — руины стоябища так называемой натufийской культуры, потомков и преемников которой и считают строителями первого города на земле. Поэтому поселение, обнаруженное Кэньон, стали называть "городом докерамического неолита А", обнаруженное Герстенгом — "городом докерамического неолита В".

Город VIII тысячелетия занимал около 4 гектаров и был окружен каменной стеной. После раскопок в

некоторых местах она еще возвышалась на четыре с лишним метра, а толщина ее приближалась к двум. Состояла она из блоков размером 2х3 метра, которые весили по несколько тонн. К стене примыкала башня, высота которой после раскопок составляла 8 метров, а диаметр чуть меньше. Снаружи она была дополнительно защищена каменным валом, изнутри на башню вела лестница из 28 каменных квадратных плит толщиной 50 сантиметров, а длиной и толщиной около метра. (Предполагается, что под многометровыми горами щебня на холме скрыто еще 7–8 подобных башен.) Над стеной и башней когда-то поднималась кирпичная надстройка, остатки которой в виде глиняной пыли лежат теперь у их основания. Назначение башни так и не удалось установить определенно: вероятно, кроме Оборонительных функций, она служила и для других целей, но о целях этих всяк волен гадать на свой лад. Перед стеной в известняке был вырыт ров шириной более 8 метров и глубиной 2,6 метра. Он был заполнен водой из ближайшего источника. Изнутри к стене примыкал квадратный бассейн, в древности заполненный водой на 4 метра.

Необычайность обнаруженного заключалась в том, что сотворившие это чудо люди не имели в руках ничего, кроме каменных орудий. Каменным топором можно срубить дерево, каменным серпом срезать колосья, но как каменным инструментом построить каменный город? Это равносильно тому, чтобы с помощью киянки поставить Киж. Иерихонцы, например, не умели рубить камень. Как археологи ни искали, следов вырубки они не нашли даже во рву. Но ров-то был! Вероятно, он был сделан методом «взрыва»: грунт раскалили сильным огнем, а затем резко охладили. От этого известняк становился податливым, и его можно было выскрести.

Внутри стен, тесно прижавшись друг к другу, стояли хижины из необожженного кирпича. Общая численность населения составляла около трех тысяч человек. В это время самые большие общины не могли насчитывать более двух сотен человек, иначе бы они просто не прокормились. У иерихонцев докаменного неолита А тоже была очень слабая экономическая база. Из домашних животных они имели только коз, собак и кошек. Появление последних напрямую можно связать с запасами зерна и борьбой с грызунами. Нашлись и кости газели, на взрослых особей которой охотились, а молодых животных, вероятно, брали на откорм, как это и сейчас делают бедуины. Сеяли иерихонцы пшеницу и ячмень. Средняя продолжительность их жизни составляла 20 лет из-за высокой детской смертности. Очень немногие доживали до 40–45 лет. У них были полностью изношены зубы — результат употребления грубой пищи, состоявшей из корней, стручковых плодов и круп, перетертых в примитивных ступах.

Что же побудило охотников и земледельцев, живших тысячелетиями в равнинных поселках, придумать и создать столь грандиозные сооружения? Какая опасность? Мы не знаем. Можно только предполагать, что жизнь людей этой отдаленной эпохи в земле обетованной была чересчур опасна (таковой она до сих пор и осталась) и чересчур трудна. И совместное поселение такого числа людей должно свидетельствовать о значительной угрозе извне. Если же помнить, что тогда на земле не существовали оборонительные сооружения, то внешнюю угрозу надо считать очень серьезной. С другой стороны, строительство города предполагает общепризнанное руководство, то есть централизованное управление. В нашем случае община или род необходимым для этого количеством людей не располагала, следовательно, речь может идти только об объединении нескольких родов под началом одного, а это уже принципиально новая ступень в социальных отношениях человечества. Соответственно, и положение представителей господствующего рода должно было быть отличным, иначе ему не повиновались бы остальные. А именно так и было. Не козы же перетаскивали многотонные каменные глыбы.

Остается ответить еще на один вопрос. Что так тщательно скрывали за стенами иерихонцы?

Эталонный город, в нашем представлении, центр ремесел и торговли. Ремесел тогда просто не было, да и следов их в Иерихоне докерамического неолита А не обнаружено. Остается меновая торговля. Что же такого, крайне необходимого первобытному человеку, было в окрестностях Иерихона? Только Мертвое море.

Оно богато солью, асфальтом, серой и битумом. Асфальт был нужен древнему человеку для крепления кремневых лезвий. Без соли он просто жить не мог. Рискнем предположить, что появление Иерихона связано именно с монополизацией торговли солью. Вероятно, кочевые общины охотников, собирателей кореньев, скотоводов и земледельцев раз в год объявлялись у Мертвого моря, чтобы пополнить запасы соли. Жившие вокруг моря общины в конце концов поняли, на какой "золотой бочке" они сидят. Требовалось лишь объединиться, построить укрепление и, делая вылазки, отгонять от залежей соли любителей брать натуральный продукт даром. Хотите соли — пожалуйста, только заплатите нам частью того, чем питаетесь сами. Не «брезговали» иерихонцы и другим, например, обсидианом, который им доставляли кочевники из Анатолии. Отсюда напрашивается закономерный вывод: появлению городов мы обязаны соли.

Город докерамического неолита А, как зафиксировал радиоуглеродный анализ, просуществовал до 6935 года до новой эры. За это время глиняные дома, построенные в нем, разрушались и отстраивались заново двадцать два раза. Средний возраст такого дома из необожженной глины — 50 лет. Когда возник город — считайте сами. За это время груды обломков постепенно засыпали башни и стены. Правда, их несколько раз надстраивали, но, в конце концов, и это не спасло. В начале VII тысячелетия город захватили пришельцы с севера, которые либо сами хотели торговать солью, либо решили брать ее даром. Крепость была разрушена, на лестнице, ведущей к башне, осталось одиннадцать трупов.

Пришельцы-завоеватели построили на руинах новую крепость — город докерамического неолита В. Теперь дома стали прямоугольными. Обычный дом представлял собой комнату площадью около 40 квадратных метров. Пол в них был покрыт известковой штукатуркой, окрашенной в красный или кремовый цвет. Так же были окрашены и стены: снизу до середины — в красный цвет, выше — в кремовый. В одном месте археологи даже нашли роспись в виде ветки растения.

Пришельцы оказались значительно культурнее первоиерихонцев: они уже строили храмы, они уже лепили из глины фигурки людей и животных, они уже одомашнили овец, свиней и ослов.

В середине одного из храмов обнаружен бассейн со следами священного огня. В другом — у противоположной от входа стены стоял культовый столб из вулканического камня. Таким камням поклоняются до сих пор, например, — Каабе. По-видимому, в разные времена они означали разных божеств. В Петре камню поклонялись как девственному материнскому божеству, в Библии слуги идола обращаются к камню: "Ты родил меня" (Иеремия 2, 27). В Греции такой камень почитался как омфал — пуп Земли. Но чаще всего в нем видели фаллос — символ оплодотворения.

Из храмов происходят многочисленные статуэтки женщин и животных, здесь же обнаружена и первая «троица»: групповое скульптурное изображение бородатого мужчины, женщины и ребенка в натуральную величину со вставленными на месте глаз раковинами. Для изготовления скульптур использовалась твердая, как цемент, глина, которая намазывалась на тростниковый каркас. Можно не сомневаться, что эта группа зафиксировала чудо создания семьи, произведшее очень сильное впечатление на доисторического человека, привыкшего либо к промискуитету, либо к внутриродовой вседозволенности. Удивительно, что,

уже работая с глиной, строя из нее дома, делая первые скульптуры, иерихонец не додумался до посуды.

Еще одним своеобразным произведением «искусства» стали человеческие черепа, с помощью извести превращенные в портретные головы умерших. Видимо, у покойников голову отрубали или отрезали и на некоторое время оставляли на всеобщее обозрение. Тело хоронили. Когда от головы оставались только кости, внутренность черепа набивали землей, а отверстия заклеивали известью. Так как черепа принадлежат только взрослым (детские скелеты не обезглавлены), мы должны констатировать, что в Иерихоне был весьма развит культ почитания предков — старейшин семьи или рода. Обычай этот сохранялся тысячелетия, постепенно видоизменяясь. В Риме, например, в каждой семье хранились бюсты всех предшествующих отцов фамилии, и при похоронах следующего их несли в процессии, как будто бы они тоже присутствовали. До нас этот обычай дошел в виде снятия гипсовых масок с лица умершего.

Возраст Иерихона столь древний, что настаивать на какой-либо дате его рождения было бы чересчур опрометчиво. Остается лишь констатировать факты, а с ним в руках каждый волен домысливать доисторическую жизнь Иерихона в силу своей фантазии.

Но Иерихон докерамического периода В был уже не одинок. Неподалеку, в восточной части долины Иордана, под холмом Телль-эйлат-Хассул оказался еще один город. При его раскопках в самых нижних слоях, которым не менее шести тысяч лет, на гладко выбеленной стене обнаружили изображение огромной звезды с восемью чередующимися красными и черными лучами. Она являлась центром большой композиции, от которой сохранился лишь орнамент из переплетенных змей и глаз. Это была звезда, которая уже светила над восходящим культом Инанны-Иш-тар-Астарты. Эта же звезда спустя тысячелетия привела Мельхиора, Гаспара и Валтасара в Вифлеем к яслям, в которых лежал Спаситель.

Город под холмом Хассул был уничтожен в XX веке до н. э. пожаром, который прослеживается на всей его территории. Как тут не вспомнить Библию: "И пролил Господь дождем серу и огонь на Содом и Гоморру и ниспроверг города сии. Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом" (1 кн. Моисея, 19, 23–26).

Был ли Хассул Содомом? Был ли Гоморрой? — это нам неизвестно. Других городов того времени (да еще и со следами всепоглощающего пожара) в долине Иордана нет. А вот соляные столпы вокруг Хассула можно видеть и сейчас.

Ну, а как быть с иерихонскими трубами, которые заменили дудки и глотки воинов Иисуса Навина? Исследования Зеллина показали, что стены ханаанейского Иерихона действительно упали. Наружная — наружу, внутренняя — вовнутрь. Среди ученых возник спор: когда?.. И пока единого мнения на этот счет нет. Возможно, все-таки на рубеже XIV–XIII веков до н. э., такая версия не отвергается частью специалистов. Но не от воплей же они рухнули!

Что же случилось с Иерихоном? Мифологии известны случаи взаимодействия музыки и камня, однако музыка всегда исполняла роль созидающую, а не разрушающую. Есть даже выражение "музыка в камне". Под звуки лиры Орфея камни сами собой складывались в стены. Храмы древней Америки, по легендам индейцев, строились "под звуки божественных труб": многогранные блоки без человеческих усилий укладывались в сложную геометрическую кладку. А в Иерихоне наоборот. Разрушать, конечно, не строить,

даже под музыку. Рискнем предположить, что все дело здесь просто в подходе. Авторы Библии, придумывавшие принципиально новую религию, вынуждены были, чтобы отделить её" от мифологии, все поставить с ног на голову. Доказательства этому можно найти на каждой странице, равно как на каждой странице можно найти, что окончательно пот рвать с язычеством авторам не удалось.

Единственно реальное объяснение рухнувшим стенам Иерихона — землетрясение. Такое случилось в районе Средиземноморья около 1450 года до н.э.: взорвался вулкан Санторин, похоронив крито-микенскую цивилизацию. Над Европой, Передней Азией и Северной Африкой выпал дождь из пепла, скрывший солнце. Именно этот факт, видимо, отразился в одной из казней Моисея — "тьме египетской", но тогда самого Моисея придется «удревнить» по меньшей мере, на сто лет. И тогда придется констатировать, что Иисус Навин пришел к руинам и скелетам, над которыми еще, может быть, по привычке летали охочие до падали птицы. С этой точки зрения легко объяснить недельное хождение вокруг Иерихона: люди боялись заразы и одновременно совершали обряд очищения. Криками и дудками на Востоке до сих пор отгоняют злых духов, а именно от них и требовалось «очистить» город, чтобы заселить. Но, видимо, и эта операция не удалась, иначе Иисус Навин не проклял бы Иерихон.

Можно ли принять такую версию? С одной стороны, она очень выгодна потомкам Авраама, ибо спасает их от обвинения в геноциде целого народа ханаанейцев, но с другой, уличает во лжи их священную книгу.

Город, в котором двери на крыше

Несчастливая Анатолия, ныне превращенная в демонстрационный зал лениво передвигающихся голых тел, знавала куда более интересные и романтические времена. Есть в ее южной части Конийская долина, на протяжении тысячелетий являвшаяся житницей Малой Азии. Такова она и сейчас.

В 1958 году английскому археологу Джеймсу Мелаарту удалось сделать здесь открытие первостепенной важности, перед которым бледнеют и Троя Шлимана, и гробница Тутанхамона, обнаруженная Картером. На берегу полноводной реки Уаршамбачай его внимание привлекло место, называемое турками Чатал-Гюк (Двойной холм). Наибольший из этих холмов был длиной 500 метров, шириной — 300, а высотой — 17,5 метра. Собранный с поверхности материал датировался V тысячелетием, но толщина культурного слоя позволяла надеяться и на находки более древнего возраста. Так оно и оказалось.

Вокруг Чатал-Гюка были разбросаны еще около двадцати поселений раннеземледельческих племен, но площадь именно этого была наибольшей — 13 гектаров. Как раз тогда же открыли докерамический Иерихон, но Чатал-Гюк готов был затмить его хотя бы потому, что площадь анатолийского города была в три-четыре раза больше.

Сначала Мелаарту никто не поверил, и было от чего. Сняв лишь дерн, англичанин наткнулся на стены, а, углубляясь, он обнаружил множество храмов с фресками, рельефные и скульптурные изображения, могилы с остатками тканей, медные и свинцовые бусы и деревянные сосуды. Сохранность находок превышала все мыслимое и немыслимое: в некоторых случаях сохранились нити, на которые нанизывался жемчуг, а в черепных коробках — мозг. Но наибольшую сенсацию вызвал радиоуглеродный анализ находок, они попадали в рамки между 6800 и 5800 годами до н. э. Это казалось настолько нереальным, что появились статьи, в одних из которых прямо говорилось о фальсификации, а в других — что метод радиоуглеродного анализа надо признать несостоятельным. Но по мере того, как археологи посещали раскопки, число приверженцев Мелаарта росло, и сейчас уже никто не сомневается в правильности его датировок, корректируя их лишь в ту или иную сторону. Правда, добраться пока удалось лишь до XII слоя, который уже лежит ниже уровня современных полей, и система мелиорации Конии не позволяет проследить зарождение Чатал-Гюка. XII слой датируется 6800 годом до н. э., верхний — 5790 годом до н. э. Последняя дата совпадает с распространением в Иерихоне культуры портретных черепов с гипсовой облицовкой. Сам Чатал-Гюк и поселения, группировавшиеся вокруг него, не хранят следов ни временных упадков, ни взлетов, нет даже следов захвата или попыток штурма, жизнь здесь как бы законсервировалась на тысячу лет.

Городище было спланировано заранее как единое целое. Прямоугольные дома размером 8—10 на 4—6 метров тесно примыкали друг к другу, не оставляя места ни улицам, ни переулкам. Сложены дома были из прямоугольного сырцового кирпича. Двери в комнаты были столь низкие, что через них можно было только пробраться на четвереньках. Внутри из глины же устраивались невысокие платформы типа лежанки или скамьи. Другой «мебели», вероятно, и не было. Полы застилались шерстяными узорчатыми коврами, как того требуют суровые анатолийские ночи: оттиски этих ковров остались на глине. Внешние стены кварталов одновременно служили и границей города, и оборонительными стенами. (Подобный способ обороны существовал в Анатолии еще сто лет назад.) Весь комплекс напоминал собой пчелиные

соты. В дома можно было попасть только через плоскую крышу по лестнице. По-видимому, большую часть жизни чатал-гуюкцы проводили на крыше. Крыша была своего рода и общественным местом, и кухней, и ремесленной мастерской (так как следы мастерских в домах до сих пор не обнаружены, хотя они несомненно были). Но Чатал-Гуюк не был ни центром торговли, ни центром ремесел, то есть здесь не было товарного производства как такового, поэтому исследователи именуют его либо "неолитическим городом", либо «агрогородом». Число же жителей определяется от двух до шести тысяч человек.

Каждый третий или четвертый дом был украшен рельефами, скульптурами и фресками, из чего был сделан вывод, что эти дома являются святилищами, так как внутреннее убранство никак не связано с хозяйственной или бытовой деятельностью человека. Поскольку они включались в жилые комплексы, можно предположить, что каждый храм принадлежал определенной группе домов. На сегодняшний день открыто более пятидесяти таких храмов.

Основу хозяйства составляли скотоводство, земледелие и охота. Удалось распознать четырнадцать видов культивируемых растений. Больше всего оказалось пшеницы разных сортов, голозерного ячменя и гороха. Желуди, косточки фисташек и миндаля, возможно, указывают на получение из них растительного масла. Из семян крапивного дерева, вероятно, делалось фруктовое вино. Стада состояли из мелкого и крупного домашнего скота. Были приручены и собаки.

Но как пережиток первобытного состояния сохранилась охота на быка и благородного оленя. Культ охоты специально посвящены некоторые храмы. На фресках из них, выполненных минеральными красками, изображено множество людей, которые танцуют вокруг чрезмерно больших животных. Некоторые нарисованы даже в натуральную величину, например, бык длиной 2,4 метра. Вот мужчина в набедренной повязке натягивает лук, примеряясь к стаду оленей, один олень уже упал. За стадом стоят еще несколько охотников. Увеличенная фигура мужчины с луком позволяет предположить в нем вождя. На другой фреске изображены охотники, танцующие в честь божества охоты, которое символизирует кабан. Кроме луков они держат в руках рога и барабаны.

Главная роспись из другого храма наводит на мысль о минойской эпохе Крита. Здесь изображен огромный бык, вокруг которого танцуют люди. Один из них делает сальто на спине быка. Подобные же прыжки через три-четыре тысячи лет считались на Крите ритуальным видом спорта. Следы таких же игр прослеживаются вплоть до Индии, а в наше время трансформировались в корриду. Быка из Чатал-Гуюка мужчина держит за высунутый язык: этот болезненный прием, очевидно, рассчитан на то, чтобы удержать быка на месте. Присутствуют на фресках онагры и бурые медведи. В одной из сцен на медведя нападают впятером, один из нападающих держит животное за хвост. Это никак не мог быть дикий медведь, который легко бы справился с пятью охотниками. В то же время еще никому не удалось вывести породу домашних медведей. Вероятно, в данном случае речь идет о медвежонке, выросшем в неволе. Такие игры до прихода советской власти были распространены у народов Севера и связаны с культом медведя. Когда зверь вырастал и его уже нельзя было удержать на одном ремне, совершался обряд, который символизировал власть человека над царем тайги. Медведя освобождали и ударами палок приводили в состояние, близкое к бешенству, после чего к нему приближался человек, наряженный в несколько шуб, и давал медведю зубами вцепиться в мех. Затем он бросался зверю на шею, хватал его за уши и пригибал к земле. Другие охотники прижимали лапы зверя. «Усмирив» таким образом, медведя отпускали, если, конечно, он не был последним съестным запасом. Интересно, что из изображенных животных два вида принадлежат к травоядным, а два других — к тем, которых до недавнего времени (например, японские

айны) вскармливали женским молоком.

Однако чаще всего на фресках встречается изображение леопарда или его шкуры на участнике мистерий. Культ леопарда, связанный с убийством (будь то война или охота), очень древний, причем существует до сих пор. Только мало осведомленные европейцы могли посчитать льва царем зверей. Ни лев (который, кстати говоря, вообще не охотится, пищу ему добывают львицы), ни тигр не пользуются у первобытных народов такой зловещей славой и таким уважением, как леопард. Есть огромное количество свидетельств почитания леопарда, как самого могущественного зверя, из районов Передней Азии и Африки. В Египте эпохи фараонов жрецы носили мантии из шкур леопарда. Обошедшая весь мир статуэтка Тутанхамона, стоящего на леопарде, подчеркивает власть фараона над всеми живыми существами. Леопарды считались королевскими животными в Бенине, дочери королей Восточной Африки носили леопардовую шкуру как знак отличия. Почти все аборигены Западной Африки и по сей день верят, что некоторые люди способны превращаться в леопардов. Существует даже "общество леопардов", которое настолько засекречено, что европейцы узнали о нем всего сто лет назад. Обычный набор вещей члена секты — одежда из шкуры леопарда, нож с тремя лезвиями, формой напоминающими когти зверя, и магическая сумка борфима. В сумке постоянно лежали части человеческого тела, кровь петуха и немного риса. Для того чтобы сумка не теряла свойств охранять членов общества, ее следовало время от времени смазывать человеческой кровью и жиром. В таких случаях созывалось собрание, и посвящаемому предлагалось совершить ритуальное убийство для "насыщения борфима". После «насыщения» труп делился между членами общества. Предательство каралось лишением не только земной жизни, но и загробной. Этих людей (в развитии своем недалеко ушедших, а в чем-то и не дошедших, от чатал-гюкцев) в Сьерра-Леоне начали преследовать только в 1892 году. Размах их деятельности был столь широк, что по обвинению в убийствах задержали сразу более четырехсот человек, включая племенных вождей. Пять членов общества в 1912 году повесили, остальных приговорили к тюремному заключению. Однако дело это не поправило, и через сорок лет в нигерийском округе Калабр за короткий период было найдено более восьмидесяти жертв со вспоротыми яремными венами. Около каждого изувеченного трупа находили отпечатки лап леопарда. Были назначены крупные вознаграждения, введено осадное положение, после четырех часов дня запрещено выходить из хижин, но люди-леопарды все равно настигали свои жертвы под самым носом у патрулей и даже убили одного полицейского. Находили трупы с вырезанным сердцем и легкими и со следами когтей леопардов. Особенно много было детей. Власти, не находя адекватных мер борьбы, повесили восемнадцать человек, не имея сколь-нибудь серьезных доказательств: на предательство и контакт с законом члены общества не идут. Они считают, что между каждым членом общества и настоящим леопардом существует кровная связь, и когда умирает человек-леопард, находят и мертвого леопарда. Поэтому отказываясь от совершенных ими убийств, они не столько спасают свою жизнь, сколько жизнь "существа, которое считают своим богом".

На одной из фресок Чатал-Гюка можно видеть двух людей (мужчину и женщину), которые полностью копируют облик леопарда. Есть и рельефное изображение двух леопардов, упирающихся головами друг в друга. Удалось установить, что эта роспись ежегодно обновлялась. В другом храме изображения зверей в верхних слоях — лимонно-желтые, с черными пятнами и зеленой мордой, а в нижних — черные на белом фоне, с красными лапами. Объяснение этому не найдено. Перед изображениями леопардов стояла каменная фигура женщины в окружении знаков. На другом рельефе изображена фигура женщины, стоящей за леопардом. Найдена и фигурка женщины с шейным платком из шкуры леопарда, восседающая на леопарде же. Но подлинной сенсацией, затмившей всех палеолитических венер сразу, стала статуэтка нагой толстой женщины, восседающей на троне, с двумя леопардами по бокам. Ее ноги упираются в

череп (вероятно, предков), между ногами видна голова нарождающегося младенца. Статуэтку эту обнаружили в силосной яме, поэтому трактуют обычно так: роженица (она же богиня плодородия), вбирая силу предков и повелевая всем сущим миром, в силу своей плодovitости должна по законам магии подобия стимулировать плодоносность растений. О том, что именно женщина играла в культуре связующую роль между окружающим миром и человеком, свидетельствуют не только танцевальные картины вокруг зверей, где женщины всегда находятся в центре и, следовательно, выполняют роль жриц. Об этом же говорят и находки в их могилах сельскохозяйственных орудий (мужчины себя этой работой не утруждали). Наконец, в самих храмах обнаружены только женские могилы. Из 480 захороненных тел 21 окрашено охрой, 3 тела — зеленой краской, 10 — медной лазурью.

Все это недвусмысленно говорит о существовании в Чатал-Гюке матрилинейной родовой организации.

Еще на одном рельефе из храма роль обожествленной женщины как производительницы всех благ подчеркивается еще сильнее. Здесь изображена женщина в натуральную величину, раскинув руки и ноги, с выступающим вперед пупком, который и поныне считается у восточных народов связующим звеном между матерью и плодом (к примеру, у курдов женщина, представшая перед мужчинами с голым животом, — опозорена навсегда). От ее влагалища спускается лента, которая соединена с тремя бычьими головами, вылепленными из глины (но с натуральными рогами) и положенными одна на другую.

Надо сказать, что жизнь женщины в условиях матриархата была гораздо тяжелее нынешней (возможно, они даже вполне сознательно отказались от главенствующей роли). Ведь помимо культовых обязанностей и занятий сельским хозяйством (и всем остальным, с ним сопряженным), домом и детьми, женщина была еще и ткачихой. Узоры текстильных изделий, изображенных на стенной росписи, и в наше время встречаются на турецких коврах. Но женщина всегда остается женщиной, даже при матриархате. Предметы, помещенные в их могилы, говорят о значительном уровне благосостояния. Здесь обнаружены сотни личных украшений: ожерелья, металлические и каменные бусы, разнообразные браслеты, костяные шпатели. Чатал-Гюк дал нам самые ранние образцы косметики: корзиночки с румянами; обсидиановые зеркала, которые крепились в рукоятке с помощью известковой пасты; косметические лопатки и даже пудра, делавшаяся из смеси охры с жировыми веществами и помешавшаяся в изящные средиземноморские раковины.

Ну а что же мужчины Чатал-Гюка? Только ли плясали представители (тогда слабого) пола вокруг жертвенных животных, или пробавлялись еще какими-нибудь занятиями? Дифференциация храмов позволяет предполагать, что они представляли собой "клубы по интересам". Рядовой чатал-гюкец вполне мог размышлять так: "Вчера я был в храме рожениц. Сегодня, пожалуй, заверну в храм леопардов, а завтра зайду в храм быков. Везде разные люди, везде новая пища для разговоров. Да и жрица, глядишь, даст кусок от жертвенного животного, поужинаю дважды".

Мужчин погребали под лежанками или скамьями в жилых домах отдельно, от женщин и детей. Иногда археологам попадались только большие кости и череп, сложенные в мешок или корзину. В других случаях трупы хоронили целиком, и у некоторых сохранились даже мышцы и сухожилия. Из-за пожаров трупы обуглились, так как находились всего в двадцати сантиметрах от уровня пола. Следовательно, обитатели дома не покидали его даже после смерти. Третий тип погребений Мелаарт обнаружил в храме,

который он назвал "Храмом предков": здесь были только черепа, выставленные перед фресками или головами быков. С культом черепов, кажется, все ясно: представленная тут же фреска изображает коршунов-стервятников над обезглавленным трупом. По всей видимости, после смерти главы рода или даже вождя его тело, лишенное головы, относили за город и оставляли там до тех пор, пока птицы не обглодают, а дожди не омоют кости. Если же человек не занимал по иерархии выдающегося положения, его выдавали птицам с головой. Потом кости собирали и хоронили по месту жительства. Но почему тогда некоторых мужчин хоронили "во плоти"?

Мелаарт попытался объяснить это так: всех умерших в течение года хоронили накануне нового, поэтому от тех, кого птицы и шакалы успели обглодать, хоронили только кости, оставшихся — целиком. Этому, однако, противоречит очень многое, и в первую очередь свидетельства античных авторов о народах, недалеко ушедших от чатал-гюкцев в развитии. Страбон перечисляет очень много подобных племен, заселявших земли от Малой Азии до Средней Азии включительно. По его уверениям, когда умирал вождь или глава рода, ему устраивали похороны, но несколько отличные: его варили (или коптили) с мясом быка и поедали всем племенем. Этим культовым актом люди как бы приобщались к силе, опыту и величию духа умершего. Наследнику при этом доставались внутренности (печень и сердце), где находились самые главные жизненные силы. Кстати говоря, наша тризна или поминки — прямое свидетельство того обычая, в котором лишь поменяли набор «угощений». Об этом помнил еще Гомер, написавший в одном месте:

Не подобает ахейцам скорбеть по усопшим желудком...

А в другом:

Даже Ниоба кудрявая вспомнила в скорби о хлебе...[\[1\]](#)

С остальными же членами рода поступали так, как описал Мелаарт: их отдавали диким животным. Если тело оставалось нетронутым (или недоеденным), такой человек объявлялся недостойным посмертной жизни, и далее им никто не занимался. Трупы женщин просто выбрасывали, совершенно не интересуясь дальнейшей судьбой костей.

Несколько иначе поступали с представителями культов. В соседней с Чатал-Гююком Фригии тела умерших жрецов окрашивали золотой краской иставляли как столбы на границах области: жрецы посмертно должны были нести вахты и защищать свой край от проникновения в него злых духов.

В мужских захоронениях встречались каменные наконечники булавы, кинжалы из крупных обсидиановых пластин, наконечники дротиков и стрел, костяные застёжки поясов. Можно предположить, что все это они изготавливали сами. Посуда чатал-гюкцев представлена незначительным количеством каменных и глиняных сосудов, встречаются сосуды из кости и рога. Зато большое разнообразие обнаружено среди деревянной посуды: тут и плоские блюда с фигурными выступами-ручками, и кубки, и коробка с плотно прилегающими крышками, и ложки, горшки, миски. Занимались здесь и плетением корзин, которые, собственно, и послужили прообразом всей глиняной и деревянной посуды. Лопаты делали из лопаточных костей крупного рогатого скота. Но орудия типа топоров или секир отсутствуют, хотя изображения их обнаружены. Остается предположить, что рубящие орудия делались из металла и в силу своей необычайной ценности в могилы не клались, а переходили от отца к сыну. Испорченные же отдавались в переплавку.

В ходе раскопок удалось установить, что уже в середине VII тысячелетия чатал-гюкцы умели выплавлять из руды свинец и медь.^[2] Ковать куски необработанной меди они умели еще раньше! Проведенные исследования шлаков и печей позволили утверждать, что медь выплавлялась из малахита при сжигании древесного угля.

Всеми перечисленными видами деятельности, вероятно, занимались мужчины. И уж наверняка только они занимались скотоводством (вероятно, отгонным), так как бык изначально ассоциировался с мужским божеством.

Если же говорить о социальных отношениях чатал-гюкцев, то надо вернуться к фрескам и рельефам. На некоторых из них, посвященных охоте на оленей, фигура одного охотника в два раза больше других. Существует весьма обоснованное предположение, что это вождь, ибо аналогий такому изображению правителей можно привести тысячи. Обнаружена также известняковая статуэтка старика с браслетами и в головном уборе из меха леопарда. Возможно, и она изображает вождя. Но даже если в Чатал-Гюке главенствующая роль принадлежала одному человеку, наряду с кастой жриц (и, возможно, жрецов), остальные люди жили в социальном равенстве.

Еще одна находка позволила говорить о том, что родовая организация в Чатал-Гюке уже состояла из семей, — это глиняные печати, обнаруженные только по одной в некоторых домах. Имея явное сходство узоров, они тем не менее легко различимы.^[3] Однако как оттиски на сырой глине они неизвестны. Вероятно, ими наносили семейный знак на личные вещи. Это подтверждает женская статуэтка со штемпельной меткой, нанесенной краской.

Удивительной находкой стала Вифлеемская звезда, нарисованная на стене одного из храмов. Никто не предполагал, что она настолько древняя. Как, впрочем, и крест: в другом храме изображен крест в пурпурных и оранжевых тонах, поверх краски нанесен слой толченого горного хрусталя. Нетрудно представить, как таинственно-магически светился он в отблесках костра.

Неизвестно, по какой причине Чатал-Гюк вдруг перестал существовать. Однако неожиданно слабые следы его обнаружили в Греции. Здесь в Неа-Никомедии английские археологи обнаружили поселение конца VII тысячелетия. Керамика и печати из него были идентичны находкам в Чатал-Гюке, но совершенно отсутствовали металлические изделия. Правда, в этой части Греции совершенно отсутствуют месторождения меди и свинца. И люди могли просто утратить приобретенный опыт. Но и это не главное. Неизвестно, действительно ли какие-то потомки чатал-гюкцев сумели перебраться сюда и начать все заново, или культура Неа-Никомедии самостоятельна.

После запустения Чатал-Гюка значительные центры появились в Малой Азии лишь через две тысячи лет.

Феномен Чатал-Гюка состоит в том, что он — пример огромных возможностей, которые появлялись у человека при переходе к городской жизни. Но по каким-то причинам опыт чатал-гюкцев не был востребован, и человечеству здесь пришлось начинать сначала.

Троя, Гомер и война: псевдометаморфоза

Спросите любого русского, кто победил в Бородинском сражении, и он ответит: «Наши». Задайте подобный вопрос французу, и ответ будет адекватным. Мы гордимся героическим сопротивлением монгол о-татарском у игу; современные турки-кипчаки считают, что ни о каком завоевании речи быть не может, они приводили к повиновению невесты что возмнивших о себе рабов. Самой большой гордостью афинян была победа на Марафонском поле, а персы о ней даже не слышали et cetera.

Война-1

Если верить Гомеру, то первой мировой войной следует считать Троянскую. В ней участвовали не только десятки народов, но даже бессмертные боги. Началась она, как известно, с пустяка: греки отняли у троянцев царевну Гесиону, троянцы им отомстили, утащив Елену Спартанскую. Уже Ксенофан в VI веке до н. э. критиковал Гомера. Аристофан откровенно смеялся над таким предлогом войны, как кража царицы, которую один раз уже умыкнул Тезей. Дион Хризостом в I веке н. э. выступил перед жителями Илиона (другое и настоящее название Трои) с речью, в которой выносил порицание Гомеру за вымыслы. Наконец, в V веке троянец Дарес, с троянской же точки зрения, написал историю войны. Она легла в основу средневековых европейских романов о Трое. Но авторитет Гомера устоял, и теперь во всех учебниках история Троянской войны излагается по нему и по Аполлодору.

Заметим кстати, что Гомер писал примерно через пятьсот лет после войны и опирался лишь на устную традицию. Много ли тогда могла сохранить человеческая память? И не желал ли каждый потомок греческого вождя (а этих вождей под Троей было сорок три человека, потомков же — не сосчитать) выставить предка в наилучшем свете. Прежде всего, этим лишний раз подтверждались его права на царство. Но и это не главное. Важно было другое. Во времена Гомера Греция находилась в подавленном состоянии. От былого микенского величия и культуры не осталось и следа: нахлынувшие с севера орды дорийцев уничтожили все, включая письменность, которую пришлось изобретать заново. — И как всегда бывает в подобных случаях, уцелевшим ахейцам и эолийцам ничего не оставалось, как искать утешение в прошлом.^[4] И манипулировать этим прошлым, чтобы поддерживать свой собственный моральный дух.

Переходя из одного города в другой, где царствовали потомки ахейцев, Гомер и подобные ему аэды поневоле вынуждены были преувеличивать заслуги древних «героев», чтобы не остаться без ужина и без ночлега. Стараясь угодить всем, они неминуемо допускали ошибки и искажения. Отыскать их и, возможно, пересмотреть итоги Троянской войны мы и попробуем.

Греческим союзным войском под Троей командовали два брата — Агамемнон и Менелай. Кто они такие? — Атриды. Этот род геройским никак не назовешь (пожалуй, только Менелай не совершил какой-нибудь откровенной гнусности). Родоначальник их Пелопс прибыл из Азии с большими деньгами, если верить Фукидиду. Потом он сделал так, что его будущий тесть погиб, вывалившись из колесницы.^[5] Деньги укрепили власть и могущество Пелопса. Дети его были Атрей и Фиест. Жена Атрея Аэропа оказалась женщиной не самой верной и скоро сошлась с Фиестом. Но вполне возможно, что она была и положительным персонажем, так как по одной из версий ей суждено было стать женой именно Фиеста. Как и полагается обманутым мужьям, Атрей об измене не ведал ни сном, ни духом. Вместо того, чтобы сторожить жену, он давал обеты принести в жертву Аполлону самого красивого ягненка, рассчитывая,

вероятно, таким способом увеличить приплод у своих овец. И вот в его стаде родился золотой ягненок. Все обеты были тут же забыты: Атрей ягненка задушил и спрятал в сундук. Но Аэропа выкрала сундук и подарила Фиесту. В это время жители Микен и их царь Еврисфей, который придумывал подвиги Гераклу, узнали от оракула, что царствовать над ними должен потомок Пелопса. Фиест и Атрей поехали в Микены. Горожане не знали, кого из братьев посадить на царство. Тогда Фиест показал им золотого ягненка. Возможно, он добавил, что в его стадах только такие и появляются на свет. Микенцам Фиест понравился больше. Но не тут-то было. В дело вмешался Зевс и приказал Гелиосу совершить по небу путь в обратном направлении. Узрев сие чудо, микенцы извинились перед Фиестом и отдали престол Атрею.

Оставшись один и наблюдая за благоверной, Атрей скоро сообразил, что она изменяла ему с Фиестом: женщина ведь рано или поздно обязательно выдаст себя какой-нибудь глупостью. Атрей решил мстить и пригласил Фиеста на пир якобы для примирения. Фиест на дармовщинку купился. На пиру Атрей угостил брата мясом его же собственных детей, а потом прогнал с глаз своих. Фиест отправился к оракулу за советом. Пифия надоумила его сойтись с собственной дочерью, которая родит сына, и сей противоестественный плод за него отомстит.

Так оно и вышло. Эгисф — этот самый плод — вырос, убил Атрея и вернул Фиесту царство.

После Атрея остались две сироты — Агамемнон и Менелай, их приютили неподалеку, в Сикионе. Когда они выросли, то вернулись в Микены и навсегда изгнали Фиеста.

В это время в соседней Спарте правил царь Тиндарей. Когда-то у него было четверо детей, но теперь рядом с ним находилась только обесчещенная Тезеем Елена! Два сына его — Диоскуры Кастор и Полидевк — были сущими дьяволами, бандитами с большой дороги. Они носились по всему Пелопоннесу, воровали и грабили. От расправы местных жителей их спасало только то, что они были близнецами, а в те седые времена перед близнецами испытывали суеверный страх, потому что никто не мог понять, откуда они вдруг берутся. Но Диоскурам не повезло: в соседней Мессении жили такие же близнецы Афаретиды, тоже сущие воры. Вчетвером они сговорились угнать особенно большое стадо быков из Аркадии и угнали, но при дележе перессорились и поубивали друг друга. Тиндарей лишился наследников. Он выдал старшую дочь Клитемнестру за микенского царевича Тантала, сына Фиеста, и та уже родила ему ребенка. Но Агамемнон, когда изгонял Фиеста, убил Тантала и его ребенка, а сам по законам войны женился на Клитемнестре. (Когда через тридцать лет Агамемнон вернулся из-под Трои и был убит Клитемнестрой и Эгисфом, последние имели на убийство полное право: один мстил за брата и племянника, другая — за своего первенца и первого мужа. Этот факт почему-то ни у кого не вызывает интереса, хотя он-то и объясняет столь, казалось бы, бесчеловечное убийство "повелителя мира".)

Итак, у престарелого Тиндарея на выданье осталась только Елена. Понятно, что ее муж получал право на спартанский престол. Поэтому от царей-женихов не было отбоя, сама Елена со своей красотой вряд ли кого-нибудь интересовала. Но что это были за женихи! — голь перекатная. Например, Одиссей сам пахал, а из оружия имел только лук, да и тот никогда не выносил из дома, чтобы не потерять или ненароком не сломать. В душе Тиндарей мечтал о заморской Трое: богатый город, которым правит богатый царь Приам; у него пятьдесят сыновей. За одного из них не стыдно и дочь отдать, и трон ему передать, и со знатными людьми породниться. Вполне возможно, Тиндарей даже отправил соответствующее посольство с соответствующими предложениями, но из-за происков женихов и Агамемнона оно либо не доплыло до Трои, либо до родного порта из Трои. Иноплеменник никому нужен не был. В конце концов, Агамемнон

уговорил Тиндарея отдать Елену за Менелая. Этим Агамемнон убивал двух зайцев: во-первых, теперь можно было не опасаться, что брат однажды вонзит ему в спину нож, чтобы самому царствовать в Микенах; во-вторых, по соседству с ним оказывался верный союзник из ближайших родственников.

В любви и согласии Менелай прожил с Еленой около десяти лет, во время отъезда Елены в Трою у нее была девятилетняя дочь Гермiona. Никаких позывов к посторонней мужской плоти за царицей в это время не замечалось.

Троя-1

Перенесемся в Трою. Расположенный в Малой Азии в пяти километрах от берега, город этот прикрывал проход через Дарданеллы в Черное море. Согласно археологии, первая крепость на холме была построена пять тысяч лет назад (современное название этого холма — Гиссарлык — так и переводится "крепость"). Жители крепости не только контролировали проход в Черное море, но и держали в своих руках переправу между Европой и Азией. Расцвет первой крепости пришелся на 2300 год до н. э. Именно этим временем (создания вещей, а не по времени захоронения) датируют десять золотых и серебряных кладов, обнаруженных Шлиманом. Следовательно, жители не бедствовали, но за богатства свои дрожали. И не напрасно.

Так оно и случилось. В XXI веке до н. э. Троя была разрушена.

Несколько веков на ее месте существовали небольшие поселки, затем около 1900–1800 годов до н. э. крепость была захвачена пришельцами с севера. Они, вероятно, сразили потомков первых троянцев тем, что умели ездить на лошадях, о которых в тех местах не подозревали.^[6] Захватчики, которые вне всякого сомнения были индоевропейцами, построили еще более мощную и по размерам большую крепость.

В XV веке до н. э. на юго-западе Малой Азии греки-ахейцы основали свою первую колонию Милет. До этого они уже создали некое политическое объединение на острове Родос, которое хеттские источники именуют страной Ахийавой. Как видно, греки продвигались вперед осторожно.

Тогда же появились упоминания о Трое у хеттов под именами Вилусия и Труиса, из которых под первым обычно понимают название города (Илион),^[7] а под вторым — местности (Троада). Но еще более раннее упоминание Илиона можно встретить на знаменитом Фестском диске, если следовать переводу с древнелувинского, сделанному болгарским профессором Ивановым.

Около 1350–1250 годов до н. э.^[8] город был разрушен сильным землетрясением, следы которого в виде разломов до сих пор видны в стенах, и сожжен. Однако непонятно, произошел ли пожар вследствие землетрясения, или кто-то из соседей (больше всего на эту роль подходит хеттский царь Тутхалийя IV) воспользовался катаклизмом и разграбил беззащитную Трою.

После этого на холме поселяются пришельцы из центральной Европы, и с этого времени начинается история Трои, отраженная в мифах. Но во все времена, как видно, район Босфорского пролива всегда был костью в горле для многих народов. Троя только первой приняла удар, вторым пришлось «отдуваться» Калхедону, следом — Византию, который сменил многострадальный Константинополь, а сейчас —

Стамбулу.

Война-II

Согласно Гомеру, основателем Трои был внук Дардана, сын Эрихтония, по имени Трос. От брака с дочерью реки Скамандр он имел сыновей. Одного из них — Ганимеда — похитил Зевс (по методу сына капитана Гранта), а другой — Ил — каким-то образом тоже стал основателем Трои и назвал ее по своему имени Илионом.[\[9\]](#)

Сын Ила Лаомедонт окружил город высокой стеной. Для этого он нанял не кого-нибудь, а Посейдона и Аполлона. Те возвели стену, которую невозможно было разрушить, так как камни они впервые скрепили цементом (или похожим составом). Только они это и могли сделать: ведь цемент, разбавленный водой (а вода — стихия Посейдона), затем затвердевал на солнце (солнце — стихия Аполлона), превращая сооружение в монолит. Сделав дело, боги потребовали гонорар. Лаомедонт им ничего не дал. Для этого у него были два основания: во-первых, Посейдон с Аполлоном были у троянского царя как бы в ссылке за бунт против Зевса; во-вторых, логично рассуждал Лаомедонт, у богов и так все есть. Аполлон согласился с его логикой и тихо ушел, но Посейдон (кстати говоря, в большинстве мифов проявивший себя как явный психопат) затопил все пашни Трои и потребовал, чтобы дочь царя Гесиону отдали на съеденье морской чуде-юде. Гесиону — в лучших традициях Андромеды — привязали к прибрежной скале. Все рыдали, но слезами делу помочь не могли: воды у Посейдона и без них хватало. Но тут появился Геракл; он возвращался из похода на амазонок. Лаомедонт пообещал ему за спасение дочери коней. Этих коней дал троянцам Зевс, когда похитил и растлил Ганимеда. Геракл сразил чуду-юду одной стрелой. Но Лаомедонт, верный принципу абстинента: всё добро — только в дом, — и тут ничего не заплатил. Геракл рассвирепел и с горсткой своих дружинников взял неприступную Трою в один день (немного позже лучшим героям древности числом в сто тысяч на это потребовались десять лет и гнусная хитрость Одиссея). Геракл убил всех сыновей царя, сделав исключение лишь для юного Приама. Гесиона принуждена была выйти замуж за Теламона, который первым ворвался в Скейские ворота Трои. Теламон увез троянскую царевну на Саламин, где она родила ему Тевкра, другая женщина родила ему Аякса.

Распрощавшись с Гераклом и пожелав ему (про себя, разумеется) побыстрее надеть хитон Несса, этот, с позволения сказать, герой участвовал потом в уничтожении родины матери, только если его отец проник в город через ворота и первым, то Тевкр пробрался в коне. Теламон так разгневался на сына, что по возвращении выгнал его из дома. Приам обзавелся гаремом и деятельно стал восполнять собственным потомством демографический урон, нанесенный Гераклом. У него было пятьдесят сыновей и столько же дочерей, из которых наиболее известны Гектор, Парис, Деифоб, Кассандра и Поликсена. В Кассандру влюбился Аполлон и получил отказ. Другие боги в подобных случаях, не стесняясь, брали дев силой, но Аполлон придумал более изощренное издевательство: плюнув ей в рот, он сделал Кассандру пророчицей, которой никто не верил. Собственно, наказание было совсем другого рода: он обрек бедняжку на вечную девственность.[\[10\]](#) А не верили ей совсем по другой причине. Есть подозрения, что Кассандра, мягко говоря, была от рождения либо дурой, либо сумасшедшей. И в самом деле, будь у нее хоть капля мозгов, она бы сообразила, как ей выкрутиться: если люди не верят ее пророчествам, надо говорить все наоборот. Например, она пророчествовала, что в троянском коне сидят вооруженные ахейцы, и ей не поверили. А ведь стоило сказать, что внутри коня никого нет, и она спасла бы родной город!

Париса, как известно, при рождении выбросили, потому что его матери приснился дурной сон. Жизнь

с детства приучила его быть хитрым, изворотливым, когда нужно — льстивым, когда надо — наглым. При всем при этом он был прост и неотесан от непрерывного общения с природой и животными. Парис, он же Александр, [11] поселился с пастухом на соседней горе Иде. Здесь он женился на нимфе ближайшего источника Эноне и был вполне счастлив, играя на дудочке овцам. Энону же когда-то любил Аполлон и за любовь наградил даром прорицания (ничем другим он, видимо, за любовь никому не платил). Энона поведала мужу, что ему суждено похитить Елену, стать причиной гибели многих славных мужей, да и самому снизойти в Аид. Парис не придавал ее словам никакого значения: весь мир для него замыкался горой Идой и овцами.

— Каких мужей? Баранов, что ли? — спросил он.

Сию пастораль решили разрушить боги. Можно привести тысячи примеров, когда олимпийцы не могли спокойно спать, если кому-то на земле жилось счастливо.

На свадьбе, последствием которой должно было быть рождение Ахилла, три богини переругались из-за яблока (на самом деле это был гранат или айва). Зевс отправил их на Иду к третейскому судье Парису. Решение — более чем странное. Ну что за судья Парис? Пастух, предположительно знавший, какого он роду-племени. Мыслимое ли дело, чтобы три величайшие богини доверились такому судье? (Представим, что Македонский, Цезарь и Наполеон за решением, кто из них самый великий завоеватель, обратились бы к эскимосу!) Парис был в состоянии судить только о красоте своих овец, да и судил он только своих овец, и, как правило, приговор у него был один — смертная казнь и через час ужин. Расчет Зевса мог строиться только на одном: когда богини поймут, что судить об их красоте поручили сельскому дураку, они просто не примут его решение всерьез, посмеются и забудут о кознях Эриды, богини мщения. Плохо же Громовержец знал женщин!

Все богини предстали перед Парисом обнаженными и предложили взятки. Пастух поначалу опешил от такого количества голых дам и решил дать деру, но прибывший на суд Гермес убедил его, что "так надо".

Будь Парис опытным бабником, он легко бы справился с задачей. Ведь достаточно было бы сказать:

— Та из вас, которая уйдет отсюда быстрее всех и никогда больше не появится, та и самая красивая, — и он бы вышел победителем.

Но что взять с неотесанной деревенщины? Парис видел перед собой трех женщин: Геру, возраст которой уже несколько тысяч лет не позволял ей прибегнуть к спасительной поговорке: "В сорок пять — баба ягодка опять"; Афины — ее растренированные ежедневными упражнениями бицепсы и икры пригодились бы, если бы деревня Париса вышла стенка на стенку с соседней деревней, но на конкурсе красоты от них было мало толка (потому-то Афины никогда и не изображали голой); и Афродиту! — богиню любви и дальнюю родственницу.

В самом деле, трудно найти другой такой царский род, в котором все мужчины были бы как на подбор. Боги от их красоты просто млели. Первым отличился Зевс. С этой же горы, на которой Парис

теперь судил и рядил, Кронион украл юного красавца Ганимеда и "отдал самому себе на поругание". (Потом, правда, одумался и сделал виночерпием на Олимпе.) Отсюда же "младая с перстами пурпурными Эос" утащила к себе родного дядю Париса — красавца Тифона. Наконец, и сама Афродита явилась однажды чуть ли не в этот самый шалаш к двоюродному дяде Париса Анхизу (этот и сейчас с Афродитиным приплодом живет в Трое) и сказала:

*Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным, —*

после чего отдалась на подстилке и сделала Анхиза отцом Энея. Так что Парис воспринял предложенную ему первую красавицу Греции как само собой разумеющееся. Не богиня Елена, конечно, но все-таки. Все-таки дочь Зевса!

Парис поступил, как честный судья: вынеся приговор, он воспользовался только одной взяткой, а две другие вернул.

Скоро на празднике в Трое Парис был опознан родителями и вернулся в отчий дом, забыв бедняжку Энону на Иде. Далее — опять несуразица: Приам вдруг решает послать Париса на Саламин и потребовать выкуп за свою сестру Гесиону. Как троянскому царю могло прийти в голову такое безрассудное желание? Ведь Гесиону взяли как военную добычу, да и самому малолетнему Приаму Геракл охранил жизнь лишь после того, как Гесиона, ползая возле его ног, умолила пощадить последнего брата! Рассчитывать на то, что раз Теламон не сделал ее рабыней и как честный человек женился, значит, должен платить калым — не приходится. Следовательно, Приам считал себя правым требовать выкуп, из чего вытекает, что "врут всё" греческие мифы "за древностию лет". Не брал Геракл Трою, да и не мог взять: ведь построившие стены Посейдон и Аполлон сделали их неприступными. К тому же, согласно решению Зевса, Троя не могла пасть, пока в ней находился Палладий — деревянный истукан на согнутых ногах и высотой около 140 сантиметров. В одной руке истукан (точнее истуканша) держал копье, в другой — веретено и прялку. Этот Палладий Зевс сам сбросил в Трою, а троянцы поставили его в храме Афины. Каким же образом Геракл мог взять город, не владея Палладием и не имея возможности перебраться через стену? Никаким. Он и не брал город. Историю об этом придумали сами греки, дабы приписать своему любимому герою еще один подвиг и себя воодушевить памятной доблестью предка. А Гесиону действительно похитил Теламон. И Геракл даже хотел его за это убить. Греки и этот факт сумели переделать в удобном для себя свете: будто бы Теламон ворвался в Трою первым, опередив Геракла, чего первый герой Эллады не мог спустить соратнику. Наконец, чего стоила доблесть сотни тысяч ахейских героев, просидевших под Троей десять лет и взявших ее лишь обманом, когда такое дело было по плечу Гераклу со своим отрядом?

Итак, Парис сел на корабль и во главе посольства поплыл на Саламин, где царствовал Теламон. Здесь он потребовал выкуп за тетку или саму тетку. Теламон ответил ему так (цитирую средневековый рыцарский роман о Троянской войне):

— Не хочу я расстаться с драгоценной моей добычей, и ты немедленно оставь мою землю, а не то умрешь страшной смертью!

Перепуганный Парис тут же ретировался и, вероятно, решил обратиться к третьей стороне — самому могущественнейшему в то время царю Эллады Агамемнону. Однако ему показалось (опять-таки

вероятно), что идти одному к Агамемнону — мало толка, и решил заручиться поддержкой его брата Менелая. Может быть, о последнем в те времена ходили по ойкумене слухи как о порядочном человеке. Парис приехал в Спарту и был принят хорошо, по тем временам. Но Менелай ввязываться в возможные неприятности не собирался, он охотно проводил с Парисом время в пирах, но просить за Гесиону и Приама перед Агамемноном у него никакого желания не было. Менелай только ждал повода, чтобы куда-нибудь улизнуть из города и дожидаться, когда лопнет терпение Париса и тот отчалит к родным пенатам. Такой повод скоро представился: Менелая потребовалось «срочно» ехать на Крит, где умер его дед с материнской стороны и оставил ему наследство. Парис понял, что над ним издеваются. В гневе и в восточных пурпурных одеждах он был прекрасен. Об этом нашептывала Елене и верная данному на Иде слову Афродита. Та и сама была не слепая: в овечьих шкурах на голое тело и пропахшие потом ахейцы давно ей опостытели. Менелай был ничем не лучше — мужлан из проклятого богами рода! Разве он пара дочери Зевса?

По вечерам Парис рассказывал Елене о Трое, но и тут нехотя попадал в точку, ибо между Троей и Спартой в те времена была такая же разница, как теперь между Парижем и Крыжополем. Нам остается только предполагать, от кого исходила идея увезти Елену в Трою. Вся логика событий свидетельствует, что именно от Елены. Ведь ее уже один раз умыкал Тезей. Погуляла она тогда, повеселилась, порезвилась вволю, потом братья вернули ее обратно. Что в этом плохого? Чем прозябать в Спарте, сидеть, портя гибкий стан, за прялкой целыми днями в гинекее, лучше мир посмотреть и себя показать. Елена принадлежала к тому типу женщин, которых поэты называют "красивыми и бездушными дурами". Действительно, искусство обольщения мозгов не требует. Известно, что из десяти совращений девять провоцирует женщина. Если бы это было не так, то человечество давно бы вымерло. Винодность Елены подтверждали уже древние. "Отец истории" Геродот писал о ней:

По вечерам Елена сладострастно нашептывала Парису:

— Увези меня! Можешь даже со всеми моими драгоценностями. Тогда ахейцы не смогут отмолчаться и заставят Теламона обменять меня на Гесиону. Меня уже увозил Тезей, и ничего ему за это не было. Наоборот, все его только зауважали, а от женщин с тех пор отбоя не было. Даже племя амазонок к нему специально на свидание прискакало.

И Парис купился: если ахейцы воруют женщин, то чем троянцы хуже?

(Самое интересное во всей этой истории, что Елена прекрасно понимает, кто она такая и чего стоит. Уже в Трое она говорит брату Париса Гектору: "Твою душу объяло больше всего страдание из-за меня, суки (так дословно у Гомера; в переводе Гнедича — недостойной), и из-за помрачения Париса, которому Зевс положил злую гибель".)

В ту же ночь Парис и Елена бежали. Елена захватила свои драгоценности и служанку Эфру — мать Тезея. Она не взяла только прижитую от Менелая дочь Гермению. Именно это событие оказалось решающим в десятилетней осаде Трои. И этот же факт косвенно свидетельствует, что Елена собиралась уезжать навсегда, оставляя по законам тех времен бывшему мужу, прижитых от него детей.

До дворца Приама беглецы добрались в три дня; в первую же ночь, в порту Елена овладела Парисом: семь бед — один ответ.

Когда Менелай вернулся в обещанный дом, то ужас его вызвало не столько бегство супруги и пропажа ее драгоценностей (которые он давно считал своими), сколько тот факт, что он больше не царь. Он и раньше был царем постольку поскольку, он был мужем царицы и в Спарте правил волей случая: на его месте мог оказаться любой жених. Спартанская родовая оппозиция теперь запросто могла послать его обратно в Микены и сделать царицей девятилетнюю дочь Елены Гермioniу, а над ней поставить выбранного ими же опекуна. Потом ее выдадут замуж за какого-нибудь мессенского или аркадского царевича—и тогда песенка Менелая точно спета. А ведь он рассчитывал на царскую гробницу, а не на грубое антропоморфное надгробие на городском кладбище. Правда, Гермioniа от рождения помолвлена с Орестом, сыном Агамемнона. Но пока она войдет в брачный возраст, всякое может случиться. Те же троянцы заявят свои претензии на Пелопоннес.

Менелай бросился к брату. Агамемнон с ходу оценил сложность «внутриполитической» ситуации и сказал (опять цитируется средневековый источник):

— Что ты, брат мой, плачешь не переставая? Лучше вспомни о том, что ты храбрый воин!

Менелай постарался.

Братья деятельно стали собирать войско, объезжая удельных царьков, большинство из которых только таковыми назывались, а на самом деле были голь перекатная. Вожди среднего достатка, как правило, владели небольшой крепостью и держали при себе банду, которая грабил. а всех проходящих и проплывавших и скудно питалась за счет окрестных селян. Самые же бедные цари легко могли указать границы своих владений, плюнув на четыре стороны света. Но были и такие, которые могли бы выставить тысячу, а то и две воинов. Общий сбор назначили в беотийском порту Авлиде. Туда якобы (по Гомеру) прибыло 1186 кораблей,[\[12\]](#) а войск чуть ли не сто тысяч. Все это, конечно, "поэтический вымысел". Население Греции не насчитывало тогда столько людей. Но что оставалось делать Гомеру: песни его должны были наполнять души современников тоской по ушедшей эпохе. Ведь ничем другим в тот момент греки гордиться не могли. Дикие орды дорийцев и эолийцев низвели их до такого первобытного состояния, что они даже письменность свою забыли.[\[13\]](#)

Итак, «армия» представляла собой сброд авантюристов, проходимцев и людей, оставшихся без всяких средств к существованию и способных лишь продать умение владеть мечом или луком.[\[14\]](#) Недостающее оружие предоставили купцы — наиболее заинтересованные в падении Трои, как торгового и перевалочного центра. Возможно, они провели и соответствующую идеологическую обработку «мстителей», и дали свои пиратские корабли (в те времена слова «купец» и «пират» были синонимами).

Возглавил карательную экспедицию Агамемнон. Среди других вождей выделялись: Менелай; владыка мирмидонян (то есть муравьев) Ахилл; царь трудно различимого на карте острова Итака Одиссей; царевич Саламина Аякс; другой Аякс из Локриды; царь Крита Идомей; царь Аргоса Диомед; царевич Эвбеи Паламед; царь Пилоса Нестор; царевич фессалийского городка Филака Протесилай и еще несколько будущих «героев». Был и штатный прорицатель Калхант. Других участников карательной экспедиции упоминать не имеет смысла. Есть подозрения, что в "Каталоге кораблей" Гомера перечислены все, кто отплыл к Трое. Имена их легко найти в любом издании «Илиады» в разделе "Указатель имен". Все они

совершенно не интересовались ни Менелаем, ни Еленой. Большинство рассчитывало лишь пожить, а наиболее дальновидные рассчитывали, уничтожив Трои, продолжить разбой в Черном море.

Так началась Троянская война!

Троя-II

Что же в то время представляла собой Троя, судя по Гомеру и по археологическим материалам?

Первый аэд Эллады (да и мира) не жалеет для нее эпитетов. Она и «обширная», и «красивая», и "прекрасно построенная", и Сзлатообильная", и "ветрам открытая", и "хорошо населенная", и «широкоуличная» и многая, многая, многая.

Потомки ему верили и, располагая ориентировочными данными, упорно искали на азиатском берегу Дарданелл такой холм", который мог бы скрывать в себе соответствующие руины. Такой был только один и назывался Бунарбаши. Но от него до Сигейского мыса, где находился лагерь ахейцев, сорок километров. А все битвы происходили под стенами или вблизи Трои. Мыслимо ли идти восемь часов на битву, сражаться и в тот же день возвращаться в лагерь? К тому же на Бунарбаши не нашли ничего, кроме змей. Но столь сильна была вера в Гомера, что когда Шлиман объявил об открытии Трои на холме Гиссарлык, его поднял на смех весь ученый мир. Даже фельдмаршал Мольтке, герой Седана, поддержал ученых заявлением, что сорок километров для солдата — не переход, а прогулка. Появились сотни статей, критикующих Шлимана, как дилетанта (которым он и являлся), при этом критиковали его не только ученые, но и сами дилетанты. Верхом идиотизма можно считать доклад отставного капитана Беттихера, которого поддержал на Парижском конгрессе археологов сам "хозяин Лувра" Соломон Рейнак. Беттихер утверждал, что открытые Шлиманом руины вовсе не город и уж тем паче не Троя, это — гигантский крематорий и некрополь одновременно. Многометровые слои образовались не от жизни полутора сотен поколений, а в результате сжигания трупов на протяжении тысячелетий. "Дворец Приама" — это сам крематорий, а остальные здания — усыпальницы, где хранились урны с прахом и традиционные скелеты. Напрасно уверял Шлиман, что за тринадцать лет раскопок он нашел три скелета и человеческий пепел в двух урнах. "Вот уже год, как огонь моего крематория-некрополя озаряет своим светом все земли и страны! — отвечал ему Беттихер. — Это начало новой эпохи в археологии. Сторонники отживших теорий, почуяв опасность, ополчились против меня!".[\[15\]](#)

Спорить с такими трудно, их лучше не замечать.

Но дело в том, что обнаруженная Троя действительно никак не вязалась с описаниями Гомера. Особенно та Троя, которую Шлиман принял за гомеровскую и которую теперь датируют XIV–XXI веками до н. э. Город этого времени представлял собой мощную крепость, каменные стены которой имели толщину от 6 до 10 метров, высота же их и поныне достигает 9 метров. Если учесть, что поверх камня был положен сырцовый кирпич, то высота стен могла достигать 15 метров. Внутри крепости стоял большой дворец царя. Вероятно, Троя этого времени представляла собой резиденцию царя (как позднее на Крите), а подвластное население жило вокруг в поселках. Крепость была очень богата (по тем меркам) за счет «участия» в транзитной торговле между Европой и Азией. Именно в этом слое Шлиман обнаружил самый знаменитый клад.[\[16\]](#) Он, разумеется, приписал его Приаму, а какой-то предмет, похожий на ключ, навел Шлимана на

мысль, что клад был в ларе. Простая мысль, как можно в запертый ларь положить ключ и почему нет замка, — не пришла великому самоучке в голову.

После разгрома этой Трои на ее месте пришельцы построили другую, расцвет которой пришелся на XVIII–XIII века до н. э. Диаметр этой крепости увеличился вдвое и составлял чуть более двухсот метров, стены крепости были выстроены заново из камня и кирпича. Внутри крепости жители устроили широкие террасы, на которых стояли храмы и дома знати. Над ними возвышался царский дворец. В городе могли проживать не более 3,5 тысячи человек. Правда, позднее под холмом на плато удалось обнаружить на востоке, юге и юго-западе идущий полукругом посад, но и он не способен сильно увеличить население Трои.

Жители вели бурную торговлю с хеттами, ахейцами, финикийцами, Кипром, египтянами. Шлиман даже нашел янтарь безусловно балтийского происхождения. Аналогичный янтарь он нашел и в Микенах.^[17] Интересно, что многочисленные находки ахейского импорта доказывают, что троянцы и ахейцы были тесно связаны друг с другом в течение длительного времени.

Археологам удалось выяснить, что среди домашних животных преобладали овцы, свиньи, козы, коровы и собаки. Лошадей было мало, хотя этот факт можно и оспорить: если лошадей не употребляли в пищу, то как их кости попадут в отбросы? Совсем не было кошек, зато змей вокруг — в изобилии. Пищей троянцам служили ячмень и пшеница грубого помола, моллюски и устрицы (при раскопках раковины от них зачерпывали лопатами), рыба, окрестная дичь, фасоль и горох. Интересно, что они не ели кур и черепах, хотя последних в Трояде до сих пор много. Объяснение этому пока не найдено. Интересно и прямо противоположное наблюдение: у Гомера нигде герои не едят рыбу, хотя она была основным продуктом питания у троянцев, и уж тем более у греков. Но показательно также, что по сравнению с другими народами троянцев можно считать долгожителями того времени: Анхиз, к примеру, был родным братом деда Приама, а Приам сам выступает как глубокий старец, отец ста детей. Это может говорить либо о каком-то особом климате вокруг Трои, либо о значительных мерах санитарии.

До нас не дошло ни одной статуи того времени. Возможно, они были деревянными, как упомянутый выше Палладий. Изображения же на керамике слишком условны, чтобы о них можно было судить о внешнем облике троянцев. Удивительно также отсутствие письменности в столь крупном торговом центре. Но вне всякого сомнения, троянцы в основном своем ядре были индоевропейцами. Постепенно среди них ассимилировались фригийцы, хетты и ахейцы.

Такова была Троя, когда против нее ополчились "рати ахейские". Даже Шлиман, верящий любой сказке Гомера, недоуменно разводил руками, если его спрашивали, зачем было вести 1186 кораблей и сотысячное войско против городка с населением в четыре тысячи человек, включая стариков и детей?

— Как греки десять лет боролись против горстки троянцев, которых могли бы шеломами закидать?

— Почему ахейцы встали лагерем, а не сразу пошли на штурм крепости, диаметр которой двести метров, а длина стен чуть более семисот?

— Если б ахейцы встали вокруг города, тесно прижавшись друг к другу, их ряды окружили бы город семьдесят раз!

— Помните ли вы стихи о взятии Трои Гераклом:

*Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона — коней,
Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил?*

— Но вы все-таки можете утешиться, что Гомер не такой фантазер, как авторы Библии. Там, равный по площади Иерихон одновременно штурмуют четыре миллиона человек! Правда, они управились в семь дней.

Но вернемся в Авлиду и проследим за походом армады Агамемнона к Трое. Может быть, тут удастся найти разгадку Троянской войны.

Воина-III

Перед отплытием к Трое «мстители» принесли жертву Аполлону или Зевсу, хотя в данный момент была бы уместна жертва владыке морей Посейдону. Ну и бог с ними, скоро они за это поплатятся. Пока они приносили жертву, на столетний платан подле алтаря забралась змея и сожрала восемь птенцов, а потом и мать. Вполне мудрый для своих лет Калхант изрек, что Троя падет на десятом году войны. Сотысячное войско расхохоталось ему в лицо.

Наконец, сели на корабли, командовать которыми поручили могучему повелителю муравьев Ахиллу. Тому в ту пору только минуло пятнадцать (уж не отсюда ли позаимствовал Жюль Верн своего капитана?). Насколько вся эта карательная экспедиция была авантюрной, выяснилось сразу, как только ветер надул паруса: ни сам наварх Ахилл, ни один из участников экспедиции не имели ни малейшего понятия, в какую сторону плыть.^[18] Остается только гадать на бобах, каким образом это же направление вычислили плававшие до них аргонавты и откуда в археологической Трое огромное количество ахейских товаров.

Наши герои, видимо, поплыли, куда ветер дует, лишь бы не грести. Скоро показался берег. Все почему-то решили, что это и есть Трояда, выскочили на берег и стали грабить окрестные поля и деревни. Хозяевам такая наглость пришлась не по душе. Завязалось нешуточное сражение. Скоро подоспел и местный царь с воинами. Ахейцы, нагруженные чужим добром, побежали к морю, где сидел одинокий Ахилл. Его оставили сторожить 1186 кораблей. Ахейцы драпали без оглядки, бросая мешки и бурдюки с вином, и проворство спасло многих. Все-таки без убитых не обошлось, и среди них оказался Терсандр, внук Эдипа.^[19] Видя, что судьба экспедиции висит на волоске в самом начале, против местного царя выступил Ахилл. Царь не выдержал натиска юного героя, побежал и запутался в виноградных лозах. Ахилл уж приготовился разлучить его с жизнью, но тут произошла сцена из "Золотого тельца": "Брат Вася! Узнаешь брата Колю?" Поверженный враг оказался Телефом, сыном Геракла, царем страны Мизии, лежащей на противоположном от Трояды конце Малой Азии.

Извинившись перед родственником, суеверные ахейцы решили плыть обратно в Авлиду и стартовать повторно, ибо такое гнусное начало похода и в дальнейшем не сулило ничего хорошего. Однако те, кто настаивал на повторном старте, держали в голове совсем другое. Прибыв в Авлиду, они стали подбивать

греков разойтись по домам. Можно легко вычислить зачинщиков: это те, кого в поход затащили силой, — Одиссей, у которого недавно родился сын; Протесилай, который за день до похода женился, и, вероятно, подлый Терсит. Аргументация их была убедительной:

— Калхант предсказал, что мы возьмем Троию на десятый год войны. Войну мы объявили. Так какого же рожна нам торчать под вражескими стенами девять лет. Лучше разойдемся по домам, соберемся здесь же через девять лет и поплывем наверняка, если к тому времени кто-нибудь узнает дорогу.

Так они и сделали.

Вышеизложенная версия кажется предпочтительнее древней. Троянская война действительно длилась десять лет, но под Троей ахейцы провели всего год.

По традиции же, ахейцы разошлись по домам после неудачного похода в Мизию, а через девять лет собрались и поплыли к Трое, где провели еще десять лет в неустанных стычках. Но в этой версии выступают такие временные несостыковки, что даже говорить о них неудобно. Возьмем за точку отсчета сватовство к Елене. Греки обычно женились в 28 лет. Но пусть женихам в среднем было по двадцать пять. Когда Парис похитил Елену, им было по тридцать пять. Когда они второй раз собрались в Авлиде — по сорок пять. Троию они взяли в пятьдесят пять. А на родину Одиссей вернулся в шестьдесят пять. Но это женихи. А что прикажете делать со старцем Нестором? Этот греческий Мафусаил был старцем уже тогда, когда Агамемнон пешком под стол ходил. А как быть со служанкой Елены и матерью Тезея Эфрой? В поверженной Трое ее нашли еще живой.

Через девять лет ахейцы опять собрались в Авлиде. Чудесным образом за это время никто из них не умер естественной смертью, не погиб на охоте и не был свергнут с престола. Чудесным же образом в жизни их за это время ничего не изменилось: ребенок Одиссея, например, не вырос ни на один день, а Проте-силай как женился вчера, так через девять лет и приехал на второй день медового месяца, ибо с женой он провел только одну ночь (о чем повествует самый человечный древнегреческий (надеюсь, не) миф). Теперь их повел поверженный в «мизийском» походе Телеф. Только он в Элладе знал дорогу!

Подплыв к Трое спустя десять (или одиннадцать) лет после похищения Елены, эллинов посетила трезвая, но сильно запоздавшая мысль: а почему бы не отправить для начала послов? Может быть, Елену и сокровища вернут без взаимного смертоубийства? Возможно, решение о посольстве было принято из тех соображений, что прошлый раз не сообразили кого-нибудь послать и оказались совершенно в другом месте. Но возможно, полупиратский отряд устроил сам вид крепости. А ну как не сладят?

Посольство вернулось с отказом. Тиндарей сам обратился к Приаму с предложением выдать Елену за троянского царевича. Парис лишь исполнил волю покойного. Зачем пожаловали вооруженные гости — непонятно.

Тогда ахейцы решили высаживаться. Удивительно, что троянцы ждали их на берегу и никаким образом не помешали высадке с моря. Неужели у троянцев не было флота? Хотя бы десятка кораблей? Как они с суши могли контролировать Дарданелльский пролив? На чем, в конце концов, приплыл в Спарту

Парис? Очевидно, на зафрахтованной у финикийян триере.

Отгнав троянцев от берега и заперев их в городе, ахейцы вытащили корабли на берег, разбили лагерь и защитили его валом и рвом. Началась десятилетняя осада, перемежающаяся битвами.

Гомер начинает свое повествование с десятого года войны. Этот год он описывает очень подробно, иногда по дням, о предыдущих если и упоминается, то по ходу общего повествования. Впечатление складывается однозначное: этих лет не было, и, чтобы создать их видимость, приходится хоть чем-нибудь заполнять временную лакуну.

Мы не будем пересказывать содержание «Илиады» и перечислять давно отмеченные промахи Гомера в тексте (например, герой Диомед в пятой песне ранит в бою Афродиту и самого бога войны Ареса, а в следующей главе колеблется выступить против смертного Главка, заявляя: "Сражаться с богом я не стану"; или — лагерь ахейцев то защищен валом и рвом, то открыт и доступен), Все эти нестыковки объясняются довольно просто: странствуя из города в город и имея про запас готовый набор штампованных эпитетов, Гомер или другой аэд в угоду местным слушателям легко мог подменять одного героя другим, местным, делая их шаблонными, или показывать только выигрышные стороны того же героя. Но уже в следующем городе следовало выступать иначе. Это умение быть хамелеоном спасало интеллигенцию во все времена. Сменившие аэдов ораторы также неуклонно следовали тому же принципу. Дион Хризостом честно признавался:

"Право же, если б перед аргивянами (участниками похода против Трои) я осмелился спорить с Гомером и показывать, что его творение перевирает самое важное, то было бы, пожалуй, в порядке вещей, если б они рассердились на меня и выгнали вон, коль скоро им стало бы ясно, что я умаляю и ниспровергаю их славу, созданную обманом".

Само начало «Илиады» свидетельствует о том, что она написана для разных аудиторий. Во первых строках своей песни Гомер предвещает, что будет петь о гнев Ахилла, о злоключениях и гибели ахейцев, о том, что многие остались непогребенными под стенами Трои (то есть души их обречены на вечные скитания и лишены покоя), тела их достались стервятникам, а другие перенесли неслыханные страдания и скитались по миру, как бездомные собаки. Такие слова могли быть приятны только покоровшим ахейцев неотесанным дорийцам и эолийцам. У нас, например, до сих пор живой интерес вызывает личность Наполеона, хотя России он сделал много дурного. Но нам выгодно прославлять Наполеона, потому что в любой момент мы можем сказать:

— Да, Наполеон велик! А кто же тогда мы, если мы его победили?

Но чтобы этот же первый стих можно было прочитать и среди ахейцев, Гомер весьма остроумно заканчивает его словами: "Совершалась Зевесова воля!" Я, дескать, тут ни при чем, я только констатирую факты.

Еще хитрее поступает Гомер, описывая конкретные поступки ахейских героев. В характеристику каждого он старается привнести явную несуразность. Есть подозрение, что аэд разбросал их по тексту

сознательно, причем довольно равномерно, чтобы при исполнении отдельной части [\[20\]](#) всплывала определенная несообразность: умный поймет. Почти все они рисуют греков с отрицательной стороны:

— Вожди безостановочно грызутся между собой.

— Каждый решает сам, выступать ему сегодня в битву или провести день в лагере.

— Хотя Гомер (и другие авторы, повествовавшие о Троянской войне) без устали награждает главных героев самыми лестными эпитетами, большинство вождей в ходе войны совершают хоть один неблагоприятный (а с нашей точки зрения, аморальный) поступок. (Из ахейцев, пожалуй, только в Менелая и Патрокла нельзя кинуть камень.)

Агамемнон, например, на десятом году войны трусит и предлагает вернуться на родину. [\[21\]](#)

Одиссей подбрасывает Паламеду мешок с золотом и объявляет, что того подкупили троянцы. Героя Паламеда забрасывают камнями, как иерусалимскую блудницу.

"Козырная карта" греков — Ахилл равнодушно смотрит, как троянцы избивают его товарищей прямо в лагере, но продолжает злиться, что у него отняли девку.

Аякс, не получив по смерти Ахилла его доспехи, как самый доблестный среди эллинов воин, решает ночью перебить всех товарищей по оружию, но сходит с ума и бросается с мечом на стадо коров, а потом приходит в ум и кончает с собой.

Даже Елена, заварившая всю кашу, помогает Одиссею выкрасть Палладий, хотя знает, что после этого гибель Трои неизбежна.

И в то же время троянцы предстают прямой противоположностью ахейцам: это открытые, добродушные и доверчивые люди. Из-за своего добродушия и доверчивости они и погибают, по поэме. В третьей песне даже рисуемый всем жалким трусом Парис сам предлагает решить судьбу Елены поединком с Менелаем. Все это совершенно не вяжется с образом людей из торгового города, но именно такими их рисует Гомер. Он явно на их стороне.

Скрытая издевка есть у Гомера и в самих эпитетах, которыми аэд наделяет героев. Множество раз Ахилл называется «быстроногим». Но вот от него убегает Гектор. Он как минимум вдвое старше. Трижды они обегают вокруг Трои, но «быстроногий» Ахилл не может его догнать. При этом ситуация «героической» беготни — абсолютно бессмысленна. Ведь если Гектор боится Ахилла, то почему он не забежит в первые же ворота Трои и не укроется от Ахилла? Если же он готов к поединку, то чего бежит?

Поэма заканчивается убийством Гектора. Последние две песни (погребение Патрокла и выкуп тела Гектора) давно уже считаются поздними добавлениями. Дальнейшие события известны нам из других источников, еще более поздних. Некоторые из них, причем самые важные (например, «Энеида» Вергилия),

от событий отделяет уже более тысячелетия. Суть такова.

Ахейцы притворно заключают с троянцами перемирие: первые клянутся, что никогда не пойдут войной на Трою, пока в ней правят потомки Приама, а троянцы обещают не воевать против Пелопоннеса, Беотии, Эвбеи, Фтии, Итаки и Крита.^[22] На прощанье греки строят деревянного коня, в котором прячется засадный полк. Троянцы вводят коня в город, разрушив часть стены. Ночью Троя гибнет. При взятии ворвавшиеся ахейские герои ведут себя так, что перепиши их «подвиги» современным языком, даже у насильников из Матросской тишины волосы встали бы дыбом. Потом греки разъезжаются, однако почти никого на родине не ждет счастье, а многие погибают на обратном пути.

Начнем с коня. Во-первых, никакой это не конь, а обычный корабль, нос которого украшен скульптурной головой лошади. Во-вторых, все Источники в один голос утверждают, что конь был оставлен как посвящение Афине, потому что в Трое был храм Афины. Но конь никогда не был животным Афины. К тому же Афина — богиня позднего^[23] и не имеющего никакого отношения к Малой Азии происхождения. Из Малой Азии в Грецию пришли Афродита, Аполлон, Артемида, может быть, Посейдон (по крайней мере, он азиатского происхождения). Именно конь был животным символом Посейдона. В образе коня владыка морей обожал совокупляться (например, с Деметрой), а в упряжке носился по морям. Принести посвящение именно Посейдону для греков было еще более уместно потому, что они (по крайней мере, на словах) собирались в обратный путь морем. Наконец, Посейдон был ужасен не только на море, но и на суше. Греки дали ему эпитет Колебатель Земли, то есть все землетрясения приписывали его гневу. Как мы помним, незадолго до Троянской войны город был разрушен землетрясением. Незадолго — в том случае, если придерживаться традиционной хронологии (война случилась в начале XII века до н. э.). Однако хронология эта вычислена по библейскому принципу "Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова" и словам Геродота, что на один век приходится три поколения. Спрашивается, как троянцы могли разрушить часть стены и втащить в город коня, если стены Трои нельзя было разрушить никому, кроме Посейдона? Да и зачем им разрушать стену, проще разобрать коня и собрать его внутри города. Дальнейших выводов делать не станем, ибо слишком много фантазий приходит в голову.

Теперь рассмотрим другие факты, относящиеся к взятию Трои.

Зачем грекам, уверенным в скорой победе, заключать перемирие и давать перед богами ложные клятвы (а клятвopеступление в Древней Греции наказуемо богами), если они уверены в победе?

Незадолго до падения Трои ахейцы послали на родину за подмогой, и оттуда действительно прибыли Неоптолем, сын Ахилла, и Филоктет. Странно, что войско, готовящееся к решающему штурму, подает "SOS".

Ограбив город, убив мужчин и поделив пленниц, ахейцы собрались на сходку. Тут впервые поссорились Менелай с Агамемноном. Можно привести десяток причин, из-за чего разгорелась ссора. Наиболее вероятная: Агамемнону донесли, что его жена Клитемнестра путается с Эгисфом, как когда-то его мать с Фиестом, отцом Эгисфа. Поэтому он пребывал в раздумье или уже послал наемных убийц и ждал результата. Менелай же спешил, потому что боялся потерять власть над Спартой, если Гермionу выдадут замуж без него. Но дело не в их ссоре, дело в том, что не в обычае победителей ссориться. Как правило, подобным образом ведут себя люди, стоящие на краю гибели. Они же могли позволить себе потерять и Спарту, и Микены. В руках их была Троя.

Только Амфилох, Калхант, Подалирий и еще несколько вождей решают возвращаться домой пешком. Остальные садятся на корабли и плывут к Эвбее через открытое море. Дело происходит зимой. Плавание в те времена было только каботажным (то есть вдоль берега [\[24\]](#)) и сезонным, летним. Плыть напрямик по бушующему зимнему морю могли только самоубийцы или люди, у которых не было другого шанса на спасение. Многие в этом плавании и погибли, среди них Аякс, сын Оилея.

Все греки покидают троянское пепелище. Спрашивается, за что же они сражались? Не за Елену же, которая сама себя именует весьма неласково. Естественно, из-за господства над проливом в Черное море. Место тут хорошее и проплывающими мимо дарами обильное. Город, хоть и сгорел, но руки-то остались, можно отстроить, а потом живи, грабь и радуйся. Но ахейцы, вопреки очевидной выгоде, рвутся на нищую родину.

Добравшихся до родины никто не встречал как героев и победителей. Агамемнона убили, едва он вошел в дом. Микенцы это убийство приветствовали и посадили убийц — Эгисфа и Клитемнестру — на царство. Менелай узнал о судьбе Агамемнона и скрылся с Еленой в Египте. Он боялся, что его убьет Эгисф. Одиссея ветры занесли черти куда, и он десять лет скитался. Хотя на самом деле он выжидал, когда на родине забудут последствия похода под Трою. Диомеду, как и Агамемнону, в его отсутствие изменила жена, и он вынужден был бежать и окончить свои дни в Италии. Там же нашли последнее пристанище Филоктет, друг Геракла, и Идоменей, внук Миноса, изгнанный критянами. Неоптолем, сын Ахилла, воспользовавшись умопомешательством Ореста, женился на Гермione и завладел Микенами и Спартой, но Орест скоро опомнился и убил его. Практически все участники Троянской войны окончили свое существование или на чужбине, или в нищенском рубище. Это очень напоминает «победное» отступление войск Наполеона из Москвы. Но троянцы не преследовали греков. Это было слишком рискованно для собственной жизни. Ахейцев покарали свои же, вместо того чтобы забросать венками.

И совсем наоборот повели себя «уцелевшие» троянцы. Эней, взяв сильную дружину, переселился в Италию, так как стать царем в Трое при стольких потомках Приама он не мог. Сын Приама, Гелен, казалось бы, должен был как от чумы бежать из Греции, а он вместе с Неоптолемом [\[25\]](#) отправляется в Эпир. Они завоевывают молоссов, и Неоптолем отдает Гелену в жены свою мать Деидамию. После отъезда Неоптолема Гелен становится царем этого греческого государства.

Таковы факты, и каждый может сам решать, взяли ахейцы Трою или с позором бежали.

Но Троя-то разрушена!

К сожалению, да. Остается лишь выяснить, кто это сделал.

Гомер

Вопрос о том, кто был Гомер, какого рода-племени, напрямую увязывается и с Троей, и с Троянской войной, ибо труд его ("Илиада") субъективен, следовательно, противоречив. Прежде всего, не ясна позиция автора, на чьей он стороне.

Что нам известно об авторе? До нас дошло восемь жизнеописаний великого «слепца», которые

никакой исторической ценности не представляют. Английский гомеровед Т. Аллен свел их воедино и получил такие данные. Отцом Гомера были бог Аполлон, Телемах, Меон, Мелет и Дсамагор. Среди матерей называли Крефеиду, Фемисту, Гирнефо, Метиду, Климену, Поликасту, Эвметиду и безымянную итакийку.[\[26\]](#) Сам Гомер будто бы прежде носил имя Ме-лесиген, потому что мать родила его на реке Мелета. Потом Мелесиген ослеп и стал называться Гомером, как обычно зоилицы зовут слепцов.

Не менее разноречивы сведения и о том, где родился Гомер. По Греции веками ходила эпитаграмма:

Семь городов, пререкаясь, зовутся отчиной Гомера: Смирна, Хиос, Колофон, Пилос, Аргос, Итака, Афины.

И даже этот список варьировался.

Самое удивительное здесь то, что обычное имя грека было трехзначным: собственное имя, имя отца, город (или область), где родился. Например: Перикл, сын Ксантиппы, афинянин. В более ранние времена для людей из низов могли не указывать имя отца, но родину указывали всегда. Нам известны месторождения практически всех людей искусства, бывших до-, современниками или живших чуть позже Гомера: Орфей из Либетр Фракийских, Мусей Элевсинский, Лин из Эвбеи, Эпименид Кносский, Гесиод Беотийский, Евмел Коринфский, Терпанд Лесбосский. И только родина Гомера осталась для всех загадкой.[\[27\]](#)

Имя Гомер скорее всего подлинное, едва ли можно придумать такое. Уже в древности его переводили не только как «слепой», но и как «заложник». Институт последних был весьма распространен при заключении мирных договоров. Тем не менее национальная гордость греков не допускала даже мысли, что имя Гомер может быть вообще не греческое. Хотя известно множество иноплеменников, которые сыграли важную роль в развитии эллинской культуры: Орфей, Алкман, Фалес, Анахарсис. Но опять-таки их родина известна. Почему же Гомер оказался "безадресным"?

Вывод напрашивается парадоксальный: Гомер был троянец. Одно описание долины реки Скамандр, где происходили бои, говорит о том, что он ее знал, как свой огород. Второе — описание Трои, которую он видеть не мог, так как она была погребена под его ногами, но, конечно же, в детстве слышал рассказы стариков, и в этих рассказах была тоска и гордость по былому могуществу. Отсюда и эпитеты, которыми он наделил Трою, поставившие Шлимана в тупик после того, как он ее откопал. В гомеровское же время она представляла собой совсем убогое зрелище — рядовое поселение на холме. Но кое-где еще высились над землей остатки прежних шестиметровой толщины стен. Соседи разбирали их, чтобы построить новый дом или хлев. Иногда им попадались удивительные вещи, которых осталось и на долю Шлимана. Все это не могло не разжечь любопытство впечатлительного мальчика

Но в странствиях своих из города в город уже взрослым, зрелым аэдом Гомер нигде не мог объявить о своей родине, это прозвучало бы как парадокс: Троянец? Будет нам петь? О нашей победе?.. Он, часом, не сумасшедший?

Вот и приходилось бедному аэду каждый раз придумывать себе новую родину. Зато это позволяло

говорить «тroyанскую» правду. Хотя и намеками. Ведь Гомеру пришлось «сплавить» две прямо противоположные версии и, по возможности, согласовать их. Именно поэтому он начал поэму, с десятого года осады (о предыдущих тroyанцы ничего не знали), поэтому же он оборвал ее смертью Гектора и ничего не стал говорить о падении Трои. Это же объясняет и многие другие мелочи, например, почему нигде не упомянут тroyанский флот. Во времена Гомера у Трои если и был флот, то состоял он из пяти-шести рыбацких баркасов.

В одном месте Гомер даже выступил как настоящий Нострадамус и двумя строками перечеркнул «Энеиду» Вергилия. Эта поэма посвящена бегству Энея из поверженной Трои, его странствиям и основанию праРима. Но по Гомеру, Эней не только никуда не уезжает, а становится царем Трои:

*Ныне могучий Эней над тroyанцами царствовать будет,
Также и дети его, что должны от Энея родиться.*

Допустив, что Гомер родом из Трои, сразу станет понятно его отношение к грекам (презрительно-уважительное) и его отношение к тroyанцам (добродушное). Умные понимали и восторгались, дураки не понимали, но тоже восторгались. Впрочем, в одном месте Гомер не удержал язык и проговорился. Кто же другой, как не сын Трои, мог вложить в уста Зевса одни из самых патриотичных слов в мировой литературе:

Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной, Сколько ни зрится градов, населенных мужами земными, Сердцу моему наиболее чтима священная Троя, Трои владыка Приам и народ копыеносца Приама?

Достоверных фактов того, что Гомер был тroyанец, — нет. Надеяться на их появление, к сожалению, не приходится.

Троя-III

К сожалению, данные о жизни Трои в последующие времена весьма отрывочны и сумбурны: в благочестивом порыве найти Трою Приама Шлиман срывал и выбрасывал все, что не имело, по его мнению, отношения к гомеровским временам. Таким образом он умудрился снести даже Трою Приама, потому что следующая (расцвет которой пришелся на XXIV–XXIII века до н. э.) выглядела более мощной и грандиозной и, следовательно, более соответствовала духу поэмы. Только прибывший из Олимпии профессиональный археолог-архитектор Дёрпфельд остановил это дилетантство и сумел спасти из самого верхнего (римского) слоя остатки скульптур, фрагменты метопов, фриз, колонны и лежащий восточнее акрополя театр. Шлиман уже не возражал против их сохранения: в начале раскопок он смотрел на все, что позже времени Гомера, как на современность.

После смерти Шлимана Дёрпфельд продолжил раскопки и доказал, что Троя Приама находилась тремя слоями выше той, которую «боготворил» миллионер-самоучка. В Первую мировую войну в битве за Дарданеллы английский боевой флот снарядами нанес холму Гиссарлык больший урон, нежели Шлиман всем своим трудолюбием и деньгами.^[28] Этим не преминули воспользоваться вездесущие американцы (находки можно было подбирать пригоршнями на дне воронок). Третьи по счету раскопки возглавил Блэджен. Это был аккуратный и точный человек, делавший все методологически правильно. Когда результаты его трудов были опубликованы, газеты всего мира опять заговорили о Трое. Выяснилось, что и Троя, которую открыл Дёрпфельд, вовсе не гомеровская: она погибла не в пожаре, а от землетрясения

около 1350 года до н. э.

Троей же Гомера американские ученые объявили город, который построили на руинах разрушенного и который действительно сгорел. И тут случилось невероятное, чему способствовал пришедший в Германии к власти фашизм и подъем национального духа. Если пятьдесят лет назад в ученом мире считалось чуть ли не признаком хорошего тона пройти, как катком, статейкой по "великому археологу" Шлиману, [\[29\]](#) то теперь самые мудрые головы Германии стали склоняться на его сторону и готовы были признать гомеровской ту Трои, которую раскопал Шлиман. Поскольку материала было много и культурные слои на Гиссарлыке сильно перемешаны людьми и временем, немцам почти удалось найти веские контраргументы в защиту того человека, плюнуть в которого двумя годами раньше они считали своим научным долгом. Начавшаяся Вторая мировая остановила их, поэтому до сегодняшнего дня считается, что Трои Гомера нашел Бледжен, а Шлиман и Дёрпфельд прошли мимо.

После того как Троя на рубеже XIII–XII веков до н. э. была разрушена сильным пожаром, она не восстанавливалась. Через какое-то время на ее месте возникло новое поселение. Это был совершенно другой народ, пришедший из Подунавья и характеризующийся особой цветной керамикой.

Потом Троя долгое время оставалась скромным городком в пяти километрах от побережья. Она ничем не выделялась среди десятка других, разбросанных вокруг, за исключением того, что продолжала почитаться как священная всеми средиземноморскими народами. Город пережил бурную юность, героическую зрелость и теперь тихо доживал свой срок на пенсии. Он походил на старика, который грелся на завалинке и поглядывал на суда, плывущие в Геллеспонт. Иногда на его глазах навертывались слезы: прохожие просили поведать историю его жизни. И в этот момент старик преображался и словно всплывал из небытия.

В 480 году до н. э. сюда по пути в Грецию пришел во главе самого большого по тем временам войска персидский царь Ксеркс. Следующие слова Геродота свидетельствуют о том, что руины Трои были на поверхности:

"Затем Ксеркс прибыл к реке Скамандру (это была первая река с тех пор, как выступили из Сард, которая иссякла и в ней не хватило воды, чтобы напоить войско и скот). И вот, когда царь прибыл к этой реке, он, желая осмотреть кремль Приама, поднялся на его вершину. Осмотрев кремль и выслушав, все рассказы о том, что там произошло, царь принес в жертву Афине Илионской тысячу быков. Маги же совершили героям жертвенное возлияние".

Через сто пятьдесят лет, когда греки и македонцы решили наказать персов за нашествие Ксеркса, в Трое объявился Александр Македонский. Он принес в дар Приаму свое оружие (найти бы его!) и умолял его дух больше не гнаться на Неоптолема, [\[30\]](#) от которого вел свой род Александр. Потом он положил на землю венки и дал клятву построить на этом месте такой же великий город. Клятвы свои ему не суждено было исполнить. Запутавшись в тонких восточных делах, Александр Македонский предался беспробудному загулу, от которого и умер, бросив созданную им империю на произвол судьбы. Но один из его полководцев, Лисимах, дабы его царь не вошел в историю клятвопреступником, возвел вокруг Трои стены длиной сорок стадиев (более 7 километров).

Гай Юлий Цезарь и его племянник Август Октавиан вели свой род от Юла, сына Энея, поэтому отношение их к Трое можно назвать благоговейным. Оба собирались сюда на поклон предкам, да так и не собрались. Но троянцам даровали все земли, расположенные вокруг, и они были освобождены от всех государственных повинностей. В это время Троя называлась Новым Илионом.

Последним тут «отметился» римский император Каракалла, которого по количеству совершенных им чудовищных преступлений смело можно поставить в один ряд с Калигулой и Нероном. Прибыв к Трое, Каракалла возомнил себя Ахиллом и решил повторить погребальные игры, устроенные Ахиллом в честь Патрокла. Все должно было быть натурально, а для этого требовалось кого-нибудь убить. Каракалла приказал отравить своего друга Феста.

Впрочем, и Каракалла оказался не последним. Эта «честь» выпала Константину Великому. Он приехал сюда, когда выбирал место для своей будущей столицы. Но вид заболоченного Скамандра и оглашающих непрерывным кваканьем мириадов лягушек подвигнул его остановиться на Византию.

В VI веке на холме Гиссарлык опустели последние хибары. После долгой агонии больная скончалась. Больше всего ей подошла бы такая эпитафия:

"Здесь лежит женщина, которая прославилась тем, что рожала великих мужей от поэта".

Под грудами битого кирпича

За покровом обряда

Говорят, Семирамида, царица Вавилонская, охотно дарила мужчинам свою благосклонность. "Вавилонской блудницей" прозвали в веках именно ее. Такое неудивительно слышать о властительнице города, где главным религиозным актом было совокупление верховного бога — покровителя Вавилона Мардука-Бела со жрицей из местных женщин в его собственном храме Эсагила (Э-Сагила, "Дом поднятия головы") наверху храмовой башни Эте-менанки ("Дом основания небес и земли"), известной народам как Вавилонская башня. Обряд совершал, замещая Мардука, главный жрец Вавилонии — царь.

В день весеннего равноденствия, вычисленный астрономами-жрецами с вершины Этеменанки, то есть на вавилонский Новый год, и происходил обряд "священного брака" — как кульминация 9—12-дневного празднества. Ритуал его был расписан до мельчайших подробностей.

"Второго нисана, за два часа до окончания ночи, встает жрец-шешгаллу и моется речной водой. Он становится перед Белом и обращается к нему с молитвой. Эта молитва — тайна Эсагила. Кроме жреца-шешгаллу из Экуа, пусть Бел никому не показывается!"

Статуя Мардука, сидящего на троне, была из чистого золота. Перед ним стояли большой золотой стол и стул. На все вместе пошло 800 талантов (24 тонны) золота. Около храма были два золотых жертвенника — большой и малый, для мелкого скота, животных, сосущих материнское молоко.

Помещение (капелла) Мардука имело мраморные стены, украшенные золотом и лазуритом.

Еще одна золотая статуя Мардука-Бела высотой 6 метров стояла в пределах Эсагила под открытым небом, символизируя Вавилон.

По ритуалу совершались жертвоприношения, сопровождаемые музыкой и пением храмовых певцов. Вообще за все дни праздника сжигалось воскурений (ладана) 1000 талантов (30 тонн). Златокузнецу и резчику-столяру приказывалось изготовить несколько деревянных статуй, изображений, оставшихся неизвестными. Для этой цели из сокровищницы выдавали душистую древесину кедра и тамариска, золото и драгоценные камни. На шестой день, после прибытия в храм Мардука «гостя» — бога Нэбо из соседнего с Вавилоном города-храма Борсиппы, таинственные статуи обезглавливались "носителями мечей".

За жертвоприношениями следовали трапезы. За трапезами — ночные молитвы. Жрец-шешгаллу обращался к созвездию Ику — небесному подобию Вавилона. Затем он обращался к Мардуку и читал ему полностью "Поэму о сотворении мира", в которой Мар-дук чаще всего назывался Белом. И тогда начинались приготовления к встрече бога Нэбо, сына Мардука, бога письменности. Им были написаны таблицы судеб, находившиеся в "Храме судеб". Начиная с III тысячелетия до н.э. владение этими таблицами давало право притязать на мировое господство. Мардуку таблицы достались после победы над Тиамат — праматерью богов и владычицей моря. Нэбо прибывал в Вавилон по своей дороге: поверх

основания из обожженного кирпича она была вымощена красными и белыми плитами из брекчия (сцементированных обломков горных пород) и известняка; дорога проходила под Высокими воротами, украшенными изразцами. Кончался путь у канала, где Нэбо ожидал корабль.

Тем временем в Эсагиле заканчивались приготовления. Храм очищали, как записано на табличке:

"Когда минет два часа после восхода солнца, позовет он, как только стол для Бела и Белтии будет накрыт, жреца-заклинателя; и тот очистит храм и окропит из сосуда с водой из Тигра и из сосуда с водой из Евфрата. И ударит в медную литавру посреди храма. Сосуд для воскурений и факел приносит он в храм. Сам он останется во дворе, в святая святых Бела и Белтии он не войдет". Очищали также помещение Нэбо в Эсагиле; створки дверей мазали кедровым маслом. Затем отрубали голову овце, и жрец-заклинатель символически очищал святилище кровавой тушей. После этого жрец выносил тушу из храма и шел к реке вместе с носителем меча, который нес голову овцы. Они бросали жертву в реку и уходили в степь, потому что становились нечистыми, в них вселялись изгнанные из храма злые духи. В город они не возвращались, пока Нэбо «гостил» в нем. Были и другие гости из других городов; из Ура прибывала богиня Иштар (Венера). Для нее в Вавилоне были сооружены специальные ворота, сверху донизу облицованные глазурованными изразцами-рельефами священных животных, сопровождавших богов — участников празднества: священный бык, дракон Муш-хушшу, спутник самого Мардука. На пороге ворот стояли мощные быки из бронзы и чудища.

Боги встречались на дворе Эсагилы, пировали, определяли судьбы друг друга и царей. Царю полагалось держать ответ перед Мардуком. Жрец отбирал у него скипетр, кольцо и божественное оружие, царскую тиару и ударял его по щеке. Царь преклонял колена и позволял выдрать себя за уши. Он заявлял, что не грешил, не был небрежен к богу и своим подданным, заботился о Вавилоне. По велению Мардука царю возвращали его атрибуты и снова били его по щеке. Если на глазах царя появлялись слезы, год обещал быть удачным. Во дворе храма приносили в жертву белого быка.

На девятый день устраивалось шествие богов в честь Мардука. Статуи богов несли на драгоценных тронах-носилках. Ожидающую толпу вавилонян эта процессия с громкими молитвами, дымом курильниц, блеском одежд и драгоценностей ошеломяла. Процессия спускалась к воде и погружалась на корабль. Царь Навуходоносор II, супруг Семирамиды, писал в табличке:

"Корабль, судно КУ. А, судно с каютой, его блистательное судно, его нос и корму, его канаты, его борта, изображения львов и драконов я облицовал золоченой бронзой, украсил драгоценными камнями, дал его блеску воссиять в светлых струях Евфрата, как звездам ночного небосклона, и наполнил его роскошью на удивление всем. В месяц загмук, в начале года, представил я Мардуку, господину богов, — расположиться на нем и торжественно направиться к своему великолепному празднику, священному празднику акиту".

Судно плыло вверх по течению, на берегу его то и дело останавливали толпы молящихся. Наконец оно прибывало в загородный дом новогоднего праздника — Дом акиту.

До сих пор ученые спорят, где происходила кульминационная "святая свадьба" — в Эсагиле, на башне Этеменанки, где, по слухам, находилось ложе Длиной в 5 и шириной в 2 метра, или в Доме акиту.

Ибо, совершив путешествие, Мардук с другими богами возвращался в свой храм Дорогой процессии — она называлась «аибуршабу», то есть "Пусть не существует тайный враг". Вдоль дороги, начинавшейся за городской стеной Вавилона, далее проходившей между высоким земляным валом, окружавшим царский дворец, и линией военных укреплений, тянулись стены, украшенные изразцовым фризом высотой 2,95 метра, с полосами из розеток и с шагающими между этими полосами львами, спутниками Иштар. Шириной дорога была 20–24 метра, длиной — 250 метров, вне города. Вымощена обожженным кирпичом, поверх которого плиты в три дорожки: по бокам белые, в середине красные.

Народ шел по этой дороге, держа в руках множество ритуальных предметов — глиняные кровати, столики, колесницы, кораблики, женские обнаженные фигурки с младенцами, сосущими грудь, и статуэтки богов.

В черте города дорога, уже без стен и красно-белого покрытия, называлась "Иштар — защитница своих войск". Возможно, это были «войска» влюбленных и супругов. По всей Месопотамии на память потомкам оставлялись глиняные культовые фаллические и женские половые органы — все это в гипертрофированном виде. Сохранились тексты любовных ритуалов:

*На ложе сладчайшей ночи
Возлежат они вновь и вновь
Для сладчайшего сна.
Муж, до зари в нашем доме возляг!
Твое сердце — знаю, как тебе порадовать сердце —
Лев, до зари в нашем доме возляг!..
То, что сладостно тебе, как мед, —
возложи на него твою руку,
Как одеяньем покрой его рукой,
Как дорогим одеяньем покрой его рукой!*

Праздник Нового года был тесно связан с плодородием. И не одни только боги вступали на этом празднике в "священный брак".

Той же цели были посвящены обряды ритуальной проституции, описанные Геродотом. Девушки из аристократических семей продавали за деньги свою невинность. Женские имена звучали тоже красноречиво: Ина-Эсагили-рамат ("Любима в храме Эсагила"); Итти-Мардук-балату ("Жить с богом Мардуком").

Неудивительно, что строительство ступенчатой башни (зиккурата) Этеменанки с храмом-ложем наверху (стороны квадратной башни в основании 91,66 метра) приписывалось Семирамиде. Понятно также, что супруг Семирамиды, правивший в 605–562 годы до н. э. царь Навуходоносор II, горячо любил свою жену, несмотря ни на что, и в ее честь создал висячие сады с финиковыми пальмами, кедрами, смоковницами, миртами, алоэ и многими другими редкостными для степной безлесной Месопотамии деревьями и кустарниками, высаженными на ступенчатых террасах в искусственно насыпанную землю и в алебастровые вазы, — Седьмое чудо света.

Открытия и противоречия Вавилона

Археологи, правда, спорят, были ли сады Семирамиды пристроены к летнему дворцу царя в северном углу огражденного двойной стеной города площадью 16 квадратных километров, или находились в западной части дворцового комплекса, спускаясь прямо к водам Евфрата, вдоль которого и протянулся Вавилон. Спорят и о том, точно ли Семирамидины были сады, а также существовала ли она вообще.

Отец истории Геродот, побывавший в Вавилоне в 500 году до н. э., приписывает Семирамиде постройку каменного моста через Евфрат и углубление русла реки, после чего та сделалась судоходной. Но Наши современники опровергают Геродота: все это как раз сделал Навуходоносор II. А за Семирамиду, якобы мидянку, потомки принимали Ассирийскую царицу Шаммурамат, жившую в IX веке до н. э.

Уже открыты города древнее шумерских, а «юный», 5—4-тысячелетний Вавилон по-прежнему предмет пересудов, будто жизнь в нем не перестает кипеть и сейчас, и будто нам о нем все известно.

Как "все-дороги ведут в Рим", так все, что мы знаем и умеем, чем владеем, шло из Вавилона. Там придумали 60-ричную систему счисления:[\[31\]](#)12 месяцев в году, 60 минут в часе, 60 секунд в минуте; измерения по 360-градусной шкале. Семь дней недели и само священное число 7 (как и 3), тот самый «талант» — мера веса и удачи (29 килограммов 68 граммов), слово «херувим» и так далее, далее. Дни недели, названные по небесным светилам, сохранились у романо-германских народов, придя через греков и римлян: 1-й — день Шамаша (Солнца), 2-й — Сина (Луны), 3-й — Нергала (Марса), 4-й — Нэбо (Меркурия), 5-й — Мардука (Юпитера), 6-й — Иштар (Венеры), 7-й — Нини-ба (Сатурна). Имена звездных богов здесь аккадские (семитские), они сменили шумерские имена тех же божеств; затем их сменили имена греко-римских богов, а потом появились романо-германские названия солнца и планет. Но принцип остался неизменным. Вавилон — столица звездочетов, астрономов, астрологов. Вавилон не раз бывал столицей возникавших и погибавших мировых держав. Александр Македонский хотел его сделать центром мира. С этим замыслом он и умер в 323 году до н. э. Вавилон — исток мировых религий, культов, обрядов, религиозных традиций. Вавилон — самый большой и самый богатый город мира II—I тысячелетий до н. э., родина космополитизма и "смешения языков" — город Вавилонской башни, Библии, "великой блудницы".

Даже скрывшись с глаз людей, вместе с многочисленными городами древней Месопотамии, он из века в век сохранял свое имя. Оно дошло до нас в названии арабской деревушки возле холма Бабиль, под которым погребены остатки летнего дворца Навуходоносора в северной части (остром углу) Вавилона. А славу исчезнувшего города — "чуда света" — разнесли по миру халдеи — жрецы древних богов, прорицатели, астрологи, чародеи, врачеватели.

А вот найти и раскопать руины Вавилона европейцам оказалось необычайно трудно. Прежде всего потому, что доступ в Месопотамию был сопряжен с тяжелой дорогой через горы и пустыни, враждебно настроенными кочевыми исламскими племенами, уничтожавшими "неверных".

Первыми землепроходцами в Месопотамии оказались католические монахи. Правда, в XII веке Месопотамию посетил Вениамин из Туделы, чтобы пересчитать жившие там еврейские общины. Католические монахи обратили внимание на загадочные курганы, протянувшиеся вдоль Тигра и Евфрата. В

1765 году генеральный викарий вавилонский Бошан напечатал в парижском журнале свои путевые заметки о путешествии по Евфрату от Багдада до Басры. Еще он прислал в Париж глиняные дощечки с клинописными знаками (это были деловые контракты).

"Необходимо раскопать курганы", — писали монахи Эммануэль де Сент-Альбер из Багдада и д'Анвилль. Но серьезнее всех оказались руководители Ост-Индской компании, торговавшие с Месопотамией товарами из Индии. В городе Мосуле жили резиденты компании; они собрали коллекцию находок из курганов и в 1801 году впервые прислали ее в Лондон. Это были клинописные таблички из деревни Гилла на месте Вавилона. Требования раскопать курганы повторялись все настойчивее. Между тем курганы уже всюду раскапывались: арабы брали оттуда необожженный кирпич, чтобы сложить очаг или подпереть стену тростниковой хижины.

Первые раскопки осуществил за свой счет резидент Ост-Индской компании Джеймс Рич, но из-за нехватки сил, средств и умения вскоре бросил это занятие. В 1842 году французский консул Ботта приехал в Мосул, чтобы также приступить к раскопкам. Он собрался раскапывать Вавилон. По профессии натуралист, богатый человек, он вложил в это дело все свои средства. Его не останавливала даже одна весьма существенная деталь: он не знал, где находился Вавилон. Не знали этого и другие любознательные искатели. Ботта начал копать в селении Гюнджик, старинной Меспиле. Историк Ксенофонт в 300 году до н. э. писал, что оттуда видны развалины Ниневии (столицы Ассирии). Ни до чего не докопавшись, Ботта, по совету заинтересовавшихся арабов, пошел в деревню Хофсабад: роя могилы, местные жители находили там куски камней с рельефами. В результате Ботта открыл не больше и не меньше — Ниневию! Это были развалины дворца ассирийского царя Саргона: комнаты, тронный зал, по стенам рельефы на каменных плитах — сцены царской охоты, военные. Все вокруг было усеяно клинописью. Арабы же едва не прогнали Ботта со смертельными угрозами: они испугались выкопанной головы крылатого быка выше человеческого роста; крылатый бык — символ Ассирии. Спустившись далее в подвал дворца Саргона, археолог открыл нечто невиданное — архив и библиотеку. Глиняные таблички, обожженные и не обожженные, оказались собранием большей частью царя Ашшурбанипала, вывезенным из разрушенного тогда ассирийцами Вавилона. Позднее прочли, что таблицы были пронумерованы: "Серия таблиц такая-то, по счету таблица такая-то, дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии". В 1899 году в Месопотамию прибыл немецкий археолог Роберт Кольдевей. Ему первому удалось значительно раскопать Вавилонское городище. С тех пор и по сей день раскопки продолжаются, однако достигнуто не так много. Вавилон, до сей поры пользующийся покровительством Мардука, никому ничего "не показывает". Однако немецкие археологи установили план города с каналами, главными улицами, стенами и зданиями.

Археологи не смогли сдержать эмоций, когда перед ними внезапно возник холм, "вырвавшийся из мрачного кипения туч" и так далее. Впрочем, не прозрение ли посетило их: им показалось, что они видят оплавленные кирпичи Вавилонской башни. В самом деле, кто, как не "карающая десница Господа", мог оплавить эти кирпичи, — однако не Вавилонской башни, а зиккурата с храмом Нэбо в Борсиппе. Кирпичи превратились в "пузырчатые, «базальтовые» комья. Так должны были гореть они при температуре до 1200 градусов не менее семи дней.

Раскопанный в Борсиппе холм Бирс Нимруд поначалу приняли за центр Вавилона, отчего предположили, что город простирался на многие десятки километров. Правда, Вавилон и так оказался очень большим городом: когда в IV веке до н. э. войско Александра Македонского вошло в Вавилон, в некоторые кварталы эта весть не успела прийти.

Объяснить «возгораемость» вавилонского кирпича просто. Дело в том, что основой строительный материал — глина — выветривается и вымывается дождями. Для армирования ее применялся порубленный тростник, солома. Позже научились обжигать кирпич в печах. Но топлива в Месопотамии было не много, обожженный кирпич стоил очень дорого, ему вели счет: на каждом ставилось царское клеймо. В связи с этим здания ставились из сырцового кирпича, переложенного тростниковыми канатами и залитого асфальтом ("земляной смолой"). Толщина стен в огромных дворцах и храмах, в городских стенах достигалась именно таким способом. Слой же с обеих сторон стен был облицовкой из обожженного кирпича, ярко выкрашенного глазурью — синей, голубой, красной, черной. Все здания стояли на высоких кирпичных площадках, а ниже — на насыпных холмах.

Новые сооружения держались недолго: сырцовая кладка оседала, крыша проваливалась, здание приходило в негодность. Постоянное обновление строений было царской заботой, предметом гордости и похвалы. Навуходоносор II говорит: "И Этеменан-ки, ступенчатую башню Вавилона, я заставил отделать асфальтом и глазурованным кирпичом, прекрасным, как день. Для перекрытия его помещений я применил в изобилии могучие кедровые стволы".

Непрерывная вавилонская «перестройка» — это и в самом деле гигантский труд. Несмотря же на возможность разрушения нового сооружения и даже небезопасность нахождения в нем людей, всегда, каждый раз строили «навечно». Это было священное дело, угодное богам; Еще есть версия о том, что храм наверху зиккурата разрушали сами строители: они ежегодно строили его заново, чтобы каждый раз "священный брак" совершался в "новогодних стенах".

Пожар, возможный по ряду причин, в том числе и вовсе не от "карающей десницы", вполне мог бушевать и те семь дней, что отводят ему специалисты: тростник, без доступа воздуха, накапливал в себе гигантскую температуру, достаточную для плавления глины.

Вавилонская башня

Обратимся же не к теме разрушения, а к моменту строительства башни. Эта тема, по крайней мере, равновелика "каре Господней" и также присутствует в Библии.

К строительству Навуходоносора приучал его отец, основатель халдейской династии Набопаласар.

"Когда по велению Нэбо и Мардука, любящих мое царство, и при помощи оружия, сильного тростника (копья), принадлежащего грозному Эрре, который поражает молнией моих врагов, я победил Субарея (Ассирию) и превратил его страну в груды обломков и развалин, тогда Мардук, владыка Этеменан-ки, Вавилонской ступенчатой башни, которая еще до меня обветшала и обвалилась, приказал мне заново возвести фундамент в котловане на старом основании, чтобы глава башни могла высотой состязаться с небом. Я изготовил кирпичи, лопаты и формы для кирпичей из слоновой кости и эбенового дерева, отборной древесины и заставил многочисленных людей, созданных со всей страны, нести все это, лепить глиняные кирпичи, изготавливать обожженные кирпичи, бесчисленные, как капли дождя, падающего с неба Бусы из золота и серебра, камни гор и морского побережья я разложил внутри его основания, белую драгоценную мазь, очищенное масло, благовонные травы и красную пасту я положил под кирпичи. Изображение моего

величества, несущего корзину с кирпичом, я изготовил и заложил в фундамент.

Перед Мардуком, моим господином, я склонил выю, я подоткнул платье, роскошное одеяние моего величества, и носил на своей голове кирпичи и глину. Я велел сплести из золота и серебра корзины для кирпича, и Навуходоносора, старшего сына, любимца моего сердца, я заставил носить вместе с моими людьми глину, смешанное вино, чистое вино, масло и пряные травы".

Потомкам исчезнувшая Месопотамская цивилизация предстала в виде курганов — могильных холмов, состоявших из строительного мусора. Оттого археологические раскопки Вавилона невозможно вести традиционными методами. Еще Роберт Кольдевей жаловался, что ему не под силу вывезти эти немыслимые завалы строительных отходов.

Точно так же погибла под собственными обломками, а вовсе не сгорела разрушенная в последний раз Ксерксом Вавилонская башня. Ее взялся было перестроить Александр Македонский. Говорят, будто он совершил вавилонский обряд венчания на царство: взял статую Мардука за руки, чтобы Мардук встал с трона. Но Александр Македонский умер, не приступив, в сущности, к объявленному строительству.

Страницы истории

Первым европейцам, отважным, с риском для жизни попавшим в Месопотамию, предстала унылая безлюдная равнина, окруженная Иранским и Армянским плоскогорьями на востоке и северо-востоке и Аравийской пустыней на западе. Однообразный унылый вид и курганы вдоль обеих рек, Евфрата и Тигра, стекающих с гор и впадающих в Персидский залив. В древности они сливались в 150 километрах от моря и имели общее устье. Жаркий климат и обилие степных трав, превращавших равнину в пастбище, — вот и все дары природы. Остальное было сделано руками человека, поселившегося здесь.

Впрочем, 6000 лет назад страна Сенаар (Шумер) была не безлюдной пустыней, а страной цветущей, кормившей многомиллионное население. Климат позволял земледельцам на распаханых, ухоженных полях собирать два урожая пшеницы и ячменя: Разбросанные по равнине редкие финиковые рощицы тоже подвергались окультуриванию. Степные травы кормили огромные стада быков и баранов.

Но не все было безоблачно с природной точки зрения: равнина изобиловала хищными зверями, ядовитыми змеями, скорпионами, тучами комаров и песчаных мух. К концу лета степь выгорала, особенно к Евфрату, к которому подступали пески. После засухи начинались обильные дожди — осенние и зимние. Болота испускали ядовитые испарения. Свирепствовали холера, малярия, дизентерия, тропическая лихорадка. В апреле разливались реки; наводнения превращали страну в огромное озеро. Вода стояла на равнине шесть месяцев.

С древнейших времен уцелели земляные дамбы и укрепления от воды. Всю Месопотамию пересекали вдоль и поперек отводные каналы, стоки с полей. Каналы рыли параллельно рекам, вокруг городов и в самих городах. На улицах тоже были стоки. Отводили воду и в обширные искусственные озера; два таких озера еще видны вблизи Вавилона. Откосы и дно каналов выкладывали камнями, привозимыми с гор.

И при всем при этом равнина подвергалась постоянным завоеваниям: Вавилон завоевывали последовательно — амореи, ассирийцы, персы, касситы, парфяне и еще многие племена и царства. А народ строил города, города-храмы, разрушал и снова возводил здания, вез из дальних стран камень, металлы, драгоценности, древесину и саженьцы, краски, материалы для изготовления стекла, вообще множество ремесленного сырья, рыл каналы и озера, очищал их, обжигал глину, отвоевывал свою землю бесконечное число раз и, укрепившись, отсюда продолжал диктовать миру свою волю.

Ныне считается, что шумеры — пришлый народ; путь их прослеживается через горы от предгорий Копет-Дага через Эльбрус. там, вблизи пустыни Кара-кум, найдены остатки родственной им культуры. Это одна из теорий, наиболее логичных и все объясняющих. Жители пустыни попали в местность с невиданным изобилием воды, "в страну, текущую молоком и медом". И в то же время они были людьми гор.

А достичь этой местности им и помог бог гор — Энлиль-Бел. Для храма Энлилю они насыпали холм Экур — "Дом на горе". Горные народы ставили храмы на вершинах, отсюда и приверженность их к "искусственным горам" — пирамидам.

А потом пришли семиты, аккадское племя, создавшее Аккадское царство на севере Месопотамии. Аккадцы ринулись на юг и покорили шумеров, переняв у них язык, письменность, календарь. В конце концов, они смешались в один народ — Вавилонский. На самых древних рисунках шумеры и аккадцы — вместе. Шумеры с круглыми и бритыми головами и лицами. Глаза большие, большой прямой нос. Семиты — с длинными волосами и бородами, лица продолговатые, нос изогнутый и тонкий. Интересно, что в Вавилоне житейский, разговорный язык был семитский, а язык священнодействий, жреческий — шумерский. Молитвы, заклинания, священная история.

Бел, чей гнев не имеет подобия, Бел, благой царь, господин стран, делающий благосклонными великих богов, Бел, ниспровергающий своим взглядом могучих,

господин царей, свет человечества, распределяющий судьбы, Бел, твое жилище — Вавилон, Борсиппа — твоя тиара.

В табличках из дворца ассирийского царя Саргона в Ниневии, найденных археологом Боттой в 1842 году и представлявших собой библиотеку Ашшурба-нипала, вывезенную им из разрушенного Вавилона, прочли гимны богам, легенды о царях и героях, летописи ассирийских царей. В табличках — математика, астрономия, словари, учебники вавилонского языка, долговые документы, контракты о купле-продаже, завещания, печати. Ашшурбанипал собрал и сохранил все это.

Первый вавилонский царь-аморей Хаммурапи в прологе к своим Законам (1790 год до н. э.) определил, в чем состоят царские добродетели, на своем примере. "Я, Хаммурапи, царь несравненный. Черноголовыми, которых дал мне Энлиль-Бел и власть над которыми поручил мне Мардук-Бел, я не пренебрегал, о них я не нерадел, я искал их блага. С могучим оружием, врученным мне Замамой и Инанной, с премудростью, дарованной мне Эа, с разумом, которым наделил меня Мардук, я истребил врагов вверху (на севере) и внизу (на юге), прекратил раздоры, устроил стране благосостояние, дал людям жить в безопасных местах, охранял их от нарушения спокойствия. Великие боги призвали меня, жезл мой — жезл правды, моя благая сень простерта над моим городом. На груди своей лелею я жителей Шумера и Аккада,

а с помощью моего бога-покровителя и его братьев успокоены они в мире, моя премудрость их покрывает".

Хаммурапи провозгласил город Вавилон вечным обиталищем царственности; его жители получили привилегии, за которые крепко держались, ведь ореол царственного города признавали и покорявшие его персы, ассирийцы и другие завоеватели. Все правители-завоеватели «причащались» Вавилону через обряд "прикосновения к рукам Мардука, чтобы он встал".

Памфлет под вавилонским названием "Если царь не блюдет правосудия" (700 год до н. э.), а позднее под названием "Зерцало правителя" посвящен защите гражданских привилегий. Плохой царь тот, кто покушается на имущество граждан путем поборов, налагает на них тяготы и повинности, привлекает к военной службе, выносит неправильные приговоры и вообще не считается с привилегиями, "написанными на стелах", то есть с законами Хаммурапи. Поскольку Вавилон есть средоточие мира, неприкосновенность его крепка. Даже собака, вошедшая в город, не может быть убита. Ашшурбанипал сообщает, что он сам переписал и сверил этот текст "для моего постоянного чтения".

С тех пор нашли еще множество глиняных, изредка каменных, архивов на табличках, надписей на стенах, каменных столбах и скалах предгорий. Табличками и списками с надписей наполнили все музеи современного мира. Но их до сих пор ищут и находят. Общее количество превысило уже 25 000.

Вавилоняне отомстили Ассирии и разрушили дворец Саргона, с помощью мидян восстановив мировое Вавилонское царство. Но архивы отчего-то обратно не вывезли. Может быть, собственная переписка отнимала у них все время?

Переписка велась интенсивная. Письма (глиняные таблички) вкладывались в глиняные же футляры ("конверты"). Точно пригнанный футляр обжигался в печи вместе с письмом. При получении футляра, на котором был адрес, разбивали. Зато хранили письмо.

Клинопись

Билингвы, двуязычные надписи, сыгравшие свою золотую роль в расшифровке древнеегипетского письма египтян, предпринятой гениальным Шампольоном, в вавилонских табличках встречаются не единожды. Есть и трехязычные тексты, но ни один из этих языков не был знаком ученым.

Первый перевод осуществил немецкий учитель Георг Гротенд в сентябре 1802 года. Для сравнения он взял новоперсидские части двух надписей. До него был известен всего один клинописный значок — отделение слова от слова. Слова состояли из знаков числом до десяти. Гротенд решил: это буквы, а не слоги. Он отыскивал повторяющиеся слова. Затем возникла догадка: ведь повторяться столь часто могут имена и титулы царей. По-гречески и по-римски имена и титулы восточных царей передавали так: "N, царь великий, царь царей, NN царя сын". К примеру, Дарий, сын Гистаспа; Ксеркс, сын Дария. Ксеркс был первым именем, прочитанным в клинописи. Гротенд проверил имена царей по Библии; по сравнению с нею, имена отличались звучанием: Кхшхер-ше, Дархеуш, Гоштасп. Прочитал исследователь и имя бога Ахурамазда, и слово «великий». Но открытие Гротенда не произвело ни на кого впечатления и было опубликовано только через 80 лет.

Когда в Египте нашли алебастровую вазу из Вавилона с надписями на четырех языках, один из которых был иероглифический, а три клинописные, вазу послали Шампольону. Он-то и прочитал опять то же имя: Ксеркс.

Всего в вавилонских надписях насчитано 500 разных знаков.

Через 50 лет после Гротефенда англичанин Генри Раулинсон прочитал гигантскую надпись на скале — это был рельеф из Персеполя. Бехистунская скала в Загросе поднимается на высоту 1000 метров почти отвесно над равниной. Начиная со стометровой высоты на скале сохранилась клинопись на вавилонском и персидском языках и рельефный рисунок. Больше десяти лет Раулинсон перерисовывал эти знаки — четыреста двадцатиметровых строчек. На рисунке царь Дарий, а перед ним 9 бунтовщиков со связанными сзади руками, а сам он попирает ногами поверженного врага. Надпись повествовала о том, как царь Дарий справился с бунтом и сел на трон царств, им тут же перечисленных.

После копирования (с риском для жизни!) Раулинсон обнаружил в надписи более 200 имен царей, царств и народов.

Кроме имен, первыми словами, прочитанными в клинописи, были «царь», «народ», «страна», "бог".

Но все еще неизвестно было, на каком языке говорили вавилоняне и ассирийцы. Ассирийцы оставили учебные таблички-словари: они изучали вавилонский язык. И когда с их помощью, наконец, прочли слова вслух, то в звучании сразу обнаружилось огромное сходство с древнееврейским языком.

Позже прочли шумеров. В шумерских табличках удалось подобраться к истокам клинописи. Они писали не знаками, а штрихами — рисунками предметов.

Клинопись — сложное письмо: знаки, идеограммы, слоги, слова, звуки в них можно толковать как угодно. И, в общем-то, толкуют до сих пор.

Дольше всех из старинных начертаний держались круги и полукружия, а также идеограммы царей и богов — звездообразные знаки. Так, Иштар изображалась в виде 8-конечной звезды, рядом с солнцем и луной. Мардук — в виде копья.

Конечно же, переписывающиеся вавилоняне умели читать письма. Это обстоятельство также подталкивает ученых к тому, чтобы досконально овладеть утерянным и восстанавливаемым способом передачи информации.

Город Вавилон

Громадный, шумный, квадратный или прямоугольный по форме, обнесенный двойной стеной Вавилон насчитывал 100–500 тысяч жителей.

Наружная стена города представляла собой насыпной вал не менее 25 метров высоты. Внутренняя кирпичная стена, по слухам, достигала 90 метров. Внешняя стена была шириной 7,12 метра. Через каждые 52,5 метра на ней стояли прямоугольные башни шириной 8,37 метра. За 12 метров до стен был вырыт широкий и глубокий ров, заполненный водой. Через него были перекинuty крытые мосты. Со стороны. Евфрата стена смыкалась с высокими набережными. Вместе с укрепленными пристанями западная, обращенная к Евфрату сторона Вавилона представляла грозный бастион.

Восемь (а не сто, как у Геродота) медных наглухо запиравшихся ворот вели из города по дорогам к городам-храмам богов. Ворота Иштар — дорога в ее город-храм; Ворота Сина — на Тигр; Ворота Марду-ка-Бела, называвшиеся Гишшу, — дорога в Кугу; Ворота Забабы, или Нинурты (бога войны) — дорога в Киш; Ворота Энлиля — в Ниппур; Ворота Ура-ша — в Дильбат (это дорога Нэбо из Борсиппы); Ворота Шамаша — дорога в Ларсу; Ворота Адада — в Акуц. Еще одни, Священные Ворота в самом городе, в Эсагиле; они были украшены гербом Вавилона — драконом. К священным Воротам вела улица бога Нергала Радостного, или, по-другому, улица Мардука.

Внутри города ворота выводили на прямые, взаимно пересекающиеся проспекты. Планировке города удивлялись жители других стран цивилизованного древнего мира: ни о каких проспектах не знали ни греки, ни египтяне. Кроме того, город делился внутри еще одной стеной в восточной части; а также каналом Арахна; в результате исторических Передряг менялось и русло самого Евфрата: персидский царь Ксеркс пустил его по самому городу Вавилону, но это случилось уже в позднейший период его истории.

Многочисленные стоки для воды, арыки, водопровод, фонтаны во дворах домов помогали решать месопотамскую проблему водоизобилия.

Проспекты делили город на восемь изолированных друг от друга кварталов; почти все более-менее большие улицы Вавилона запирались с двух сторон собственными медными воротами.

Наиболее роскошными районами Вавилона были "Дом царского дворца" в его северной части с летней резиденцией царя, висячими садами и вилами знати, а также центральная часть города с храмом Эсагилы, южным царским дворцом и окружающими дворец храмами других богов, среди которых красивейшим и внушительнейшим был храм Иштар-Нинмах, ныне восстановленный. Вообще в Вавилоне насчитывалось 53 храма, 955 целл (помещений-часовен для фигур богов), 384 уличных алтаря, не считая алтарей домашних.

Улицы Вавилона были покрыты плотно утрамбованными остатками строительных материалов, в городских домах полы были глинобитными.

Геродот восхищался красотой улиц Вавилона — с 3—4-этажными домами. Однако внутри кварталов были узкие улочки и тупики с глухими стенами без окон. Иногда эти улочки были крытыми — над ними нависали соединившиеся кровли домов. О тесноте прижимавшихся друг к другу строений могут поведать многочисленные тяжбы, записанные на глиняных табличках. Судились за право ступить по определенной части проходов, за деревянные балки, соединяющие стены. Одна такая тяжба ярко повествует:

В 527 году Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, купил у Забабы-иддина, сына Бел-иддина, потомка Ададусине, дом у Ворот Гишшу за 4,5 мины (2,25 килограмма) серебра. Вплотную к этому дому был пристроен другой дом, принадлежавший Забабе. В 522 году сосед Итти умер, а его сын захотел купить и второй дом. Забаба отказался. Тогда сын Итти по имени Мардук-Нацир-Анли решил пойти на конфликт. Ссора произошла по поводу того, что балки в доме Забабы были укреплены в стене дома Итти. Сын покойного потребовал убрать балки, то есть разломать крышу. Или же продать

дом. Суд признал стену собственностью сына и обязал Забабу убрать балки, не трогая дренажных труб и бревен в стене; а также возместить ущерб дому истца и внешнему виду улицы.

Образ жизни

Вавилон был городом многонаселенным, и частных домов на всех не хватало. В основном помещения арендовали. Причем в сырцовокирпичных домах самой ценной вещью были деревянные двери. Арендатор, въезжая в дом, привозил с собой свои собственные.

Горожане, называемые "дети Вавилона" или "сыны Вавилона", не только молились богам и тяжело трудились. Они вели бурную жизнь, судясь, торгуясь, спекулируя, подыскивая своим рабам выгодные оброки. В шумном Вавилоне каждому находилось множество занятий, а также разнообразный досуг. Рестораны, трактиры, публичные дома, притоны для многочисленных тогдашних «бомжей». Эти притоны содержали большей частью оброчные рабы и рабыни; к тому же трактирщицы часто совмещали свои хозяйские обязанности с проституцией. Немало было в Вавилоне и всякого рода преступников. Интересно, что разбой тоже считался профессией: в Вавилоне можно было получить диплом мастера уголовных дел. На одной глиняной табличке был запечатлен оригинальный для нас, но обычный для Вавилона контракт. В апреле 629 года в Борсиппе некий вавилонянин обязался за 2 года 5 месяцев обучить свободного человека на бандита и сутенера. За это он получал Доход от «работы» и 17 граммов серебра "на угощение". В случае неудачи ученик имел право взыскивать с учителя по суду 15 литров ячменя за каждый день.

Сыщик Белнадин-апли однажды напал на следы мафии и, минуя инстанции, донес об этом царю. Члены банды напали на царский полицейский пост и перебили гарнизон. Сыщик установил, что они связаны с разбойниками вне города. "Пусть царь поскорее прочтет этот донос, чтобы мужики не ушли к разбойникам", — написал сыщик на табличке.

Но, конечно, Вавилон был прежде всего не разбойно-развратно-ростовщическим городом, а центром науки и ремесла, родиной театра и оригинальных диалогов. Кстати, Вавилон был и законодателем древней «всемирной» моды. Космополитичность одежды рано проявилась как раз в Вавилоне. Уже первые вавилонские цари совместили в своем одеянии традиции шумерские и аккадские: на голове они носили семитскую шапку-тюрбан (похожую на головной убор египетских царей), а плащ был шумерским.

Горожане Вавилона, по Геродоту, одевались так: спускающийся до пят льняной хитон, поверх него другой, шерстяной, затем белый короткий плащ. Обувь — кожаные башмаки. Волосы скреплялись повязкой вокруг головы. Каждый мужчина носил с собой посох, украшенный сверху яблоком, розой, орлом, лилией. Также при себе вавилоняне постоянно держали печати — цилиндры, призмы, конусы из драгоценных и полудрагоценных камней или обожженной глины — для скрепления договоров. Женщины в Вавилоне имели все юридические права, владели собственностью и тоже скрепляли своими печатями

сделки. Царские печати — цилиндры из лазурита.

Одежды были разноцветными, яркими — красными и синими. Кстати, это любимые цвета Вавилона. Также были желтые, зеленые, коричневые, черные и белые одежды. Их обильно покрывала вышивка. В ходу была косметика и украшения — серьги, перстни, браслеты, ожерелья, пряжки, броши из серебра, бронзы, меди, железа и драгоценных камней.

Народ попроще носил обычно разноцветные туники.

Деньги в Вавилоне были серебряными; но и зерно служило мерой торгового обмена из расчета 1 килограмм серебра за 60 килограммов зерна. Эталонный талант был найден в одном из хозяйственных помещений Эсагилы. Это слиток серебра в форме лежащей утки с надписью, заверяющей истинную точность веса. Торговцы пользовались гирями-камнями в форме яйца. Вначале серебро взвешивали; потом деньги постепенно превратились в куски серебра с царской печатью. Векселя писались в форме простых глиняных табличек; однажды подделавший такой вексель вавилонянин на суде принялся грызть табличку, чтобы ее уничтожить. Что-то знакомое, не правда ли?

Вавилон прославился в мире своими мастерами. Художники, скульпторы, резчики, златокузнецы, ткачи и вообще люди всех профессий ценились настолько высоко, что и после падения Вавилона нашли себе занятия в других странах; их попросту вывозили в большом числе.

Вавилон торговал с другими державами и племенами исключительно собственной продукцией, а ввозил только сырье. Спрос на вавилонские изделия был так высок, что, например, вышитые льняные ткани соперничали у царей, вельмож, богатых людей в Греции и Лидии с египетским виссоном (секрет которого, кстати говоря, утерян). Славилась и поделка из стеклянного сплава "под лазурит". Изобретение вавилонян — кожаные бурдюки, наполняемые воздухом, игравшие роль понтонов для мостов. Они входили в воинскую амуницию.

Особой неприкосновенностью и почетом пользовались вавилонские жрецы. При всех завоеваниях Вавилона они оставались неприкосновенными и продолжали совершать обряды, вести астрономические наблюдения, обучать в храмовых школах. И, конечно, проводить празднования Нового года в дни весеннего равноденствия.

Даже в те времена, когда в Вавилоне правили чужеземцы, они с должным почтением относились к новогоднему празднику. Всячески давали понять, что ценят его. Ни ассирийские, ни персидские цари не пропустили этого события и считали необходимым подчиняться всем предписаниям праздничного ритуала. Если царь сам не приезжал в Вавилон, то в отдельных случаях допускались его «заместители» из числа родственников. Так, Кир персидский вместо себя послал сына Камбиза. Известны случаи, когда жрецы готовы были довольствоваться хотя бы царским одеянием. Сохранилось письмо, в котором жрецы просят ассирийского царя Асархаддона прислать свой наряд в город Харрон на праздник акиту. "Священное совокупление" женщины с царской одеждой становилось, естественно, символическим. Но, в конце концов, чужеземные цари перестали ритуально посещать Вавилон, и жречество разбредлось по свету вместе со строителями, художниками, ремесленниками. Кстати, главный исторический труд Вавилона был написан жрецом Берозом по-гречески.

А начало вольнодумству положил не кто-нибудь, а законный вавилонский царь Набонид, родом вавилонянин. Его мать служила царям Набопаласару, Навуходоносору, Нергал-Шарру-уцуру как жрица бога Сина (Луны). Она помогла сыну взойти на престол. Но туг Набонид поссорился с родным городом. Вавилоняне отказались платить подать — урашу, то есть строить храм Сина — башню Эхулхулу. Тогда Набонид отменил празднование Нового года и покинул Вавилон на 10 лет. Он ушел в Аравию и создал там царство, блокировав караванные пути в Вавилон. В 546–544 годы в Вавилоне свирепствовал голод. А потом его завоевал Кир.

Падение столицы мира

Падение Вавилона происходило не однажды. В сущности, Трудно назвать завоевателя, нанесшего ему последний удар. Может быть, это были парфяне, разрушившие Вавилон в 140 году до н. э. Но и после этого он еще оставался большим и богатым, пустея незаметно и постепенно.

Самым шумным отголоском падения Вавилона было завоевание его войсками персидского царя Дария. Существуют две легенды об этом событии.

Одна гласит, что когда персы осадили Вавилон, то вавилоняне дразнили их: "Зачем, персы, вы праздно сидите здесь и не уходите? Вы овладеете нами, когда ожеребится мул!"

Через 1 год 7 месяцев неожиданно ожеребилась мулица у Зопира, сына Мегабиза. Зопир отрезал себе нос, уши, остриг волосы в кружок, исполосовал тело бичом и предстал перед Дарием. Тот ужаснулся, но Зопир предложил ему план взятия Вавилона.

Под видом перебежчика, которого избил Дарий, Зопир проник в город. На народном собрании он упросил вавилонян дать ему возможность отомстить своему царю. Зопир сделал три крупные вылазки и, по договоренности с царем Дарием, перебил крупные отряды персов. Тогда обрадованные вавилоняне поручили ему главнокомандование и оборону стен. После чего Дарий начал штурм. Зопир открыл ему Ворота Забабы (Касситские) и Ворота Гишшу (Бела). Город пал.

Дарий срыл вавилонские стены, снял ворота. 3000 знатных вавилонян приказал посадить на кол. Остальных жителей царь простил и прислал им пятьдесят тысяч женщин из других стран "на потомство". Зопира назначил правителем Вавилона пожизненно.

Клинописные автографы Дария рассказывают более скупое. В 522 году Вавилон провозгласил своим царем Навуходоносора III. Дарий, подавив восстание в Эламе, разбил вавилонские войска на Тигре и Евфрате и овладел Вавилоном, казнив Навуходоносора III. Затем, пока Дарий боролся с мятежниками на других концах своей обширной империи, в Вавилоне снова вспыхнуло восстание и появился Навуходоносор IV. 27 ноября 521 года войско Дария снова одержало победу. Навуходоносора IV посадили на кол.

Обыватели Вавилона, как повелось, не заметили персидского завоевания (это было в 539 году). До 521 года они лишь участвовали в празднествах оккупантов. А в указанном году начался грабеж населения.

Но и это, в конце концов, закончилось, жизнь города вошла в прежнюю колею.

При Дарий Вавилония вместе с Ассирией составила IX-ю сатрапию, платившую дань в 1000 талантов (30,3 тонны) серебра и 500 мальчиков-евнухов. Ее области расчленили. Дарий не стал вывозить статую Мардука, а принял титул царя Вавилона. Кстати, в Египте он принял тронное имя как фараон и оказывал почести египетским богам.

В 486–484 годы в Вавилоне вспыхнуло новое восстание. Самозванец Бел-шиманни провозгласил себя царем Вавилона, царем стран. Его сверг Ксеркс (486–465), сын Дария, и сел на вавилонский престол. В 482 году Ксеркс увез статую Мардука из Эсагилы.

Вавилонское царство, основанное амореями Суму-абумом в 1894 году до н. э., прекратило свое существование в 482 году. Граждан Вавилона, "сынов и детей" его, больше не было.

Александр Македонский прославил Вавилон только тем, что умер во дворце Навуходоносора II. Никогда больше Вавилон не был столицей.

Кстати, среди неразгаданных тайн Вавилона есть и такая: все цари, которые разрушали Вавилон и похищали главную святыню — статую Бела-Мардука, — умерли насильственной смертью от руки собственных родичей. Хеттский царь Мурсилис I (начало XIV века до н. э.), ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (1244–1208 годы до н. э.), эламский царь Кудур-Наххунте (693–692 годы до н. э.), ассирийский царь Синаххериб (704–681 годы до н. э.) и персидский царь Ксеркс (486–465 годы до н. э.).

Не нарушил ли и Александр Великий какой-то из законов Мардука?..

История Вавилона прочитана по документам.

Наконец, о грудах битого кирпича

Как только начались раскопки Вавилона, к его руинам потянулись толпы людей разных рас, национальностей и вероисповеданий. Поток не прерывается и доныне. Все хотят увидеть Вавилон своими глазами; люди, не имеющие отношения ни к археологии, ни к исторической науке, испытывают неодолимую потребность убедиться в том, что Вавилон и его чудеса были.

Но многих ждет разочарование. Даже раскопанные в прошлом и начале нынешнего века руины снова занесены песком, многое рассыпается. Город не возвышается над местностью, а утопает среди строительных холмов-курганов. Большая часть Вавилона не раскопана. Реконструирован лишь один Храм Иш-тар-Нинмах да часть царского дворца. Героическое стремление правительства Ирака превратить Вавилон в самый большой музей мира, восстановив его полностью, становится еще одной, современной легендой Вавилона. Климат, почва, вода и солончаки, бедность страны, разбросанность экспонатов по музеям мира и все остальные причины "вавилонского столпотворения" наших дней против возрождения "чуда света". Может быть, поначалу надо вернуть в Вавилон статую Мардука-Бела?

Однако раскопки продолжаются, и именно в жилых районах города. Говорят, что там археологов подстерегают неожиданные открытия.

Месть проститутки

Давно уже приближенные Александра Македонского не видели своего царя, в общем-то, сдержанного (в трезвом виде) человека, таким разозлившимся. Только что он принял послов горного племени уксиев, обитающих между Сузианой и Персидой, и те имели наглость потребовать с него — покорителя Востока — плату за проход через свои земли. Александр отослал послов, "велел идти к теснинам, господство над которыми позволяет им думать, что проход в Персию находится в их власти: там они получают установленную плату" (Арриан).

Зимой 331–330 годов до н. э. — время, мало располагающее к военным действиям — македонцы очень торопились достичь главной резиденции Ахеменидов — Персеполя. Они боялись, что сокровища растащит стража, наверняка уже слышавшая о поражении персов при Гавгамелах и о бегстве Дария. Об этом же предупреждал письмом Александра хранитель царских сокровищ Персеполя — Тиридат. В Сузах македонцы уже взяли очень большую добычу, но у алчности нет границ. Да и Персеполь — не Сузы. Надет Персеполь — главная резиденция персидских Царей, последняя из трех столиц, — и конец войне, как тогда думали многие.

И вот теперь какие-то уксии, у которых даже денег не было, потому что натуральнохозяйственным умом они не понимали их смысла; которые не умели обрабатывать землю, а самым благородным занятием почитали разбой и воровство; которые даже соитие совершали открыто, не стесняясь зрителей, — эти самые недочеловеки-уксии преградили путь македонцам! А впереди их еще ждало сорокатысячное войско сатрапа Ариобарзана, которое заградило дорогу в ущелье, называвшееся Персидскими воротами.

Ранней ночью Александр выступил с телохранителями, щитоносцами и еще 8 тысячами солдат, а полководца Кратера отправил занять те высоты, куда, по его мнению, должны были отступить уксии. На рассвете Александр напал на деревни гордых, но нищих горцев. Спросонья они даже не приняли бой, а бежали к тем теснинам, в которых собирались держать Александра до тех пор, пока он не заплатит выкуп. Но и там лучшие позиции уже занял Кратер. Большинство уксиев либо были убиты, либо сорвались в пропасть. Победленные с трудом вымолили у Александра право остаться на своих землях, обещая платить дань натурой, то есть животными, которых они пасли.

Ариобарзана у Персидских ворот Александр разбил примерно таким же маневром. Теперь путь на Персеполь был открыт. Но случилось еще одно событие, которое, возможно, главным образом и повлияло на решение уничтожить Персеполь.

Уже недалеко от города македонцы заметили группу из восьмисот пожилых людей — пленных греческих ремесленников. Вид их был ужасен: у кого-то были отрублены нос и уши, у кого-то ступни ног или рука. Персы изувечили их преднамеренно, оставив только ту часть, которая была необходима для работы по украшению и поддержанию в порядке дворца Ахеменидов. «Лишнее» персы отрубили, дабы исключить возможность побега. Один вид соотечественников вызвал слезы на глазах закаленных

македонцев и греков.

Калеки стали молить Александра о заступничестве. Царь приказал выдать каждому по 3 тысячи драхм, по 5 одежд, по 2 пары волов, по 50 овец и по 50 медимнов пшеницы. Само собой, он освободил их и от уплаты податей.

Александр вступил в город 1 февраля 330 года до н. э. и увидел беспорядочную толпу, стекавшуюся во дворец. Возле дворца лежала опрокинутая этой же толпой огромная статуя Ксеркса. Царь лишь на секунду задержался у статуи другого царя и сказал:

— Оставить ли тебя лежать здесь за то, что ты пошел войной на греков? Или поднять за величие духа и доблесть, проявленную тобой в других делах?

Так ничего и не решив, Александр прошел во дворец и сел под расшитый золотом балдахин на царский трон. При этом зрелище коринфянин Демарат, уже старик, заплакал и сказал:

— Какой же великой радости лишились греки, которые умерли, не увидев Александра восседающим на троне Дария!

Возможно, пытаясь поквитаться за искалеченных греков, Александр отдал приказ перебить всех пленных. Впрочем, местные жители ему тоже чем-то не приглянулись: город был отдан на разграбление. Македонцы бросились насыщаться грабежом и насилием: бедных, с кого нечего было взять, убивали; богатые кончали жизнь самоубийством, бросаясь с городских стен или сгорая в собственных жилищах. Так продолжалось, пока сам Александр не положил этому конец.

Добыча, доставшаяся победителям, была огромной: 120 тысяч талантов серебра и 8 тысяч золота, не считая драгоценной утвари. Для ее перевозки понадобилось 10 тысяч парных подвод и 5 тысяч верблюдов.

Пока войско отдыхало и переправляло на родину добычу, Александр в окружении друзей заслуженно пировал. В подобных весельях принимали участие и малопотребные женщины, следовавшие за войском из самой Греции. Среди них находилась и афинянка Таида, в тот момент — подружка в утехх Птолемея Лага, будущего фараона. Она-то и "решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой" (деликатный Плутарх не решился написать, что на этой девице клейм из трех лилий ставить было негде). Таида сказала Александру примерно следующее:

— Глумясь над чертогами персидских царей, я вполне вознаграждена за те лишения, которые испытала в блужданиях по Азии. Но мы — афиняне, всегда помнили, что Ксеркс сжег наш город и все святилища. Для меня было бы высшим удовольствием самой погубить его дворец. Пусть говорят люди, что женщины сумели отомстить за Грецию лучше, чем прославленные полководцы.

Слова проститутки встретили пьяным гулом одобрения и рукоплесканиями. Тогда Александр, сам еле державшийся на ногах, с венком на голове и факелом в руке пошел впереди всех. Дворец запылал сразу со

всех сторон, так как внутри был покрыт драпировкой, тканями и коврами. Александр скоро протрезвел, раскаялся и приказал тушить, но было поздно: деревянные перекрытия потолка перегорели и рухнули, довершив гибель дворцового комплекса; Сгорели и окружающие дворец постройки и дома частных лиц.

Такова история гибели Персеполя, столицы персидских владык.

Существует мнение, что Александр сжег город намеренно, что это входило в его планы, и падшая девушка Таида — домысел античных историков, ведь Александр в первую очередь шел мстить за поруганную Элладу. Именно таким обещанием он и собрал греков под свои знамена. За это предположение говорит очень многое: например, убийство жителей и грабеж, вывоз всего ценного из города еще до пожара и т. д. Но все-таки нельзя забывать, что пьяный Александр был способен и на большее: на одной из пирушек он поразил насмерть молочного брата Клита, который однажды спас ему жизнь в битве. Как бы там ни было на самом деле, скоро Александр покинул выгоревший город.

Гибель Персеполя ознаменовала конец Ахеменидской державы, но поджог оказал несомненную услугу последующим поколениям: развалины дворца и города дошли до нас, можно сказать, в образцовом состоянии, если учитывать их возраст.

Вскоре после сожжения территория города вновь была заселена персами, им даже удалось восстановить некоторые дворцы и строения. Однако и это селение (оно называлось Истарх) погибло от нашествия арабских полчищ в VII веке н. э. Описания руин Персеполя средневековыми мусульманскими географами настолько схожи между собой, что, вероятно, они списывали друг с друга. Город они называли "Троном Джемшида": под этим именем у них фигурировал некий мифический владыка Ирана. Назвали его этим именем только потому, что Джемшид считался великим охотником, а на многих барельефах Персеполя присутствуют сцены охоты.

В 1474 году Персеполь посетил первый европеец, Иосафат Барнабо, и оставил такое описание:

"В поле зрения появляется круглая гора, срезанная с одной стороны, а спереди она 6 шагов высотой. Наверху — терраса, а вокруг колонны, всего их 40. Каждая из них длиной 20 ярдов, а ширина такова, что ее могут обхватить три человека. Но некоторые из них разрушены. И все же, судя по тем, которые остались, это было прекрасное сооружение. На террасе есть огромный камень из одного куска. На нем много людей, напоминающих великанов. А над ними в круге фигура, чем-то напоминающая нашего Бога. В каждой руке он держит шар, под ним небольшие изображения, а перед ним стоит человек, опирающийся на арку, которая, как говорят, была увенчана фигуркой Соломона. Под ними много других рельефов, среди них есть одно, напоминающее митру папы. Он держит руку так, как будто собирается благословить всех, кто находится внизу. Они же смотрят на него так, как будто ожидают его благословения".

Весьма забавно, что в изображениях Ахурамазды и царя на троне европеец отыскивал элементы христианства.

Первые раскопки в Персеполе в 1876 году производил человек с чуждым нам именем Моххамед ад-даула Фархад Мирза. Он искал спрятанные сокровища, но не нашел. Затем раскопки продолжали

европейские авантюристы, в результате чего многие барельефы перекочевали в музеи и частные коллекции, где пребывают и по сей день. Те же доморожденные археологи и просто посетители высекли на камнях свои имена, заметно изувечив "Ворота Всех Стран". Только в 1931 году в Персеполе появилась экспедиция под руководством Херцфельда. На сегодняшний день раскопки практически закончены и начата реконструкция.

Дарий Гистасп начал строить свою столицу (он назвал ее Парса; Персеполь — греческий эквивалент, букв. город персов) в 520 году до н. э. Ксеркс и Артаксеркс I продолжили и закончили в 450 году до н. э. Строительство основных сооружений велось около 50 лет и на нем одновременно было занято около 4 тысяч человек. Какие-то работы велись и позднее, но в основном они сводились к поддержанию в должном порядке кирпичных стен, которые разрушались от проливных дождей.

Персеполь находится на террасе (800 x 320 метров), возвышающейся над равниной на 13 метров. Сооружения, которые сохранились до наших дней, включают царскую резиденцию, город и гробницы. На самой равнине, под царскими дворцами, находились дома придворных. Есть сведения, что когда-то всю территорию окружала двойная стена, которую отделял от террасы широкий ров. Обнаружены небольшие фрагменты этой стены.

Терраса Персеполя воздвигнута на естественной скале, которую пришлось выравнять на площади в 120 тысяч квадратных метров. На разной высоте были сооружены три площадки. Подпорные стены их сложены из тщательно обработанных блоков, скрепленных железными скобами: эта мера должна была предохранить Персеполь от землетрясений (с чем и справилась). По краям террасы поднималась массивная стена с башнями из сырцового кирпича. Интересно, что при обследовании террасы археологи не нашли никаких следов канализации (не оказалось отхожих мест и в зданиях).

На террасу с противоположных сторон ведут две монументальные лестницы по 111 ступеней. Главная упирается в "Ворота Всех Стран", которые охраняют фигуры крылатых быков. Тут же еще можно разобрать трехязычную надпись:

"Я — Ксеркс, великий царь, царь царей, царь многих стран, царь всей земли, простирающейся вдаль и ширь. По воле Ахурамазды я сделал эти "Ворота Всех Стран". Я и мой отец построили в этом городе Парсе много других прекрасных зданий. Все прекрасное, что построено здесь, все это мы совершили по воле Ахурамазды".

За воротами следует ападана — колонный зал или зал приемов. Ее (когда-то) 72 колонны возвышаются на 23 метра. Во время раскопок в углах зала под стенами были найдены два каменных ящика. В обоих находилось по одной серебряной и золотой пластинке с надписями Дария:

"Вот царство, которым я владею: от Скифии, которая по ту сторону Согдианы, — до Куш, от Индии — до Лидии. Это царство даровал мне Ахура-мазда, величайший из богов".

Ападана могла вместить одновременно до 10 тысяч человек.

Еще больших размеров был тронный зал или, как его еще называют, зал "Ста колонн", ибо их здесь было именно столько.

Далее расположены дворцы Дария^[32] и Ксеркса, сокровищница и гарем, склады и казармы.

Сокровищница на протяжении истории Персеполя не единожды перестраивалась, причем каждый раз увеличиваясь в размерах. О чем это говорит — догадаться не трудно. Раскопки в сокровищнице, которая состояла из ста залов, комнат и альковов, засвидетельствовали, что она подвергалась разграблениям еще до пожара. Посуда (стеклянная, глиняная, бронзовая) оказалась разбита или разломана, когда с нее сдирали золотую или серебряную окантовку. Кусочки этой окантовки нашлись тут же, но оказались столь малы, что не представляли художественной ценности. Здесь же найдено около трехсот ритуальных сосудов, бронзовый пьедестал из трех шествующих львов, ступки и пестики из зеленого камня, которые использовались при приготовлении хаомы — напитка, игравшего важную роль в ритуальных обрядах древнейших арийцев. Хаому, как полагают, получали из ветвей растения эфедры, растолченных в ступке и затем смешанных с молоком, в результате чего получался алкалоидный напиток. По другим сведениям, хаому приготавливали из сушеных мухоморов. Геродот пишет, что персы принимали важные решения только в пьяном состоянии. На самом деле они напивались хаомы.

В сокровищнице хранились не только драгоценности, ритуальные предметы, мебель и одежда, но и то, что было доставлено из завоеванных стран. На одном сосуде из гранита сохранилось имя Ашшурбанапала, на алебастровой вазе — картуш фараона Нехо, на другой — фараона Амасиса. «Досталась» археологам и греческая статуя сидящей женщины. А вот статую Гармония и Аристокитона — национальную реликвию Афин, которую вывез Ксеркс, Александр отыскал в сокровищнице Ахеменидов и отослал обратно в Афины. Правда, и там она долго не задержалась и перекочевала в Неаполь.

Но основным шедевром Персеполя являются рельефы, которыми покрыты буквально все стены города. Многие из них пострадали от рук мусульман, которые никак не хотели понимать, что есть! и другие боги, кроме Аллаха. (Справедливости ради надо заметить, что и христиане обошлись с античностью не лучше.) Но те рельефы, что к приходу арабов оказались уже в земле, сохранились очень хорошо. На многих из них даже сохранились следы краски, так как все рельефы были раскрашены. Наиболее впечатляющи фигуры стражников, персов и мидийцев, и двадцать три группы данников. По их костюмам и подношениям можно узнать, кто в то время признал власть Ахеменидов: мидийцы, эламитяне, армяне, арреи, лидийцы, арахосийцы, согдийцы, каппадокийцы, египтяне, сакитиграхайда, греки-ионийцы, парфяне, гандхарцы, бактрийцы, сагартийцы, хорезмийцы, индийцы, фракийцы, арабы, дрангианцы, ливийцы] и эфиопы. Вероятно, данники эти прибывали Персеполь раз в году и все вместе.

Рельефы, как и сами здания, исполнены не только персами, но и пленными мастерами со всего света: египтянами, вавилонянами, лидийцами, ионийцами, каппадокийцами — теми, кто уже имел достаточный опыт и прославился монументальными сооружениями. Персеполь — своего рода Вавилонская башня наоборот: если при ее постройке люди рассеялись по всему свету, то в Персеполе они встретились, чтобы показать друг Другу, чему научились. Люди, создававшие это незаслуженно упущенное чудо света (греки о нем просто не подозревали), большей частью отбывали на-царя годовую повинность. Были среди них рабы-военнопленные и даже вольнонаемные. Последние появились потому, что администрация Персеполя не делила «трудящихся» на категории, именуя всех работников словом курташ. Им выдавалось

из царского хозяйства зерно, пиво, сезамное масло и мясо (мужчинам). При Ксерксе, наряду с провиантом, даже стали выдавать зарплату: от 1 до 8 сиклей серебра в месяц, в зависимости от квалификации. Эта сумма в 3–4 раза превышала аналогичную в Вавилоне того же времени. Собственно, курташ и составлял основной контингент жителей Персеполя. Некоторые из них через год-другой уходили, другие обзаводились семьями и оставались навсегда (кстати, те несчастные, которые вышли встречать Александра Македонского, также отказались возвращаться на родину). Другую часть населения Персеполя составляли солдаты гарнизона, священнослужители и аппарат чиновников с собственными слугами.

Материалы, которые применялись при постройке дворцов, тоже «интернациональны», что зафиксировал сам персидский царь в надписи:

"Кедр доставлен с горы Ливан. Тиковый лес доставлен из Гандхары и Кармании. Золото, которое здесь использовано, привезено из Лидии и Бактрии. Самоцветы, лазурит и сердолик доставлены из Согдианы, бирюза — из Хорезма, серебро и эбеновое дерево — из Египта, украшения для стен — из Ионии. Слоновая кость доставлена из Эфиопии, Индии и Арахозии. Каменные колонны, которые здесь возведены, доставлены из селения Абирадуш в Эламе".

В ансамбль города входило и поселение, расположенное под террасой на равнине, где жили управляющие и их подчиненные. Здесь тоже сохранились порталы из камня и колонны. В 1952 году был раскопан дворец, на колоннах которого имелась надпись "дворец царя Ксеркса" и двойная китель от них с двуглавым орлом. Рядом (судя по руинам), закрытый песками, ждет своей очереди другой дворец.

Наконец, стоит упомянуть о некрополе Накш-и Рустам, расположенном в 10 километрах от Персеполя. Здесь в скале высечены гробницы всех семи царей из династии Ахеменидов. Гробницы Дария I, Ксеркса, Артаксеркса и Дария II расположены «компактно», остальные на большом друг от друга расстоянии. Все они разграблены в древности, и до нашего времени сохранились только сами гробницы и украшающие их барельефы с остатками надписей.

До сих пор Персеполь является одним из самых загадочных городов древности. Ученые сломали немало копий, споря о его назначении. Дело в том, что до нас дошли только памятники ахеменидского искусства и духовной культуры. Правда, в сокровищнице оказался царский архив, насчитывающий 8 тысяч клинописных табличек, но эти тексты лишь фиксируют выдачу рационов для работников, выплату жалованья и служебную переписку, то есть для понимания жизни обычного горожанина, да и самого факта появления города их недостаточно.

Известно, что административной столицей Ахеменидов были Сузы. Вместе с Экбатанами и Вавилоном они являлись царской резиденцией, куда время от времени наезжал царский двор: в Сузы — весной, в Экбатаны — летом, в Вавилон — зимой. Какова же тогда роль Персеполя?

Некоторые ученые полагают, что Персеполь был ритуальной столицей царей, и двор встречал здесь первый день Нового года, который приходился на день весеннего равноденствия — 22 марта. На этот праздник приезжали и представители всех подвластных народов и складывали перед царем, восседающим на троне, дары своей земли. Нашлись, как обычно, и "больные звездами": они утверждали, что Персеполь — оригинальная астрономическая обсерватория, что расположение его зданий позволяло

наблюдать за небесными светилами. Но этим даже Дени-кен не поверил.

Л. Трюмпельман считает, что Персеполь был обычной резиденцией, где цари проводили осень. Об этом же пишет и древнегреческий автор Афиней в "Пире мудрецов", он же свидетельствует, что стоимость царского обеда (пира) доходила до 400 талантов серебра. И это как будто подтверждают хозяйственные отчеты Персеполя, в которых не редко зафиксированы выдачи более 100 тысяч литров зерна и сотни голов скота. Но и это могло быть связано, скажем, с каким-то праздником и раздачей продовольствия народу.

Сейчас большинство ученых склонно принять вывод А. Олмстеда, что после Дария, Ксеркса и Артаксеркса персидские цари редко навещали Персеполь, но именно туда их привозили хоронить и именно поэтому не построены для них такие же дворцы, как для Дария и Ксеркса. Д. Уилбер добавляет к этому, что в Персеполе происходила и коронация, но прямых доказательств этому нет. Согласно же Плутарху, персидские цари короновались в Пасаргадах.

Но и это не столь важно. Русские императоры тоже короновались в Москве, а хоронили их в Санкт-Петербурге. Так может быть, Персеполь играл ту же роль, что и Александровская слобода при Иване Грозном? В конце концов, и мы, и персы — арии, и психология на генном уровне у нас одинаковая.

Есть и еще одно предположение, опять-таки религиозного толка. В годы правления Дария в Персию стал проникать зороастризм. Имя Зороастр означает "Тот, кто ведет верблюдов". Верблюды — это мы с вами. Зороастр советовал держаться добрых мыслей, хороших слов и благих поступков. Ахурамазда избрал его проповедовать дуализм добра и зла. Возможно ли, что персидские цари и их советники (маги), не решаясь одним махом менять государственную религию, сделали Персеполь испытательным полигоном? Многие в надписях Дария, где восхваляется правда и порицается ложь, словно копирует учение Зороастра. Есть и другие аргументы, но все они косвенные и умозрительные. Более того, никто не может доказать, что Персеполь был центром зороастризма хотя бы один день.

О Персеполе — довольно.

Мираж сирийской пустыни

Сказочный восточный город, находящийся в 240 километрах от Дамаска, люди покинули и забыли на тысячу лет. Чем так провинился Пальмоград, называемый еще и "царственной Пальмирой" (в отличие от Санкт-Петербурга — "северной Пальмиры")? За что столица обширной восточной державы в древней Сирии в 272 году была разрушена римлянами, и город был засыпан песками пустыни, подступавшей с юга? Почему про него забыли? Только устоявшие под ветром «рощи» колонн да выступавшие стены напоминали о былом величии и великолепии Пальмиры.

Честь ее «открытия» в XVII веке принадлежит итальянцу Пьетро делла Балле. За ним последовали другие любопытные. Но им не поверили. Только через сто лет английский художник Вуд привез зарисовки Пальмиры. Он сумел сделать так, что они стали модными гравюрами, а вместе с ними стала модной и тема Пальмиры. Последовали хищнические и профессиональные раскопки, в которых активное участие приняли русские. Один из них — С. Амалебек-Лаза-Рев — сделал самую интересную с исторической точки зрения находку — пятиметровую стелу с Пальмирским пошлинным декретом 137 года. Она стояла на агоре (площадь) напротив храма бога Рабасирэ, владыки подземного царства, а теперь стоит в Эрмитаже.

Увидев впервые Пальмиру, С. Амабелек-Лазарев воскликнул:

"О, не сон ли это? Вдруг дорога круто повернула вправо, и невольно останавливаешь свою лошадь — впечатление поразительное. Вы стоите на склоне горы между высокими погребальными башнями. Ветер в них неистово ревет. Перед вами обширное поле, на нем несколько сот колонн, то тянущихся аллеями в версту длинной, то составляющих рощи; между ними здания, триумфальные арки, портики, стены посреди картины, за городом — развалины храма Солнца — колоссальное квадратное здание. Стены его до сих пор целы и поражают вас своими размерами издалика. Направо от храма Солнца — паль-мирский оазис; взор очарован яркой зеленью посевов с лежащими на них темными пятнами пальм и серебристыми грядами маслин. За городом простирается безбрежная пустыня, за оазисом — солончаки. Освещение волшебное, сочетание тонов не поддается описанию. Нежные розовые и золотистые тона развалин лежали на фиолетовом фоне гор и на синеве пустыни".

И в самом деле, красота Пальмиры — это красота города, естественно вписавшегося в окружающую природу.

Абсолютно точно известно, что уже в III тысячелетии до н. э. Пальмиру населяли семитские племена. Первый раз она упоминается в каппадокийс-ких табличках II тысячелетия до н. э. под именем Тадмор (на арамейском языке это слово означает «чудесный», "прекрасный"). В следующий раз город упоминается в надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I в списке покоренных городов: "Тадмор, который лежит в стране Амурру". Предположительно на город напал царь Вавилона Навуходоносор II в VI веке до н. э..[\[33\]](#)

Затем о Тадморе не было упоминаний вплоть до римского времени. У Аппиана в "Гражданских войнах" рассказывается о том, как римский полководец Марк Антоний в 42–41 годы дон. э. безуспешно пытался ограбить город. Не удалась ему эта операция только потому, что жители, прихватив все самое

ценное, ушли к берегам Евфрата.

Вероятно, они почувствовали, что победа в гражданской войне останется не за Антонием с Клеопатрой, а за Октавианом Августом, и не ошиблись. Ведь еще в III веке до н.э. Тадмор стал «союзником» Рима и служил буфером в борьбе Рима с парфянами. Формально он оставался самостоятельным и даже не был включен в римскую провинцию Сирия. Только при Тиберии, преемнике Августа, город начал платить налоги и получил название Пальмира — город пальм.

В 105 году до н.э. император Траян захватил соседний город Петру и уничтожил самостоятельность Южной Сирии, игравшей основную роль в транзитной торговле Восток — Запад. Вот тут и пришло время Пальмиры, избавившейся от главного конкурента. Особенно после 200 года, когда на римский трон воссели выходцы из Сирии — Северы.

Ведь Тадмор-Пальмира был прежде всего купеческим, караванным городом. Он и возник в оазисе на краю пустыни и гор, где бил подземный источник Эфка с тепловатой сернистой водой. Каждую секунду из подземной пещеры длиной 100 метров выбрасывалось 150 литров воды (там и сейчас бани). Странствующие купцы устраивались здесь на ночлег, а то и на многодневный отдых. Постепенно источник стал местом встреч и рынком перепродаж для тех, кто не желал двигаться дальше, предпочитая пожертвовать часть перекупщику, нежели потерять все в случае нападения разбойничьих бедуинских племен.

Эфка находилась на расстоянии пяти дней пути от Евфрата и вблизи того места, где из оазиса возникла Пальмира. Исключительная важность этого перекрестка состояла в том, что он объединял Рим с Южной Аравией, Ираном и Индией. В Пальмире кончались западные колесные дороги, здесь любой товар приходилось перегружать на верблюдов, и наоборот. Пальмирские купцы организовывали, снаряжали и вели караваны через пустыню к Евфрату. Дополнительную прибыль они получали в том случае, если им удавалось избежать нападений на караван вездесущих кочевников. Из-за всего этого Пальмира быстро стала городом таможен, постоянных дворов и харчевен. Здесь поселились коновалы, носильщики, воины, менялы, проститутки, жрецы даже самых мелких божков, переводчики, лекари, ветеринары, беглые рабы, зодчие, мастера любых ремесел, шпионы, люди других профессий — собственно, здесь не было только римских прокуратора и императора.

Огромные доходы юрод имел от взимания пошлин. Самый крупный памятник пальмирского законодательства, о котором уже упоминалось, как раз посвящен пошлинам и высечен на двух языках, греческом и арамейском.

"При Боннее, сыне Боннея, сыне Хайрана, и грамматевсе Александре, сыне Филопатора, в архонство Малика, сына Солата, сына Мокиму, и Зобейды, сына Несы, когда был собран Совет в соответствии с законом, он постановил то, что записано ниже.

Так как в прежние времена в законе о пошлинах многие предметы, подлежащие пошлине, не были перечислены и взимались согласно обычаю, потому что было записано в договоре, чтобы сборщик пошлины взимал согласно закону и обычаю, и поэтому часто по этим делам происходили тяжбы между купцами и сборщиками, решено Советом, чтобы архонты эти и декапроты рассмотрели то, что не

перечислено в законе, и пусть будет записано в новом договоре для каждого предмета пошлина его".

Далее следовал внушительный список облагаемого товара: рабы — 12 денариев каждый, верблюжий груз — 3 денария, ослиный — 2, пурпурная шерсть — 28 денариев за руно, благовонное миро — 25 за алебастровый сосуд, елей в козьих мехах — 7, масло — 4, рыба соленая — 10 et cetera.

Но это была пошлина, которую брал город. Во второй части декрета выясняется, что еще одну пошлину брал префект Гай Лициний Муциан, причем брал не сам, а отдал на откуп некоему Алкиму с компаньоном. Эти тянули деньги за все: за прогон скота, за торговлю в городе, за груз орехов, скрупулезно отмечая каждую мелочь (даже проституток они поделили на два разряда: на тех, кто берет за соитие денарий, и на тех, кто больше, и соответственно обложили налогом).

Ознакомившись детально с этой "поэмой справедливого вымогательства", венчающей общественно-социальную жизнь города, понимаешь, как далеки были интересы этой «вице-империи» Рима на Востоке от имперских проблем «метрополии» и в то же время как заинтересованы были пальмирцы в спокойствии. Известно ведь, воевать будут римляне, а платить за войну — купцы. И не случайно в конце II века римляне создали в Пальмире специальный полицейский магистрат — для наблюдения за настроениями горожан и проезжавших купцов. Мера вполне понятная: можно сколько угодно уповать на лояльность пальмирцев, но если чаша весов склонится к врагам, "друзья римского народа" вряд ли пожертвуют ему последнюю рубаху, да и не последнюю тоже.

По всему образу жизни пальмирцы были типичные космополиты-коммерсанты. Многие из чисто меркантильных интересов даже брали себе вторые, римские, имена, хотя все они были симбиозом арамейев, семитов и арабов. При этом, оберегая свои богатства от черни, пальмирцы использовали именно римский опыт, постоянными подачками сдерживая возмущение нищих масс и недовольных. В Пальмире не было голодных. Для этого раздавались тессеры — своеобразные жетоны в виде монет, дававшие право владельцам участвовать в раздачах продовольствия, погребальных тризнах и свадебных пиршествах, посещать театр и пользоваться прочими УДОВОЛЬСТВИЯМИ. С помощью тессера можно было отправиться в путешествие и, предъявив его в чужом городе человеку, который считался здесь "другом и гостем" Пальмиры, получить бесплатно еду и ночлег. В ряде случаев тессеры играли роль талисманов под покровительством того или иного божества, поэтому имена владельцев у них не римские, а местные. Из них же можно узнать наименования родов и наследственную профессию.

Многобожие пальмирцев объяснялось многонациональным населением и присутствием разноплеменных купцов. С последними боги прибывали из всех уголков Востока. Тут мирно «уживались» Атар-гатис, Иштар, Анахита, Таммуз, Аллат, Арду, Таратэ, Ману, Нэбо и сотни других. Но больше всего храмов было выстроено в честь бога Солнца (Бол, — Бел — Баал). Он имел десятки ипостасей, например, Малак-Бол — Солнце Ночи, или Махак-Бед — Посланец, или Баал-Шамен — Гром и Молния, он же Великий и Милосердный. Разобраться в пальмирском многобожии человеку не посвященному с ходу невозможно. Вполне вероятно, что и сами пальмирцы, как египтяне, не знали всех своих богов. Да у них не хватило бы ни времени, ни средств, ни физических сил почитать всех. Поэтому остановимся на главном. Это солнечная триада Бел-Бол, Иарих-Бол и Али-Бол, во многом сходная с аналогичной египетской триадой Ра-Гор-Ахт. Главный из них Бел-Бол, и ему за чертой города поставлен самый знаменитый храм Пальмиры — храм Солнца, ставший прообразом для храма в Баальбе-ке (Баальбек — букв. "Долина Солнца"). Одновременно

это и самый большой храм Пальмиры, постт Рвоенный во II веке.

Храм стоит на наращенном фундаменте посреди огромного двора, окруженного колоннами. Длина его 60 метров, а ширина — 31. К храму ведут три входа, украшенные порталами, которые в свою очередь украшены барельефами. На одном из них изображена жертвенная процессия: женщины, закрытые покрывалами, шествуют за верблюдами. Этот барельеф — немое доказательство того, что чадру на Востоке ввели вовсе не исламисты.

Описать весь грандиозный комплекс храма практически невозможно, это надо видеть. Скажем лишь, что по своей грандиозности его смело можно поставить в один ряд с Колизеем и что элементы греко-римского архитектурного стиля в нем мирно уживаются с восточными традициями. Например, балки перекрытий венчали острые треугольные зубцы, как в Вавилоне, а капители были сделаны из бронзы, которые сняли и переплавили мародореры-легионеры Аврелиана. Сам Аврелиан пытался воздвигнуть аналогичный храм Солнца в Риме и даже затратил на него 3 000 фунтов золота, 1800 фунтов серебра и все драгоценности пальмирской царицы.

Позднее арабы использовали руины храма в качестве опорной крепости в борьбе против крестоносцев, здание сильно пострадало, но по сравнению с другими памятниками все-таки сохранилось до наших дней в удовлетворительном состоянии.

Впрочем, и храм Солнца не самая главная достопримечательность Пальмиры: всемирную славу ей создала главная улица, начинавшаяся от Триумфальной арки, построенной около 200 года, и проходившая через весь город с юго-востока на северо-запад. Двойная Триумфальная арка стоит не поперек улицы а углом — чтобы спрямить изгиб в этом месте. Парадоксально, но тот же архитектурный прием был повторен в Северной Пальмире — Санкт-Петербурге: это арка Главного штаба.

Протяженность главной улицы 1100 метров. Она состояла из проезжей части шириной 11 метров, обрамленной во всю длину колоннами,^[34] и двух крытых тротуаров шириной 6 метров. По обеим сторонам тротуара располагались мастерские ремесленников, которые одновременно были и лавками. Коринфские колонны (общее число их насчитывалось в древности не менее 1124) достигали 10 метров высотой. На-особых выступах колонн — консолях, иногда выше, иногда ниже, выставлялись скульптурные бюсты купцов, начальников караванов и лиц, оказавших городу услуги. Отличительной чертой пальмирцев можно считать то, что бюсты они ставили друг другу, а не сами себе. Колонны центральной квадратной площади — агоры — несли около 200 скульптурных изображений. Причем существовало «местничество»: на севере колонны украшались бюстами чиновников, на юге — водителями караванов «синодиархами», на западе — военачальников, на востоке — архонтов и сенаторов. Вся знать олигархической республики, где правили "Совет и народ" под неусыпным оком Рима, была представлена весьма наглядно. Позднее на памятных колоннах появились бюсты членов монархически правящей династии Оденатов. Они носили пышные римские титулы: "Глава Пальмиры" ("Рас Тадмор"), консуляр Рима, вице-император Рима на Востоке, вождь Римлян на Востоке. Сами бюсты до нас дошли в единичных экземплярах,^[35] но сохранились надписи, говорящие о многом:

"Статуя эта Септимия Хапрана, сына Одвната, сиятельного сенатора и главы Пальмиры, которую воздвиг ему Аврелий Филин, сын Мария Филина, (который) сын Расайя, воин легиона, что стоит в Бое-ре, в его несть, в месяц Тишри, год 563".^[36]

"Статуя Септимия Одената, сиятельнейшего консуляра, господина нашего, которую воздвигло ему сообщество кузнецов, работающих по золоту и серебру, в его честь, в месяц Нисан 569".

В период своего расцвета Пальмира была застроена роскошными общественными зданиями, портиками, храмами, частными дворцами и термами. Был в городе и театр, окруженный полукольцом (опять-таки) колонн, правда, не такой большой, как в других эллинистических городах, но зато построенный в самом центре.

С первого взгляда казалось, что город, и в первую очередь «леса» колонн, — сплошь из мрамора. Мрамор и на самом деле был, привозной — из Египта. До сих пор неизвестен путь, каким он (и гранит) доставлялся в Пальмиру (возможно, везли либо полуфабрикат, либо готовое изделие). Но самым популярным строительным материалом в городе был местный известняк-ракушечник — камень мягкий и удачно имитирующий мрамор. Каменоломни его находились в двенадцати километрах от города. Способ добычи тоже был египетский: в естественную трещину или пробуравленную дыру вгоняли деревянный кол, который обильно поливали водой. Кол разбухал и отрывал глыбу от скалы. Затем глыбу распиливали и отвозили в город. Известняк этот был золотистого цвета и белого с розовыми прожилками. Он-то и создал не потускневшую в веках красоту Пальмиры.

Справедливости ради надо отметить, что и сами пальмирцы не жалели средств на украшение родного города. Три входа в храм Солнца они украсили золотыми панелями, о расходах серебра, меди и бронзы — говорить не приходится. Теперь остается только представить, какая вонища стояла от бесконечно прибывающих со всего света караванов и стад в одном из самых красивых городов древности! Как загажены были бездомными собаками базы самого красивого в мире собрания колонн! Надо думать, и эпидемии здесь были частыми и повальными.

Но кроме этой, живой Пальмиры существовала еще одна — Долина Гробниц. Ее уникальность пугала уже в средневековье и породила самые фантастические истории и легенды. Гробницы здесь строили из известняка. Они представляют собой комнату, квадратную или прямоугольную (4–5 x 5–9 метров), украшенную пилястрами и выгнутым потолком. Родовые гробницы нередко напоминали небольшие квартиры. Внутри стояли 2–3 саркофага, барельефы которых несли информацию о жизни владельца. Но самого владельца внутри не было, он был зарыт в подземелье. Бальзамированных трупов здесь не встретишь. Недавно при строительстве нефтепровода натолкнулись на гробницу, находившуюся под полом не сохранившегося наземного сооружения. Внизу находился склеп с тремя Т-образными проходами. В стенах располагалось шесть рядов могильных горизонтальных ниш. Каждая была закрыта плитой с рельефным бюстом умершего. Всего в этой гробнице насчитали триста девяносто захоронений. Большой род? — оказалось, нет. Предприимчивые пальмирцы рассчитали, что строить собственную гробницу — дело дорогостоящее, поэтому они продавали «места» другим семьям.

Однако среди пальмирцев существовали и такие, которые не желали "лезть под землю". Они строили себе и своим семьям высокие каменные башни в 3–4 этажа (одна даже в пять этажей) с балконами. Гробницы уцелели на высоте 18–20 метров и во множестве спускаются в долину по скатам гор. Ветер в них завывает круглые сутки, наводя страх даже на самых бесшабашных. Здесь когда-то покоились забальзамированные трупы, и здесь не встретишь греческих или римских надписей, все — на арамейском.

Они расположены над входной дверью:

"Гробницу построил на свой счет Септимий Оденат, сиятельнейший сенатор, сын Хайрана, сын Вахабаллата, сын Нацора, для себя и сыновей своих и внуков навсегда, ради вечной славы",

Но обычно на фронтонах гробниц не упоминаются римские имена покойных.

"Увы! Это образ Забды, сына Мокимо, его жены Балтихан, дочери Атафни".

Образы покойных — погребальные скульптуры — ваялись в полном правдоподобию и с максимальной выразительностью. Высечены были даже серьги в ушах. Встречались и картины, выполненные в стиле фаюмской портретной живописи.

Балкон строился на середине высоты башни — с пилястрами, колоннами и крышей. На нем стояло ложе, а на ложе лежала статуя покойного.

Одной из замечательнейших в архитектурном плане гробниц считается башня Ямлика: в ней потолок голубой, как небо.

Башни — самые древние здания Пальмиры, к тому же они пережили город. Их не коснулась роковая судьба государства, существовавшего на протяжении, по меньшей мере, двух тысячелетий, под конец пережившего время громкой славы, рухнувшего от переоценки своих возможностей и оставившего на память о себе пленительной образ не менее властной царицы, нежели Клеопатра. Вот как это произошло.

Римляне в III веке до н. э. застали в Пальмире олигархическую республику. Они не стали ничего менять, то ли не имея сил, то ли такое положение их устраивало. Однако ближе ко II веку н. э. в государстве возобладали монархические тенденции: выдвинулся род Оденатов.

Первый из Оденатов получил римское гражданство в правление Септимия Севера (193–211 годы).^[37] Естественно, он стал называться Септимий Оденат. Следующий Оденат уже римский консул. Его сын Септимий Хайран получил (или присвоил) титул "главы Пальмиры" ("Рас Тадмор"). Сын Хайрана, муж царицы Зенобии, известный как просто Оде-нат, вынужден был стать политическим деятелем и военачальником, практически независимым от Рима, в чем виноваты, прежде всего, сами римляне. Их политика на Востоке была просто безалаберной. Воспользовавшись этим, персидский шах из династии Сасанидов Шапур I занял Армению, Северную Месопотамию, Сирию и часть Малой Азии. Против него выступил император Валериан, но в битве при Эдесе римляне потерпели сокрушительное поражение, и 70-тысячное войско попало в плен. С ними вместе попал в плен и Валериан, где и умер некоторое время спустя: спасать или выкупать его было некому, солдаты уже выбрали себе другого императора.

Главе Пальмиры Оденату удалось не допустить персов на свою территорию, он даже разбил несколько передовых отрядов Шапура. Но ввязываться в серьезную борьбу Оденат совсем не собирался: плоть от плоти торгового народа, он больше всего хотел мира, чтобы спокойно торговать и с римлянами, и с персами. Шапур же как будто и вовсе его не замечал: он медленно отходил к Евфрату с богатой добычей.

Оденат отправил Шапуру письмо с изъявлениями покорности. Тот этого не понял:

— Кто этот Оденат, который осмелился писать своему владыке? Если он осмелился смягчить ожидающее его наказание, то пусть падет ниц передо мной с руками, связанными за спиной. Если он этого не сделает, пусть знает, что я погублю и его, и семейство его, и государство его!

Подарки Одената Шапур бросил в Евфрат.

Что оставалось делать Оденату! После гибели других сирийских царей он оказался единственным фактическим повелителем римского Востока и остатков римских легионов. Мечами этих войск он очистил от персов провинции Азии и Сирии, а также, перейдя Евфрат, захватил месопотамские города Нисибис и Карры. Дважды он подходил к персидской столице. Римский император Галлиен благодарил Одената и праздновал за него победные триумфы.

В 267 году Оденат пал от руки родного племянника. Вместе с ним погиб и его старший сын Герод от первого брака. Многие почувствовали, что руку племянника направляла вторая жена Одената — Зенобия. Позднее эта версия косвенно подтвердилась, так как путем династических манипуляций титул вице-императора и "вождя римлян на Востоке" получил малолетний сын Одената и Зенобии — Ваха-баллат. Зенобия добилась права регентства, и у Пальмиры, владевшей Сирией, частью Малой Азии, Северной Месопотамией и Северной Аравией, появилась царица.

Арабское имя Зубайдат (буквально "женщина с прекрасными, густыми и длинными волосами") переделали в греческое Зенобия, что означает "вторая гостья" и вполне соответствовало статусу второй жены. К тому же Зенобия не была уроженкой Пальмиры. Она появилась на свет в бедной бедуйнской семье, которая кочевала вблизи города. Говорят, в момент рождения Зенобии все планеты находились в созвездии Рака, а в небе ярко светил Сатурн. Что это означает? — лучше справиться у астрологов. Ее также называли прекрасной финикийкой, цыганкой, еврейкой. Сама Зенобия, не сильно смущаясь, вела свой РОД от цариц Дидоны, Клеопатры и Семирамиды. Остается тайной, как Зенобия попала в круг власть имущих. Почему ее заметили правители Пальмиры?

Современники единодушно свидетельствуют, что она обладала незаурядной силой психического воздействия, проще говоря, была ведьмой. Или экстрасенсом, что одно и то же.

Сохранилось много описаний Зенобии и ее изображений, в том числе на бронзовых монетах, чеканившихся в Александрии, которая тоже подчинилась пальмирской царице. Эти монеты до сих пор находят на обочинах сирийских дорог. Римский историк Требеллий Поллион описал ее так:

"Она имела все качества, необходимые для великого полководца; осторожно, но с удивительной настойчивостью приводила в исполнение свои планы; строгая к солдатам, она не щадила себя в опасностях и лишениях войны. Часто во главе своего войска шла она пешком 3–4 мили. Никогда ее не видели в носилках, редко — в колеснице и почти всегда верхом. В ней в разной степени соединялись таланты военные и политические. Она умела приноравливаться к обстоятельствам: строгость тирана, великодушие и щедрость лучших царей. Расчетливая в походах, она окружала себя персидской роскошью. Выходила в

народное собрание в пурпурной одежде, осыпанная драгоценными камнями, со шлемом на голове".

Стройная, небольшого роста, с необыкновенно блестящими глазами и ослепительными зубами, смуглая лицом и телом, Зенобия всех покоряла своей красотой, будь то на пальмирском троне, в военном походе или на неумеренных возлияниях со своими солдатами. Она была не только воином, но и философом. Знала греческий и коптский языки, составила сокращенный труд по истории Востока, создала в Пальмире философскую школу неоплатоников во главе с греческим философом Лонгином. Построив себе летнюю резиденцию в Ябруде, она прятала там в пещерах первых христиан. Там же летом кочевали ее родственники бедуины, и там же она повстречала гадалку, предсказавшую ей грядущие успехи, предательство ею старого друга и конец жизни — в золоте, но в нищете и позоре.

Религиозно-философские увлечения Зенобии дали ей повод поссориться с Шапуром I, находившимся под влиянием Картира, главы персидских магов. Зенобия собрала огромную армию и стала с переменным успехом воевать против персов.

Рим больше не мог терпеть усиления Пальмиры на Востоке. Зенобия утратила чувство всякой меры. Она официально провозгласила независимость от Рима, наделила себя титулом «Августы», а сына нарекла Августом. — именем императора. В конце 270 года наследник Галлиена — император Аврелиан — прекратил переговоры с посланниками Пальмиры и вернул Египет, которым Пальмира владела «незаконно». Зенобия тут же помирилась с Шапуром, но изменить что-либо уже было поздно. В 271 году огромная римская армия двинулась на Восток — через Малую Азию, горы Тавра и Киликийские ворота. На берегах Оронта пальмирцы были разбиты и отступили к Антиохии. Пальмирский полководец Заб-да распустил в городе слух, что римская армия разгромлена. Нашли человека, похожего на Аврелиана, и провели по улицам на потеху черни. Выиграв таким образом время, пальмирцы беспрепятственно прошли через Антиохию. Аврелиан шел за ними и скоро подступил к стенам Пальмиры. Началась осада Укрепленного города с большими запасами продовольствия и оружия. Аврелиан сообщал в Рим: "Я не могу описать вам, отцы-сенаторы, как много у них метательных машин, стрел и камней. Нет ни одной части стены, которая не была бы укреплена двумя-тремя баллистами".

Далее война Рима с Пальмирой предстает в переписке.

"Аврелиан — Зенобии. Твоя жизнь будет сохранена. Ты сможешь провести ее в каком-нибудь месте, куда я помещу тебя. Твои драгоценности, серебро, золото, шелк, лошадей, верблюдов я отошлю в римскую сокровищницу. Законы и постановления пальмирцев будут соблюдены".

"Зенобия — Аврелиану. Никто еще, кроме тебя, не отважился просить того, что ты требуешь. То, что может быть добыто войной, должно быть приобретено доблестью. Ты просишь меня сдаться, как будто ты совершенно не осведомлен, что царица Клеопатра предпочла умереть, чем пережить свое величие. Персидские союзники, которых ожидаем, недалеко. Сарацины (арабы) на нашей стороне, так же, как и армяне. Сирийские разбойники, о Аврелиан, побеждали твою армию. Что, если эти отряды, которых мы ожидаем со всех сторон; придут? Так что ставь свое высокомерие, с которым ты сейчас требуешь моей сдачи, как если бы ты был победителем повсюду".

Но союзники не торопились. На долгую осаду у Пальмиры не хватило бы сил. В городе замаячил

призрак голода, начались болезни. Темной ночью Зенобия, взяв с собой сына Вахаоаллата и несколько приближенных, тайно бежала из города, обманув римские сторожевые посты. На верблюдах они добрались

до персидской границы и уже садились в лодку, чтобы переплыть Евфрат, как погоня настигла их. Зенобия была схвачена.

Узнав об этом, пальмирцы принесли Аврелиану ключи от города. Император милостиво обошелся с Зенобией и Вахабаллатом. Город и горожане тоже не пострадали. Над приближенными Зенобии и ее военачальниками был назначен суд. Многих казнили, в том числе и философа Лонгина. Его предала сама Зенобия: она отказалась от авторства оскорбительного письма Аврелиану, заявив, что его писал философ. Так оправдалось первое предсказание гадалки.

Аврелиан рвался в Рим, ему не терпелось отпраздновать триумф. Но через несколько месяцев после того, как Аврелиан с пленницей ушел из Азии, пальмирцы восстали и перебили римский гарнизон. На этот раз Аврелиан, вернувшись с армией, отдал приказ разрушить город. Это произошло в 272 году. Аврелиан уничтожил общинное устройство Пальмиры, дочиста ограбил храм Солнца, передав все ценные украшения в новый храм Солнца, который он строил в Риме.

Зенобия, потеряв царство, пережив его разорение и гибель, не покончила с собой, подобно своей «родственнице» Клеопатре, хотя и грозила в письме. Но ведь письмо писал Лонгин, а он давно в аиде.

Еще раз ее красота ярко блеснула во время триумфального шествия, когда она пленницей, опутанная золотыми цепями, впереди вереницы повозок с собственными сокровищами шла босая, с распущенными волосами и бросала в толпу такие взгляды, что многие не могли их вынести и отворачивались. Остаток жизни она провела в Риме, на вилле своего нового мужа — римского сенатора.

Уничтоженная Пальмира больше не воскресла. Торговцы направили свои караваны по иным дорогам. Прошли века. Пески пустыни засыпали цветущий оазис: никто не боролся с ними. Последние жители Пальмиры — арабы — сгрудились в глинобитных хижинах на дворе храма Солнца. Но и эти дома в конце концов опустели. Мгновенно и словно ниоткуда появившаяся под сирийским небом держава так же внезапно рассыпалась. "Не сон ли это"?..

Фивы в лицах и поступках

...Фивы египтян,

*Град, где богатства без сметы в обителях граждан
хранятся,*

*Град, в котором сто врат, а из оных из каждых, по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают.*

"Илиада"

В год рождения Пушкина наполеоновский генерал Дессекс и его дивизия волею судьбы оказались в среднем течении Нила. Совсем немного оставалось до древней Нубии, страны чернокожих золотодобытчиков, одной из основ процветания знаменитой XVII] династии египетских фараонов. Впрочем, ни генерал, ни молодой корсиканец Бонапарт еще не знали истории Нового царства, распадов и возрождений столиц и государств древнеегипетских царей. И- если Наполеон, вторгаясь в Африку, догадывался о колоссальном значении Египта для мировой истории и предписал своим ученым все находки древности отправлять в Париж, то для офицеров и солдат не существовало тамошних святынь.

Тем более вызывает восхищение реакция войска Дессекса, когда вдруг открылась величественная колоннада храма Амона: солдаты салютовали древним руинам! Это был так называемый Южный Дом Амона, который впечатляет и по сей день в Фивах.

Фивы сделались богатым и процветающим городом задолго до того, как стали столицей обоих Египтов — Верхнего и Нижнего:[\[38\]](#) они занимали выгодное географическое положение. Здесь пересекались торговые пути с Нубией, откуда в Египет доставляли золото, слоновую кость и рабов. Через Фивы же шли торговые караваны к Красному морю, откуда египтяне плыли на север, к берегам Синая, где находились медные рудники, и на юг, в загадочную страну Пунт, всегда манившую своими богатствами.

Политическое усиление этого города, ныне покоящегося в "пыли веков", относят к началу XI династии (2134 год до н. э.), а к 2000 году до новой эры он был уже очень богат. Он уже и тогда некоторое время исполнял роль столицы Египта, пока основатель XII династии Аменемхет I не перенес свою резиденцию в район Фаюма, находившегося ближе к центру страны. А во времена владычества гиксосов — кочевых завоевателей из Передней Азии семитского происхождения, покоривших египтян при помощи неизвестной тут доселе лошади, — Фивы сохранили относительную самостоятельность, благодаря которой Египет затем не только восстановил независимость, но и расширил свои владения далеко за пределы долины Нила.

Фараоны XVII династии Секененра и Камее начали освободительную войну. Оба они не дожили до ее конца. Секененра пал в битве, как настоящий герой: его мумию обнаружили в неестественной позе со следами множества ран.

Камее созвал во дворец вельмож и решительно объявил им:

"Я хочу знать, к чему мне служит моя сила. Один князь сидит в Аварисе, другой — в Нубии, а я сижу здесь с азиатом и негром. Каждый владеет куском Египта и делит страну мою вплоть до Мемфиса. Смотри, он уже владеет Шмуном, и никто его не останавливает. Я устремлюсь на него и распорю ему живот. Моё желание — спасти Египет и разбить азиата".

Однако гневная речь Камеса не нашла поддержки у его советников: они были настроены миролюбиво по отношению к завоевателям и советовали придерживаться оборонительной тактики. В ответ фараон крикнул им:

"Ваша мысль неправильна, я всё же буду сражаться с азиатами. Ведь плачет вся страна. В Фивах скажут обо мне: Камее — защитник Египта".

Несмотря на то что Камесу удалось добиться некоторых военных успехов, полное освобождение Нильской долины от гиксосов произошло уже при Яхмосе I, основателе XVIII династии, в 1560 году до н. э. Как выяснилось позже, он стал и «основателем» Нового царства, просуществовавшего 500 лет. Деление истории Египта на царства и периоды несколько условно, здесь историки следуют первому летописцу Манефону, написавшему для греков в IV веке до н. э. по древним хроникам историю Египта и составившего династическую последовательность. По словам Евсевия, "Манефон египтянин облек не только всю египетскую историю в греческую форму, но и всю их систему богословия". Так как в числе первых фараонов числятся боги (Атум, Ра, Осирис, Сет, Гор, Тот и т. д.) и многие имена, не нашедшие подтверждения в исторических памятниках, известных науке, принято весь этот список относить к додинастической эпохе, — а она простирается до VII–VIII тысячелетия до н. э. и глубже. Династии же официально считают с Менеса I, объединившего Верхний и Нижний Египет на рубеже IV и III тысячелетий.

Яхмос I сплотил страну, вторгся в Южную Палестину и вернул Египту потерянную в войнах с гиксосами Северную Нубию. Не менее победоносные войны вели Аменхотеп I, Аменхотеп II, Тутмос I и Тутмос III. Громадная империя прекратила войны только в период царствования Аменхотепа III, отца знаменитого Эхнатона.

Фивам история Египта обязана тем, что некогда малозначительный бог Амон — всего лишь один из многих и многих местных богов — сделался главным богом египтян. Правда, фиванское жречество пошло на ухищрение: зная, что бог Ра — тот бог, которого никак не свергнуть, оно к имени Амона добавило «приставку» Ра. Именно этого главного бога Амона-Ра и сбросил с пьедестала «еретик» и реформатор Эхнатон.

Усиление Амона сопровождалось прежде всего усилением столичной знати, а над нею — мощного жречества Амона. Со всей страны в дар богу Амону-Ра

присылались богатые подарки, отводились плодородные земли, отдавался самый лучший скот. Тучные стада мифического хозяина не могли принадлежать никому: ими владело верховное жречество. Оно настолько выросло в собственных глазах и в глазах народа, что еще за 100 лет до реформы Эхнатона его предшественники, в том числе и прапрадед Тутмос III, и отец Эхнатона Аменхотеп III пытались ограничить власть Амона. Но могущественным владыкам оказалось не под силу то, что с видимой легкостью удалось женственному и апатичному фараону — мужу знаменитой красавицы Нефертити. История противостояния двух городов — Фив и Ахетатона — пленительная загадка не только Нового

царства, а и всей истории Египта.

От строгой геометрии Саккары, Гизы и Абусира Фивы отличаются богатой и разнообразной архитектурой. Здесь собрано столько стилей, сплетено в единый ансамбль столько художественных направлений, что нынешние Луксор и Карнак, остатки богатейшего города, можно назвать жемчужиной Нила и древней истории планеты.

Луксорский храм был заложен, вероятно, еще в XI династии. В центральной части раскопаны остатки строений фараона Сенусерта I. К сожалению, памятники в эпоху фараонов не только достраивались, но часто перестраивались и разрушались последующими властителями. Особенно это относится к «деятельности» в Фивах Тутмоса III, власть при котором узурпировала его тетка царица Хатшепсут: после ее смерти по всей стране и за ее пределами воины завоевателя разыскивали стелы, колонны, храмы, обелиски — для того, чтобы сбить с них само упоминание о царице. А она построила очень много, в том числе тридцатиметровые обелиски в Карнаке, Тутмос распорядился упрятать эти величественные сооружения в стену, но отчего-то не достроил ее, подняв лишь на 20 метров. Зато он построил для храма новый зал, который теперь археологи зовут "ботаническим садом": его стены расписаны художниками, на них изображены все растения и животные Египта и вновь завоеванных земель, так что ботаники и зоологи имеют редкую возможность заглянуть в «энциклопедию» 3400-летней давности.

Строительством в Луксоре занимались и Аменхотеп III, и Аменхотеп IV (Эхнатон), и новые династии, особенно Рамзес II. При Аменхотепе III возник так называемый классический стиль египетского храмового строительства, при Эхнатоне — декадентский (впрочем, больше всего — реалистический). Даже Тутанхамон успел внести свой вклад; перед входом в храм Амона он построил колоннаду. Рамзес II тоже не устоял перед соблазном и пристроил к северной части храма пилон и двор, соединивший молельню, возведенную Тутмосом III, и храм, тем самым завершив единый ансамбль. А вот зал для священной барки, построенный царицей Хатшепсут в Карнаке, перестроил... Александр Македонский. Он не только был восхищен древней архитектурой Фив (фараоны называли этот город Уасетом, или Нэ, а Фивы — имя греческое), но и назвался сыном Амона-Ра! У стен храма древние римляне разбили военный лагерь. Искривленное его название дало городу имя Луксор.

В отличие от Александра Македонского, похитившего у фиванского бога право назваться его сыном, Рамзес II не похитил в Фивах ничего. Наоборот, он много построил и перестроил. И давал чужим постройкам (Аменхотепа III и Те́йе) свое божественное имя. Так поступали до него, поступали и после. Святилище в Карнаке заложено во времена Среднего царства. Две тысячи лет строили здесь фараоны. Комплекс в Карнаке включает в себя храм Амона, храмы Гора и Птаха, прямоугольное озеро, существующее по сей день. Прежде в комплекс входили святилище бога Монту (бог Фив, предшествовавший Амо-ну во времена Древнего царства), святилище богини Мут. Построенное Аменхотепом III, это святилище было украшено сотнями гранитных скульптур богини Сехмет. Рамзес II продолжил также строительство колоннады, начатое Сети I, создав колонный зал, который считается сейчас самым монументальным и величественным в истории архитектуры Египта, и состоит из 134 массивных колонн, расположенных в 16 рядов. Площадь зала равна 5 000 квадратным метрам. По оси зала расположена колонная галерея Аменхотепа III: высота колонн 23 метра. Строительство одного из пилонов, замыкающих колонный зал Рамзеса, закончилось уже при Птолемеях, а время начала строительства неизвестно. В юго-западной части комплекса находится храм бога Хонсу. Его построил Рамзес III.

Храм Амона и храм Мут были соединены с Южным Домом Амона длинной дорогой, уставленной сфинксами. На них высечено имя Аменхотепа III.

Но не одними храмами во славу богов и богинь знамениты Стовратные Фивы. Поминальные храмы когда-то украшали этот город. От них мало что осталось. Например, от заупокойного храма Аменхотепа III сохранились лишь колоссы Мемнона — магические, когда-то поющие колоссы! Это две громадные тронные статуи самого фараона. Одна из них сейчас уж наполовину разрушилась. Когда-то она с первым лучом восходящего солнца издавала протяжный звук напоминающий свист. Чудом света ее не считали, но объяснить такое чудо не могли. Со временем статуя стала разрушаться и ее отреставрировали (еще в древности), после чего свист прекратился. По всей видимости, он происходил от перепада дневной и ночной температур. Холодный воздух, скопившийся в трещинах статуи, вырывался наружу и смешивался с теплым, утренним.

Дворцовый комплекс Рамзеса II сохранился плохо. "Победителя хеттов" при Кадеше (Рамзес откровенно лгал потомкам: хетты заманили его в ловушку, и фараону удалось спастись почти случайно!) каменотесы увековечили в галерее между первым и вторым дворами: стены ее покрыты барельефами с эпизодами из той битвы. Лучше всего сохранился второй двор, уставленный по периметру статуями Осириса. На самом выдающемся барельефе изображен фараон огромного роста, с колесницы поражающий из лука тщедушных и трусливо убегающих хеттов,

Плохо сохранились заупокойные храмы Хатшеп-сут и Ментухотепа I.

Лучше всего сохранился дворцовый комплекс Рамзеса III в Мединет-Абу. Археологи исследовали его наиболее тщательно и обнаружили, что около большого храма находился роскошный дворец фараона, дважды перестраивавшийся во время его царствования. Дворец, тесно примыкавший к храму, образовывал вместе с ним единый архитектурный ансамбль, обнесенный двумя высокими стенами. Все это грандиозное сооружение представляло собой мощную крепость. Очевидно, фараон в эпоху начавшегося упадка Египетского государства чувствовал себя не совсем спокойно даже в своем дворце. Но дело даже не во внешней опасности, а во внутренней, так как первые воров, ограбившие государственный банк, зафиксированы Геродотом именно здесь. И хотя рассказ историка носит налет сказки, но теперь-то доподлинно известно, что Геродот ничего не выдумывал, даже муравьев, добывающих из-под земли золото. В подтверждение былинности его рассказа можно привести и другие доказательства. Во-первых, он прямо называет ограбленного фараона — Рамзес III; во-вторых, и по сей день любой турист может лицезреть его ограбленную сокровищницу — отдельное помещение без окон, примыкающее к задней стенке храма в Мединет-Абу; в-третьих, не прошло и пары-тройки сотен лет, как неуловимые воров «всплыли» в Древней Греции, где один из них стал национальным героем, а другой — полубогом-прорицателем. Египетские хронографы не сохранили имена родоначальников противозаконных дел, а в Греции их звали Агамед и Трофоний. Будем так звать их и мы, дабы не остались первопреступники совсем безымянными.

Вот что случилось на берегах Нила в Стовратных Фивах более трех тысяч лет назад.

Рамзес был сказочно богат, никто из последующих властелинов не мог равняться с ним. Держать

сокровища на виду уже тогда признавалось неразумным, поэтому фараон вызвал главного зодчего и приказал, построить каменное хранилище, которое примыкало бы к внешней стене царского дворца и внутренним покоям фараона. Но строитель со злого ли умысла, или по наитию сложил камни так, что один из них легко можно было вынуть. Когда здание было готово, фараон велел отнести туда свои богатства.

Прошло некоторое время, и зодчий почувствовал, что дни его на земле истекли. На смертном одре он позвал к себе сыновей-близнецов и рассказал о своем поступке, который должен был обеспечить братьев до конца жизни. Он точно указал сыновьям, как вынуть камень и на каком расстоянии в высоту, и от края стены его искать. Если они будут достаточно умны и осторожны, добавил зодчий, то станут царскими "казначейми".

Едва зодчий умер и сыновья сделали из него мумию, они, не тратя время попусту, в первую же безлунную ночь пришли к царскому дворцу, легко отыскали нужный камень и унесли столько золота, сколько смогли.

Так они делали не один раз, ибо к легким деньгам привыкают легко и быстро.

Первое время Рамзес III не замечал недостачу, так как золота и впрямь было не меряно. Но поскольку он периодически докладывал на свой "текущий счет", а в сосудах не прибавлялось, он заподозрил неладное. Обвинить кого-нибудь в краже фараон не мог, ибо вход в хранилище был из его покоев, да и печати, им собственноручно повешенные, равно как и замки, были целы. Дело пахло нечистой силой, но Рамзес не мог в нее поверить, так как с детства ему внушали, что он сын верховного бога Амона-Ра. И Рамзес приказал изготовить хитроумные капканы и расставить их вокруг сосудов с золотом.

Агамед с Трофонием, конечно, этого не знали. В очередную безлунную ночь братья пришли за очередной добычей. Судьбе было угодно распорядиться так, что в хранилище полез Агамед и угодил в капкан. Он понял, что это конец, и, желая спасти хоть брата, кликнул Трофония и приказал отрубить себе голову и унести, чтобы попавшего в капкан не опознали и брат вышел сухим из воды. Трофоний, может быть, и колебался некоторое время, но потом понял, что другого выхода нет и поступил по приказу брата. Затем он вставил камень на место и ушел домой с головой Агамеда.

На следующий день фараон пришел в хранилище и увидел обезглавленный труп в капкане, хотя печати и замки были целы. Продолжая недоумевать, Рамзес не придумал ничего другого, как сделать обычное в таких случаях, а именно: повесить тело вора на столбе возле городской стены. Он рассчитывал, что родственники придут оплакивать вора и попросят тело для захоронения, тут-то он и выяснит, кто это такой. Возле трупа он выставил неподкупную стражу из наемников-чужеземцев

Мать Агамеда, узнав, какому позору подвергнуто тело ее сына, приказала Трофонию любым путем доставить его домой. Трофоний объяснял, что это невыполнимо. Но мать настаивала и даже пригрозила, что пойдет во дворец и скажет, у кого украденные сокровища.

Тогда Трофоний пошел на хитрость. Он навьючил на ослов мехи с вином и погнал животных к городской стене. Поровнявшись со стражниками, он незаметно развязал три завязанных в узел меха. Вино

потекло на землю, а Трофоний стал бегать вокруг, схватившись за голову, словно совершенно растерявшийся человек. Стражники же с кувшинами окружили ослов и попользовались на дармовщину. Трофоний их обругал в притворном гневе. На это стражники стали его утешать. Скоро они уже вместе сидели под столбом и пили из одного кувшина. Рассказав друг другу все известные анекдоты из жизни богов, вор развязал еще один бурдюк. От такой щедрости стражники стали пить за здоровье Трофония, а тот в ответ не пожалел еще одного меха.

Наконец сон сморил стражу, и ночью Трофоний снял тело брата и увез домой. Перед этим он в насмешку отстриг всем стражникам половину бороды.

Когда Рамзесу сообщили об исчезновении тела, он решил любыми средствами обнаружить сообщника. С этой целью он поместил свою дочь в публичный дом и приказал ей принимать всех мужчин без разбора, а в качестве платы требовать, чтобы клиент поведал о своем самом хитром и самом нечестивом поступке. Когда же явится вор, то должно схватить его и позвать стражу. Кому-то такое решение Рамзеса может показаться неправдоподобным, однако не надо забывать, что в те времена существовала священная храмовая проституция и девушки, занимавшиеся ею, пользовались почетом и уважением. По крайней мере, никто на них косо не смотрел. Известно, например, что и Хеопс отправил свою дочь в публичный дом, и за соитие она брала камень, и этих камней ей хватило на собственную пирамиду.

Едва до Трофония дошел слух о задумке фараона, он решил принять вызов. Отрубив по плечу руку Агамеда и спрятав ее под плащом, вор пошел к царевне, которая к тому времени, надо думать, выслушала уже столько историй, что могла бы недурно заработать, написав книгу хитростей и подлостей. На ее расспросы вор честно ответил, что самый нечестивый поступок совершил, когда отрубил своему брату голову, угодившему в капкан в царской сокровищнице, а самый ловкий — когда напоил стражу и унес тело, чтобы достойно похоронить. Царевна тут же попыталась схватить его, но Трофоний в темноте подсунул ей руку Агамеда и был таков. Вряд ли девушке такое пришлось по душе, но никакую другую улику она предъявить отцу не смогла.

Фараон понял, что ему не совладать с хитроумным вором, и он объявил через глашатаев, что обещает вору безнаказанность и даже награду, если тот явится сам. Трофоний поверил и явился. Рамзес в присутствии придворных объявил, что египтяне по праву считаются самым мудрым из народов, а Трофоний оказался самым умным среди египтян. После этого он отдал Трофонию в жены свою дочь-проститутку. И был после этого пир на весь мир.

И все же не раскопки храмов, проводившиеся знаменитостями — Мариеттом, Шеврье, Легреном (названы лишь французы), не внушительные остатки прежнего величия принесли в XIX веке славу Фивам Египетским. При чем Легрен в 1903 году сделал удивительнейшее открытие, обнаружив гигантскую яму заполненную древними скульптурами и обломками прежних изваяний, разрушенных предположительно Ашшурбанипалом, когда этот ассирийский завоеватель сжег и разграбил Фивы в VII веке до н. э. Сейчас все они выставлены в Каирском музее.

Настоящую славу Карнаку и Луксору принесла Долина царей — драматическая история длительной и кропотливой работы по раскопкам царских гробниц. Как правило, разграбленные еще во времена

фараонов, они доставляли и новые сведения, и разочарования. XX век принес не только открытие американцем Теодором Дэвисом гробницы царицы Тейе (над загадкой ее золотого гроба, который вовсе не ее, ученые бьются по сей день), но и поистине археологическую сенсацию: Говард Картер в 1922 году раскопал нетронутую гробницу юноши-царя Тутанхамона.

Трагическая судьба этого фараона заслуживает особого внимания, ибо во многом сходна с историей царевича Дмитрия, убиенного в Угличе.

Окончание правления Эхнатона было безрадостным. Художники и архитекторы, восславлявшие на самом деле скромного фараона-реформатора, — и те оставили его: в Фивах зрели совсем иные процессы, о которых Эхнатон даже не догадывался. Интуиция подводила зачинателя и продолжателя прогрессивных преобразований. Зато она не подвела его супругу красавицу Нефертити. Загодя, чувствуя, что не "все спокойно в Датском королевстве", женщина предусмотрительно «продвинула» в со-фараоны Эхнату первого зятя — его звали Сменхкара. Более того, Нефертити настояла на том, чтобы Сменхкара поселился в Фивах. Скромность и природный ум позволяли этой женщине не афишировать истинную власть, какую она имела в государстве, тем более что нерешительность и частое желание Эхнатона идти на попятный вынуждали ее брать власть в свои руки.

Сменхкара не послушался тещи, а может, не справился с задачей. Он был не совсем молод: лет двадцать пять — двадцать шесть, — а такого правителя, жрецы Амона знали, уже не перевоспитаешь. Вот если бы он был из простого рода, тогда еще можно. Однако Сменхкара был из царской семьи. Так он и повел себя — непокорно, презирая Амона — не единого бога, а только одного из сонма богов и божков Верхнего Нила, Сменхкара остался верен детским знаниям о том, что бог Атон — единый бог, и других богов не существует. К тому же чванство, свойственное жреческой касте, постоянная игра в тайну, которой на самом деле нет, не могли вызвать ничего, кроме неприятия. К сожалению, и новые жрецы — жрецы Атона — были подвержены этому пороку. Может быть, даже в большей мере Сменхкара старался этого не замечать. Как и Эхнатон, он упустил момент, когда мог повлиять на ситуацию, за что поплатился. После смерти тестя Сменхкара правил всего два года и был убит. Могила его до сих пор не найдена, да ее, вероятно, и нет на этой планете.

Нефертити не сдалась: она добилась провозглашения фараоном двенадцатилетнего Тутанхамона, сделав его мужем своей третьей дочери Анхесенпаатон. Мальчику царица внушила, чтобы он во всем слушался жрецов, а особенно верховного жреца бога Амона!.. Сама царица-мать надолго ушла в тень. Она знала, что теперь произойдет с Ахетатоном, страной, миром. Революция, возможно, менее разрушительна, чем реставрация. Современная Россия наглядный тому пример.

Так и произошло. Именем фараона Тутанхамона (мальчик якобы захотел, чтобы его имя Тутанхамон больше не носило следов Атона, и поменял его, то же сделали и все остальные, даже дочь Эхнатона стала Анхесенпаамон) была стерта с лица земли красавица столица Ахетатон. Семнадцать лет вызывал этот город ненависть жречества! Опять разор, опять смерти и страдания: так после реформ возвращалась в Египет прежняя жреческая власть Амона. Именем Тутанхамона вершили жрецы свою "справедливость".

Но уж, зато и восхваляли фараона! Приписывали ему такие "благие деяния", в которые и сами с трудом верили.

Когда успел Эйе, муж кормилицы дочерей Эхнатона, при Эхнатоне «дослужившийся» до звания верховного жреца Атона, «перекраситься» в ярого поклонника бога Амона? Когда он успел стать в Фивах верховным жрецом Амона?.. Скорее всего, этот пожилой человек и являлся на протяжении короткого срока правления Тутанхамона истинным правителем Египта. Остается думать, что, как бы ни был бессовестен человек, все же некоторые угрызения совести его донимали, и ему тоже было трудно призывать народ топтать имя Эхнатона, уничтожать это имя во всех надписях и на всех стелах, где оно упоминалось, сносить с лица земли прекрасный город, где он, Эйе, провел не худшие годы жизни.

Зато юному фараону дозволялось абсолютно все, даже трон ему сделали в виде качелей, чтобы не скучал. Но власти у него не было. Может быть, единственный случай в истории многих тысячелетий Египта, когда царь жил по-царски, не исполняя при этом непосильных царских обязанностей.

Тутанхамон, как всякий подросток, очень любил быструю езду на колеснице. Картинки из его жизни изобилуют изображениями мчащегося царя — в одиночку и с супругой, столь же юной девочкой Анхесенпаамон. Вероятнее всего, они были ровесниками. Близкая родственность Тутанхамона Эхнату доказывается его обликом, — значит, девочка-царевна и мальчик, родственник фараона, провели детство вместе, и та видимая "невооруженным глазом" любовь, которую они испытывали друг к другу, была не показной, а настоящей. На золотой фоб рука юной вдовы скоро положит веночек из полевых цветов. Ну, а пока мальчик и девочка любят друг друга, и в этом им никто не мешает.

Жрецы занимались государственными делами, пытались восстановить разоренную незавершенной реформой страну (на самом деле ее продолжали уничтожать, как это происходило и впоследствии с "мировыми державами"). Они вели международные дела, урезонивали наместников на обширных территориях, принадлежавших Египту со времен великих завоеваний, от которых отказался только Аменхотеп III. Они вели короткие войны, усмиряли непокорных во всех частях света, и эти подвиги с удовольствием приписывали юному царю. Жрецы и царь впервые не мешали друг другу заниматься любимым делом! — кстати, это тоже «завоевание» реформы Эхнатона.

Поистине великим куратором правления Тутанхамона был Эйе. Но зрели и другие жрецы и чиновники, жаждавшие власти не меньшей, и даже большей, чем позволял себе «скромный» верховный жрец. Одним из таких претендентов на власть неожиданно сделался Хоремхеб — военачальник, чья железная рука подавила восстание негров в Северной Нубии.

Хоремхеб принадлежал к роду номархов (царских наместников) Алебастронполя и был тесно связан с высшим жречеством. При слабых преемниках Эхна-тона он, постепенно возвышаясь по лестнице должностей и званий, занял первенствующее положение в государстве. Сам себя он нескромно называл "величайшим из великих, могущественнейшим из могущественнейших, великим владыкой народа, избранником народа, главенствующим над Обеими Странами (то есть Верхним и Нижним Египтом) в управлении, военачальником над военачальниками". Почет и значение Хоремхеба в народе и при дворе возрастали не по дням, а по часам. Это не могло не беспокоить привыкшего к верховенству Эйе, но старик ничего не мог поделать: его время уходило.

Вероятно, Эйе не был тщеславным или жаждавшим официальной власти, его удовлетворяла та роль,

которую он играл, по крайней мере, в последние десять—двенадцать лет. Опытный интриган, он бы справился с взлетом Хоремхеба, как справлялся в свое время с десятками и сотнями других выскочек, претендующих на часть власти при дворе. Он и справлялся. До тех пор, пока вдруг не заметил задумчивость Тутанхамона, уже выраставшего "из коротких штанишек". Вот что удручило истинного правителя Египта!..

Вероятно, Тутанхамон, при всей легкомысленности царской жизни, дозволенной только ему, унаследовал фамильную черту царской семьи, какой обладала Нефертити, — прозорливость. Вместе с ней, видимо, ему ничего не стоило по достоинству оценить обстановку. Очень рано юный фараон понял, что настоящей-то власти у него нет.

Скорее всего, мальчик поделился своими сомнениями с «родственником» — именно с ним, верховным жрецом Амона! Опрометчиво? Да. Но как не поверить бывшему верховному жрецу Атона, который, возможно, сам вызвал его на этот разговор, напомнив о счастливом детстве, проведенном Тутанхамоном в Ахетатоне?.. Это могло быть и в другой форме. Но факт налицо: Эйе забеспокоился. О себе?.. Вряд ли. Привыкший решать государственные дела, он озадачился судьбой государства. Как-то повернет дела подрастающий фараон? И в какой-то момент принял тяжкое решение: самому встать у власти.

Недавно бывший сотрудник Скотланд-Ярда Грехэм Мэлвин и профессор медицины невролог Ян Ишервуд провели обследование мумии фараона Тутанхамона. Результат экспертизы: юный фараон был убит ударом топора в затылок! Своей ли рукой, а может, рукой, ближайшего слуги? — Эйе убрал Тутанхамона с дороги, на которую, как он считал, вступил Египет. Мальчик, озадачившийся тем, что ему недостает верховной власти, на пути укрепления государства был бы очень некстати. Значит, надо было брать в руки всю власть, целиком, причем официально.

Семьдесят дней, отведенных на процесс бальзамирования и подготовку гробницы, Эйе и Анхесенпаамон провели каждый в своих насущных заботах. Дело в том, что шестидесятилетний старец мог сделаться официальным правителем Египта только одним путем — женившись на царице. Вероятно, зная о том, что Эйе — убийца любимого мужа, девочка предприняла отчаянную и достойную родной матери попытку: оставшись со своим горем одна на всем белом свете, Анхесенпаамон написала в Сирию — хеттскому царю Суппилиуму, подрывавшему устои великого Египта: "Я не могу выйти замуж ни за одного своего подданного. У тебя много сыновей — дай сына мне в мужа".

Царь принял это послание за провокацию.

Время шло. Анхесенпаамон написала царю опять: "Ты что — не понял, о чем я говорю? Твой сын станет фараоном! — чего тебе еще желать? Мне нужен муж царского рода. Дай, дай мне сына!!!"

И Суппилиума поверил! Срочно снарядил он своего среднего сына Заннанзу, и тот помчался в Фивы. Загоняя лошадей, потому что время было упущено. Где-то в районе дельты Нила его поджидала высланная Эйе засада. Возможно, не Эйе, а Хорем-хеб по своей собственной инициативе расправился с будущим царем Египта. Впрочем, такие «сведения» вполне могли быть распространены и стариком Эйе. Как бы то ни было, история Египта могла измениться очень круто, достигни хеттский принц цели и стань

фараоном. Но этого не произошло. Эйе не дремал: он исполнял свой долг. Вряд ли ему нужна была для любовных утех красавица девочка, наследовавшая острый ум Нефертити; вряд ли Эйе жаждал славы великого фараона, — возраст был не тот; вряд ли он стремился к неограниченной власти, ибо имел ее и так. Эйе, женись на Анхесенпаамон и сделавшись фараоном, преследовал только государственные интересы. Ему ли не знать, какова участь фараонов, да еще не из династии, а — со стороны.

Но милая девочка отомстила ему за унижение: через три года царица вступила в сговор с Хоремхебом свергла ненавистного ей старика. Парадокс ситуации состоит в том, что великий интриган и блестящий придворный не сумел противостоять простенькой интриге, какую только и мог затеять Хоремхеб, а царица поддержала и даже вышла потом замуж за лихого вояку и удачливого заговорщика, наградив его фараонским жезлом и уреем. Но парадокс объясним: будучи возле трона, Эйе держал в руках все нити дворцовой и государственной жизни, а сделавшись фараоном, потерял их. Ни причем изворотливость ума: любой правитель страдает недостатком информации, потому, что половина поставщиков ее работает на оппозицию, да к тому же преследует еще свои, сугубо личные цели.

В гробницу Тутанхамона сложили столько золота и драгоценностей, сколько не снилось самым великим фараонам. Это в благодарность за то, что юный царь не очень мешал жить верхушке. В маленькие, тесные комнатенки под скалами Долины царей запихали целых пять золотых (позолоченных) царских колесниц, множество рисованных и скульптурных портретов Тутанхамона и Анхесенпаамон. Для того, чтобы поднять крышку золотого фоба, куда была уложена мумия царя, археолог Картер продумал и приспособил внутри гробницы подъемное устройство, да и то не сразу с ним справился, — потому что золота на крышку не пожалели. И на вторую тоже. А третья, повторяющая целиком контуры покойного, по толщине местами превышает четыре сантиметра.

На Хоремхебе завершилась XVIII династия фараонов. Как скончалась Анхесенпаамон, мы не знаем: ее след в истории Египта теряется. Египтологи считают, что на четвертом году правления Хоремхеб, оказавшийся достойным преемником хитрого старика, втихомолку погубил жену, вознесшую его над миром. Потому что с того времени царицей Египта числится уже Метнатджемет. Считается, что она была сестрой Нефертити. Значит, немолодая сестра царицы-матери — единственная женщина царского рода, позволившая в тот момент Хоремхебу остаться фараоном?..

Возможно, Анхесенпаамон умерла от тоски по Тутанхамону. А может быть, Хоремхеб возомнил, что он и сам что-то собой представляет? Тогда он обязательно должен был освободиться от истинной свидетельницы его позорного восшествия на трон. И подписал себе тем самым смертный приговор: при здравствующей царице, которая пошла умом в мать, он мог бы достичь успехов не меньших, чем его номинальный тесть Эхнатон. Сестра Нефертити, вероятно, качествами бывшей царицы не обладала: на многих барельефах она изображена жизнерадостной девушкой, играющей с каким-нибудь зверьком.

Рассказанное выше — всего лишь гипотеза. Мы не можем понять всех тонкостей психологии древнего египтянина. Их не могли понять даже греки современники. Геродот с удивлением писал: "Женщины у них ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. Мочатся мужчины стоя, а женщины сидя. Естественные отправления они совершают в домах, а едят на улице. Сыновья у них не обязаны содержать престарелых родителей, а дочери обязаны делать это даже против своего желания. На улице вместо словесного приветствия они здороваются друг с другом, опуская руку до колена".

Исчезли язык и культура Древнего Египта. Сегодня местность, где стояли прежние Фивы, населена людьми, пришедшими сюда гораздо позднее. Нет города. Есть небольшой комплекс и городок Луксор и деревушка Карнак на восточном берегу. Есть туристический комплекс "Некрополь Долины царей" (египтяне называли его "Великий священный некрополь миллионов лет фараона на западе Фив") и "Некрополь Долины цариц" (его египтяне называли "Великие места царских детей, царских жен, царских матерей, находящихся в месте красоты") в Дейр-эль-Бахри. Есть еще одиннадцать некрополей, где хоронили жрецов, чиновников и царедворцев. И всего этого нет. У стены храма Амона в Луксоре высится мусульманская мечеть, сложенная из камней этого же храма. В нем самом долгое время был хлев. Большая часть рельефов соскоблена арабами, которые таким образом заполняли вечерний досуг. Гробницы фараонов в прямом смысле слова загажены первыми христианами.

От города не осталось ничего, — кроме нескольких храмов и гробниц, высеченных в скале. Можно утешиться мыслью о том, что в прежние времена городское строительство шло с применением необожженного, сырцового кирпича. Именно он-то и рассыпался в пыль и уносился ветром в пустыню. Но представить, как выглядели в те времена рядовые дома и кварталы Фив, совсем не трудно, ибо за тысячелетия ничего не изменилось в Египте, и аналогичные дома, сложенные из того нильского кирпича, можно и сейчас видеть в любой деревне.

Ахетатон

На берегу Нила, почти посередине пути между Мемфисом и Фивами, лежат руины Ахетатона — столицы проклятого фараона Эхнатона. Горы здесь почти вплотную прижимаются к реке, и лишь в одном месте отступают, образуя неправильный овал, напоминающий по форме латинскую букву D. Именно эту пустынную ложбину и облюбовал фараон-реформатор для строительства своей новой резиденции — "Небосклона Атона", как переводится с древнеегипетского название "Ахетатон".

Но для чего потребовалась Эхнатону новая столица? История эта уходит корнями в еще более глубокие времена.

В XV веке до н. э. при великом завоевателе Тутмосе III Египет достиг апогея военного могущества. Фараон щедро одаривал трофеями храм бога Амона — покровителя города Фивы. Огромные богатства стекались в жреческие сокровищницы и навсегда исчезали в их холодных, темных подземельях, из года в год усиливая могущество жреческой касты.

Уже Тутмос III начал опасаться жрецов и задумывался о введении в Египте единобожия. Таким богом он выбрал третьестепенного в те времена бога Атона, культ которого был силен в городе Гелиополе — родине птицы Феникс.

Наследники Тутмоса III фараоны Аменхотеп II и Тутмос IV продолжили его противоречивую политику. В эти годы египтянами были покорены Северная Палестина и Сирия до реки Евфрат; вавилоняне и ассирийцы вынуждены были платить Египту дань. Особое значение в судьбе страны сыграло завоевание Нубии и захват нубийских золотых рудников, которые стали собственностью фараона.

Фараоны-завоеватели тоже, с одной стороны, не обходили дарами слуг бога Амона, а с другой, продолжали поиски путей введения в Египте единобожия Атона.

Когда на египетский престол взошел фараон Аменхотеп III Великолепный, богатство и сила жреческой касты достигли тех размеров, когда жрецы и впрямь стали полагать себя стоящими выше государства и светской власти, пытаясь диктовать свою волю фараону.

Аменхотеп III был человеком умным, хитрым и решительным в своих действиях. Военная мощь и богатство страны, созданные его предшественниками, являлись незыблемой основой для устойчивости его власти как внутри Египта, так и за его пределами. Аменхотеп III, от рождения домосед и лентяй, прекратил военные походы и погрузился в покой и наслаждения мирной жизни. Правил он тридцать девять лет, и за все это время, без войн и внутренних смут, не потерял ни одной подвластной ему территории. Но и ничего не приобрел.

Азиатская роскошь овладела дворцами фараона и его вельмож. У властителя был огромный гарем, тысячи слуг исполняли его прихоти. Но более всего Аменхотеп III предпочитал общество его старшей, возлюбленной жены царицы Тейе. Сама она была не царского рода, фараон женился на Тейе вопреки египетской традиции и религиозным канонам. Но здесь он проявил железную волю, и жрецам пришлось отступить во избежание углубления конфликта.

Предаваясь лени и похоти, Аменхотеп III не забывал и о другом. Он последовательно продолжал внедрять в умы общества идеи единобожия, используя для этого усиливающийся культ бога Атон. Даже царская ладья, на которой фараон и царица Тейе любили кататься по Нилу, получила название "Сияние Атона".

Здесь, видимо, следует пояснить мистическую сущность богов Амона и Атона.

Бог Амон (он же одна из ипостасей Ра) в древнеегипетской мифологии — вначале был богом воздушной стихии, позднее — богом солнца во всей совокупности его воплощений: света, тепла, жара, захода, восхода, дня и пр. Еще позднее Амон стал богом всей природы. Важнейшее значение Амона заключалось в том, что он являлся богом-покровителем Фив, столицы Египта, а следовательно и фараонов.

Бог Атон до времени его целенаправленного возвышения был богом третьестепенным. Из всей совокупности ипостасей солнца, которые воплотились в боге Амоне, Атон представлял собой одну-единственную ипостась — солнечный диск. Почитался он, как уже говорилось, преимущественно только в Гелиополе, жрецы храма Атона бедствовали и нищенствовали, не имея никакого влияния на египетское общество.

Аменхотеп III был одним из лучших и тончайших политиков в истории древнего мира. Он не углублял конфликт со жрецами, но постепенно, не мытьем, так катанием, не давая жрецам других богов объявить себя жертвами фараона-деспота, стал потихоньку вводить в обществе идею единобожия в образе бога Атона и при единственном дополнительном условии: таким единственным богом Атоном мог быть только он, фараон Аменхотеп III. Уже при жизни фараона в Судане и Седеине были воздвигнуты храмы в честь

Аменхотепа III, ему поклонялись и молились как богу, а дети приносили фараону храмовые жертвы. Многие исследователи полагают, что это был очень верный и решительный ход: только так, введением единобожия, можно было в то время соединить в нерасторжимое целое египтян и все покоренные ими народы.

Отдадим должное мудрому фараону, он не стал полностью отождествлять себя с богом Атоном, не стал дразнить жрецов и тем самым избежал пагубной смуты и войн.

Царица Те́йе родила наследника престола на четвертом году супружеской жизни. Назвали его, как и отца, Аменхотепом. Мальчик оказался болезненным, с удлинённой головой и большим животом, но весьма умный и восприимчивый. Растили его в идеях единобожия. На 25–26 году правления Аменхотеп III сделал своего сына соправителем под именем Аменхотепа IV. Такое положение оставалось до смерти старого фараона. Мера эта была вынужденной, так как в первые годы соправления Аменхотеп IV женился на Нефертити. Неизвестно, кто ее родители. Скорее всего, она была дочерью Аменхотепа III от его сестры и сестрой Аменхотепа IV. Но это оспаривается. Если б Нефертити была дочерью Аменхотепа III, не было бы необходимости делать сына соправителем. Царская власть в Египте передавалась по женской линии, то есть фараоном становился тот, кто женился на дочери фараона. Кормилицей Нефертити была жена вельможи Эйе, который, в свою очередь, был воспитателем ее супруга. Самое главное, Нефертити сразу же и навсегда приняла культ Атона и оказалась в этом более последовательна, чем Аменхотеп IV.

В отличие от отца молодой фараон, поддерживаемый женой, начал активно и решительно осуществлять идею замены культа бога Амона на культ бога Атона, а далее — на введение единобожия. Борьба против жрецов других богов обострялась не по дням, а по часам. В этой борьбе фараон опирался на, так называемую, "новую знать", выдвинутых Аменхотепа IV из низших слоев населения. Их становилось все больше и больше. Кульминация, согласно косвенным данным источников, наступила на четвертый год правления Аменхотепа IV, когда был раскрыт заговор аристократических и жреческих кругов с целью убийства фараона. В ответ Аменхотеп IV запретил поклонение всем богам, кроме Атона, закрыл храмы этих богов, принял новое имя Эхнатон, то есть "Угодный Атону", и объявил о необходимости возведения новой столицы Египта.

Место для строительства новой столицы искали долго. Главное условие, которое поставил фараон: на месте будущего города никто и никогда не должен был служить или приносить жертвы другим богам, кроме Атона.

Однако все более-менее удобные для жизни места вдоль Нила были давным-давно обжиты людьми, густо заселены, а следовательно, они не могли соответствовать требованиям Эхнатона. Совершенно случайно обратили внимание на пустынную ложбину, спрятавшуюся в прибрежных скалах. Фараон был почти счастлив — наконец-то он обрел искомое!

На позолоченной колеснице, "подобный отцу его — богу Атону", явился фараон на закладку города и торжественно возвестил, что место для новой столицы выбрано самим богом Атоном:

"Оно не принадлежало никакому богу, не принадлежало никакой богине, не принадлежало никакому правителю, не принадлежало никакой правительнице, не принадлежало никакому вельможе, никакому

человеку!" — эти слова фараона были вырезаны на сохранившейся до наших дней торжественной стеле в Ахетатоне.

Тогда же Эхнатон произнес великую клятву в честь нового города:

"Как живет мой отец Атон прекрасный, живой! Я сотворю Ахетатон для моего отца Атона на этом месте, которое он сам сотворил, окружив себе его горою, и он сделал в нем радость, и я буду в нем приносить ему жертвы! И да скажет мне царица: — Вот есть прекрасное место для Ахетатона в другом месте! — я не послушаю ее! И да не скажет мне никакой вельможа и никакой начальник людей во всей земле до ее предела: — Вот есть прекрасное место для Ахетатона в другом месте! — я не послушаю их!

И я сотворю Дом Атона (Большой храм Атона) для моего отца Атона в Ахетатоне на этом месте, и я сотворю Дворец Атона (Дворцовое святилище Атона) для моего отца Атона в Ахетатоне на этом месте, и я сотворю Тень Ра великой жены царя для моего отца Атона в Ахетатоне на этом месте, и я сотворю себе двор фараона, да живет он, да здравствует, да будет благополучен, и я сотворю двор для великой жены в Ахетатоне на этом месте, и да сотворят мне усыпальницу в восточной горе Ахетатона, и да сотворят в ней мое погребение, и да сотворят в ней погребение великой жены царя Нефертити, и да сотворят в ней погребение дочери царя Меритатон. И если бы я умер в каком-либо селении на севере, на юге, на западе, на востоке — да буду я принесен, и сотворите мне погребение в Ахетатоне! И если бы умерла великая жена царя Нефертити, живущая, в каком-либо селении на севере, на юге, на западе, на востоке, — да будет она принесена, и сотворите ее погребение в Ахетатоне! И если бы умерла Дочь царя Меритатон в каком-либо селении на севере, на юге, на западе, на востоке, — да будет она принесена, и сотворите ей погребение в Ахетатоне!

И да сотворят гробницы для "великих всевидящих", "божьих отцов Атона", "слуг Атона" (это наименование различных категорий жрецов Атона) в восточной горе Ахетатона, и да сотворят в ней их погребения!

И да сотворят гробницы для всех вельмож и для всех людей в восточной горе Ахетатона, и да сотворят в ней их погребения!

Если же не сотворят в ней погребений, — это хуже, чем то, что я слышал в четвертом году, это хуже, чем то, что я слышал в первом году, это хуже, чем то, что слышал Небмаатра (тронное имя Аменхотепа III), это хуже, чем то, что слышал Менхепрура (тронное имя деда Эхнатона фараона Тутмоса IV)!"

Следует сказать, что большинство из данных обещаний фараон-реформатор исполнил!

По указанию Эхнатона были установлены особые стелы: основные располагались на юге и севере восточного берега и на юго-западе и северо-западе западного берега. Стелы эти определяли границы будущего города Атона. Менять эти границы воспрещалось! Лишь то, что лежало в пределах очерченного пространства, считалось Ахетатоном. Фараон провозгласил:

"И вот то, что лежит посреди этих четырех стел в горе восточной до горы западной, — это подлинный

Ахетатон, принадлежащий моему отцу Атону: с горами, пустынями, пастбищами, новыми землями, высокими землями, свежими землями, полями, водою, поселениями, людьми, скотом, деревьями и

всякими вещами, которые мой отец Атон заставит существовать во веки веков, ибо он пребывает на каменной стеле на юго-восточной границе и также на каменной стеле на северо-восточной границе Ахетатона, и также он равно и на каменной стеле на юго-западной границе, и также на северо-западной границе Ахетатона. И он не будет стерт, он не будет смыт, он не будет срублен, он не будет покрыт гипсом, он не исчезнет и не дадут ему исчезнуть! Если же он исчезнет, если же он пропадет, если упадет стела, на которой он, — я снова возобновлю его на этом месте, на котором он находится!"

Объем работ по строительству новой столицы был невероятно огромен, при этом строиться следовало в невиданно малый срок. Одновременно возводились: храмы Атона, дворцы фараона, здания официальных учреждений, склады, дома знати, жилища и мастерские ремесленников, разводились сады, копались пруды и колодцы, проводились каналы, завозились земля, строительные материалы, растения. Работы эти возглавляли зодчие фараона — Пареннефер, Туту, Хатиаи, Май, Маанахтутеф и другие. А выполняли ее сотни тысяч рабов и свободных крестьян. Каких жертв стоило возведение новой столицы, никто не считал, и источники не сообщают. Видимо, не меньших, чем строительство пирамиды Хеопса, а то и больших.

Строили преимущественно из кирпича-сырца (самого распространенного строительного материала в Древнем Египте) и облицовывали строения камнем. В храмах, дворцах фараона и вельмож особое внимание уделяли украшениям. При декорировании широко применяли цветные поливные изразцы, росписи, позолоту, вкладки из разных камней и паст. Непосредственно жилища украшались изделиями из ценных пород деревьев, золота, серебра, бронзы, самоцветов.

Основные магистрали Ахетатона, как и во всех древнеегипетских городах, шли параллельно Нилу. Главной улицей была так называемая Дорога царей, связывающая воедино всю столицу.

В центре Ахетатона располагались: храм Атона с жилищами жрецов и большими складами; дворец фараона; податное и военное управления; казармы; ведомство иноземных дел.

Храм "Дом Атона" был главным зданием столицы. Строил его зодчий Пареннефер. Храм был ориентирован с запада на восток. Его окружала стена с воротами в виде пилон. На башнях храма были укреплены мачты с флагами.

Своеобразием "Дома Атона" являлось то, что обряды здесь совершались в открытых дворах, пред ликом бога Атона: верующие обращались непосредственно к солнцу. Дворов было несколько, и в каждом стоял жертвенник. Всего при раскопках храма насчитали тысячу восьмисот жертвенников. В жертву молящиеся приносили овощи, фрукты и цветы. Атон был богом добрым и веселым; считалось, что приветствовать его лучше либо на восходе, либо на закате.

В самой глубине вытянувшегося с запада на восток храма располагалась единственная каменная фигура самого фараона Эхнатона, что подчеркивало его связь с Атоном. Лицезреть эту статую могли только жрецы Атона и главные сановники государства. Простые смертные имели право доходить лишь до порога

одного из многочисленных дворов. Причем чем выше было положение человека в обществе, тем ближе ко двору со статуей он мог приблизиться. Рабы подходили лишь к воротам храма, земледельцы в первый двор, городские ремесленники — во второй, воины — в третий, писцы — в четвертый, вельможи — в пятый и т. д.

На примере "Дома Атона" следует отметить, что подавляющее число египтологов считают архитектуру Ахетатона не только не новаторской для своего времени, но и весьма низкого уровня. Объясняется это, скорее всего спешкой в возведении города. Ахетатон в основном был отстроен всего за два года, протяженностью он был более 10 километров, строений же в нем было возведено столько, что за 80 лет археологических раскопок учеными открыто гораздо менее половины древней столицы.

Главный дворец фараона располагался по обеим сторонам Дороги царей. Вдоль ее западной стороны лежала официальная половина дворца, вдоль восточной — жилая, к последней примыкало дворцовое святилище Атона.

Обе части дворца были окружены толстыми кирпичными стенами. Соединялись они крытым мостом, перекинутым через Дорогу царей. Мост имел три пролета: средний широкий — для проезда колесниц и передвижения воинских отрядов — и два боковых — для пешеходов. В центре крытого перехода было "окно явлений" — декоративно оформленный проем, в котором фараон и его семья периодически показывались народу, раздавая награды, бросая в толпу браслеты, кольца, драгоценности.

В каждую половину дворца входили с севера. Каменные стены делили дворец на прямоугольные дворы. У каждого двора было свое название, вроде "Восход Атона", "Широкий зал Атона", "Благословение Атона" и др. Это означало, что во дворце обосновался фараон — живое воплощение бога Атона.

В одном из дворов официальной части дворца находились огромные, высеченные из грифельно-черного гранита статуи Эхнатона. Они были одинаковой величины и стояли на равном расстоянии вдоль гладкой стены светло-серого камня. Другой двор был вымощен квадратными плитами с изображениями представителей покоренных народов — ливийцев, нубийцев, жителей аравийских пустынь и других. Прохаживаясь по двору, фараон и его приближенные попирали ногами врагов Египта. Был особый двор со стелами, на которых изображались эпизоды из жизни семьи Эхнатона. Ни один двор или зал не повторялся.

К жилой части дворца тремя террасами поднимался от Нила великолепный парк с плодовыми деревьями, цветочными клумбами, прудом и многочисленными павильонами. Финиковые пальмы различных пород были высажены правильными рядами вокруг прямоугольных водоемов. Ряды пальм прерывали беседки, овитые виноградными лозами.

В парадный зал жилой части дворца можно было войти с верхней террасы парка. Здесь стояли сорок две колонны в виде пальм. Они были украшены фаянсовыми вставками — в нижней части коричневого цвета, в верхней — зеленого.

Была здесь и особая трапезная, куда могли войти только представители царской фамилии. У Эхнатона

и Нефертити было шесть дочерей. По именам мы знаем трех старших. Первая дочь Меритатон вышла замуж за юношу неизвестного нам происхождения Сменхкара (Эхнатон назначил его своим наследником, но Сменхкара умер почти одновременно с фараоном-реформатором). Вторая дочь Макетатон умерла в Ахетатоне при родителях. В ее гробнице сохранился удивительный по своей трагичности барельеф, на котором Эхнатон и Нефертити заламывают в отчаянии руки перед телом дочери. Третья дочь АН-хесенпаатон вышла замуж за молодого человека, тоже неизвестного нам происхождения, Тутанхатона (он же знаменитый фараон Тутанхамон). В Сменхкаре и Тутанхамоне ряд ученых видят лишо сыновей Эхна-тона от других жен, либо его племянников. Гарем у Эхнатона был относительно небольшой. Но среди других его жен со временем выделилась некая Киа. Она оказалась счастливой соперницей Нефертити, с которой Эхнатон негласно развелся. Поскольку между фараоном и царицей оставались дружественные отношения и Киа не могла стать царицей при жизни Нефертити, то Киа была провозглашена фараоном. Женщина-фараон по своему положению стояла выше царицы, но Киа этим превосходством ни разу не воспользовалась.

Следует отметить, что большая часть Главного дворца еще не раскопана. Ученых, возможно, ждут сюрпризы.

Помимо Главного дворца в Ахетатоне были возведены еще два — Северный и Южный.

Южный дворец был предназначен для увеселений. Посреди его огромного сада был вырыт прямоугольный пруд. К середине пруда шла каменная дамба, являвшаяся причалом для прогулочных судов.

По саду были разбросаны многочисленные павильоны. В каждом павильоне хранились сосуды с определенным вином. Только в одном из них сохранился алтарь для поклонения Атону во время веселых застолий.

Северный дворец облюбовала себе царица Нефертити. Предполагают, что именно здесь поселилась она с Тутанхатоном после конфликта с мужем. Конфликт был серьезный. По косвенным данным, Нефертити до конца дней оставалась преданной культу бога Атона, Эхнатон же к концу жизни стал склоняться к компромиссу с жрецами бога Амона и других богов. Определенную роль здесь сыграла, видимо, Киа. Конфликт на религиозной почве и привел к разрыву Эхнатона с Нефертити. Северный дворец славился своим зверинцем — это один из древнейших зверинцев в истории человечества. На каждой кормушке было высечено изображение того животного, которое содержалось в данном месте. Вдоль зверинца шла прохладная каменная галерея, откуда и можно было спокойно и безопасно наблюдать за животными. Галерея была покрыта инкрустацией из кусочков фаянса и изображала нильские заросли.

Помимо зверинца в Северном дворце имелось несколько садов, небольших зданий, множество павильонов и храм бога Атона.

В разных местах ущелий восточного берега Нила вырублены гробницы видных сановников Ахетатона. Входы в них сделаны в виде портиков. Здесь захоронены верховный жрец Мерира, зодчий Пареннефер, главный врач Пенту, начальник стражи Маху, другие начальники, жрецы, зодчие и придворные. Подавляющее большинство гробниц не завершены. И это неудивительно, строительство велось столь

быстрыми темпами, что зодчие разрывались на части от обилия заказчиков. К тому же придворные, чувствуя скорую перемену веры, на всякий случай построили еще одну гробницу — в Фивах. Однако многие гробницы Ахетатона представляют собой великую историческую и художественную ценность.

Каждая гробница состоит из длинного прямого коридора, в который, по идее, должны свободно проникать солнечные лучи, и одной-двух комнат. Стены всех помещений покрыты рельефами, в проходах высечены иероглифические надписи и коленопреклоненные фигурки владельца гробницы и его жены. Рельефы гробниц дают нам представление о будничной жизни Ахетатона. Но прежде всего они свидетельствуют о грандиозной революции в древнеегипетском искусстве, произошедшей во времена религиозной реформы.

До времен Эхнатона искусство в Древнем Египте было заключено в строгие рамки религиозных канонов, было под жестким контролем жрецов. Фараон считался земным богом: его можно было изображать только в строго определенных позах и гораздо больших размеров, чем окружающие его. Главным для художников было показать могущество и величие властелина Египта. Цариц изображали редко и обычно с мужем, но каноны определяли и их позы и размеры.

Эхнатон позволил художникам отбросить устаревшие нормы. Они стали изображать то, что видели, — произошел резкий поворот к реализму.

Во-первых, отошло в прошлое художническое угодничество. Даже фараона теперь показывали с его физическими недостатками, порой даже утрировали их. Эхнатон изображался с чрезмерно удлинённой головой, неестественно женственным, с тонкими руками и ногами, большим рахитичным животом.

Во-вторых, фараона и вельмож стали показывать в естественной и интимной обстановке (например, целующимися; при этом надо учитывать, что поцелуи египтян заключались в трении носами).

В-третьих, царицу Нефертити изображали равных с Эхнатоном размеров.

Однако отличительной чертой гробниц Ахетатона является то, что, если в гробницах вельмож других эпох на рельефах рассказывалась жизнь самих вельмож, то здесь главным действующим лицом были фараон и его семья, а хозяин гробницы являлся второстепенным героем изображений. Связано это прежде всего с тем, что большинство вельмож Эхнатона были выходцами из социальных низов, полностью зависели от фараона и потому чрезмерно низкопоклонствовали и льстили ему даже после своей смерти. Главным было показать, сколькими милостями фараон удостоил вельможу при жизни, в какой чести у царствующего дома он был.

Стены гробницы Хеви, главного казначея и управляющего при царице Тейе, сохранили грандиозный рельеф — семья фараона Эхнатона дает торжественный пир в честь вдовствующей царицы Тейе, матери фараона. Семья Эхнатона вкушает жареную дичь. Гробница принадлежит Хеви, но сам он изображен в уголке рельефа, вельможа оттеснен царствующей семьей.

В гробнице Хеви сохранилось еще несколько рельефов. На одном из них Эхнатон ведет царицу Тейе в

храм Атона. На другом — фараон и Нефертити, полуобнявшись, торжественно принимают дань от посланников покоренных им стран.

Особый интерес представляет для ученых гробница Юрского Писца Яхмоса. Здесь на рельефе изображены Эхнатон и Нефертити, восседающие на царской колеснице. Они беседуют, не обращают внимания, куда везут их кони.

Гробница главного глашатая и министра иностранных дел Египта Туту тоже хранит замечательный рельеф. На нем Эхнатон награждает своего верного слугу, рядом сидит Нефертити с двумя дочерьми на коленях. В стороне стоят с дарами посланцы Митанни, Сирии, Эфиопии и других стран. В руках они держат дары фараону. Туту говорит: "Мой добрый повелитель, правитель справедливый, изобильный богатствами, великий в постоянстве, славный памятниками без числа! Все твои повеления исполнены; они исполняются, как по воле самого Атона, повелитель, живой Атон..."

Однако лучшие изображения Ахетатона и царской семьи сохранились в гробнице начальника фараоновой полиции Меху.

На росписи предстает царская семья, едущая в колеснице. Фараон целует Нефертити, а Меритатон палкой погоняет коней. Перед колесницей бегут Меху и еще пятнадцать стражников, везир и его помощники. Везир толстый, бежать ему явно трудно.

На другой росписи показана целая история о поимке Меху чужеземных шпионов.

Сохранилась и гробница Эйе, приближенного Эх-натона. В зрелом возрасте он наследовал Тутанхамону и стал последним фараоном XVIII династии. Эйе был очень близок к царской чете, изображения в его гробнице показывают внутреннюю жизнь дворца.

Здесь изображен разделенный на множество комнат гарем Эхнатона, где женщины танцуют, играют на арфах, делают прически. Рядом скучают угрюмые евнухи. Фараон Эхнатон с балкона одаривает счастливого Эйе. Здесь же сидит Нефертити с дочерью на коленях. Подпись гласит: "Наследница трона, великая в благодеяниях, воплощение красоты, сладость любви, Владычица Юга и Севера, прекрасная лицом, радостная под двумя перьями (царского убора), возлюбленная живого Атона, первая жена фараона, любимая им, повелительница Обеих Земель, великая в любви Нефертити, живущая вечно!.."

Отдельно от гробниц вельмож, более чем в четырех километрах от города, на границе с пустыней стоит одинокая гробница. К ней ведет каменистая дорога. Предположительно, это гробница самого фараона Эхнатона.

Длинный наклонный коридор и крутые каменные ступени ведут в зал, где некогда находился саркофаг. Совершенно точно известно, что мумия Эхнатона не найдена вздумавшими ее уничтожить жрецами бога Амона. Где на самом деле захоронен фараон-реформатор, неизвестно:

Подле каменной лестницы располагается вход в меньшую гробницу: здесь покоились останки рано

умершей дочери Эхнатона и Нефертити Меритатон. Эхнатон прожил в Ахетатоне одиннадцать лет. Здесь он умер (или погиб, или был отравлен) и похоронен.

Когда на престол взошел фараон Тутанхатон, могущество Египта пошатнулось. Жрецы приписали вину за ослабление страны реформам Эхнатона. Боги отвернулись от Египта. Тутанхатон изменил имя свое на Туганхамон и переехал в Фивы. После смерти фараона Эйе, наследовавшего Тутанхамону, имя Эхнатона было предано проклятью и соскоблено с надписей на домах и храмах. Имя царицы Нефертити соскабливалось уже при жизни Эхнатона, в последние годы его правления. Город Ахетатон был покинут жителями, а дворцы Эхнатона разгромили. Таким образом, построенная за два года столица фараона-реформатора просуществовала всего семнадцать лет. Она стала добычей песка и ветров.

В 1881 году женщина из племени бен-амарн, проживавшая в селении Телль-эль-Амарна, нашла в пустынном месте близ дома глиняные таблички, испещренные иероглифами. Зная, что за них хорошо платят на базаре, она отправилась на другой берег Нила и продала таблички какому-то торговцу.

Именно эта находка, в конце концов, привела в окрестности Телль-эль-Амарна археологов. В 1891 году английская экспедиция египтолога Флиндерса Пит-ри начала раскопки Ахетатона.

Но главная находка в мертвом городе была сделана немецкой археологической экспедицией Людвиг Борхарда.

Начиная систематическое обследование Ахетатона, археологи условно разбили его территорию на квадраты со сторонами в 200 метров. По вертикали квадраты пронумеровали буквами, по горизонтали — цифрами. Поэтому дома Ахетатона обозначаются цифрами и буквами, по квадрату, в котором они обнаружены.

Под номерами Р.47. 1–3 в 1912 году Людвиг Борхард обнаружил мастерские скульпторов. Находились они в центре города, к югу от Главного дворца и недалеко от дома верховного жреца Панехси. Одна из мастерских принадлежала скульптору Тутмесу.

6 декабря 1912 года в комнате № 19 дома Тутмеса был найден сильно поврежденный скульптурный портрет Эхнатона. Он был в натуральную величину и раскрашен естественными красками. Раскопки продолжились, и в тот же день в двадцати сантиметрах от восточной стены комнаты была замечена выступавшая из кирпичной пыли часть скульптуры — кусок окрашенного в телесный цвет затылка с изображением спускавшихся вдоль шеи красных лент. Археологи догадались, что это скульптурный портрет царицы в натуральную величину. Так была открыта одна из величайших скульптур мировой истории — портрет царицы Нефертити.

В тот же вечер Борхард, делая записи в рабочем дневнике, восторженно отметил:

"Описывать бесцельно — смотреть!"

Чуть позже здесь же был обнаружен и второй знаменитый скульптурный портрет Нефертити — 19-

сантиметровый из кристаллического желтого песчаника.

Археологические раскопки были прерваны Первой мировой войной. Возобновились они в 1920 году. Но правительство Египта отказало немцам в праве вести раскопки в Ахетатоне. Согласно предварительным условиям проведения работ, все лучшие памятники, обнаруженные во время раскопок, должны были направляться в Каирский музей. Вместо этого немецкие археологи вывезли бесценный портрет Нефертити и ряд других скульптур в Германию, то есть украли.

С 1920 года концессия на раскопки в Ахетатоне перешла к англичанам — Английскому обществу исследования Египта.

В настоящее время раскопки Ахетатона продолжаются.

CENSEO CARTCHAGINEM ESSE DELENDAM

*...Она стояла перед костром, который разожгли под
городской стеной ее солдаты, и видела, как в мареве костра,
дрожащем между пламенем и дымом, беззвучно распадался
Карфаген, задолго до пророчества Катана.*

И. Бродский

Местность эта и сейчас красива: круглые купола холмов в отрогах Атласских гор полуостровом вдаются в Средиземное море в центральной его африканской части. На их плавных склонах в IX–VIII веках до новой эры появились жилые кварталы переселенцев из Тира и Сидона. Но огни из окон домов (некоторые были шестиэтажными) не отражались в лазурных водах залива: город со стороны порта скрывался за тройным кольцом защитных стен. Наружная крепостная стена упиралась в береговую кромку. Вся из громадных отполированных каменных квадров, скрепленных свинцовыми скобами, она перемежалась башнями-бастионами, отстоящими друг от друга на 56 метров: именно это расстояние позволяло простреливать любую точку между башнями. Высота стены была 13,5 метра, ширина — почти 9 метров. Карфаген — могучий, знаменитый, многонаселенный (в нем жило около 700 тысяч человек), раскинувший, задолго до величия Рима, свои властные и торговые сети на пространствах античной ойкумены, — отчаянно заботился о своей защите. Ныне громадные плиты находятся на дне, и уже никто не может определить, какие из них находились в стене, а какими была вымощена набережная. Основная «заслуга» в этом принадлежит римлянам, которые в 146 году до н. э. буквально разнесли богатейший город африканского побережья Средиземноморья, распахали его территорию, посыпав борозды солью, проклинали Карфаген и навсегда запретили людям здесь селиться. Правда, сами же свою клятву и нарушили.

Естественными границами города были море, лагуна-залив, а с юга пресное озеро. В 1949 году генерал Дюваль сначала открыл с самолета, а затем раскопал ров, опоясывавший Карфаген. Ров проходил по самому узкому перешейку полуострова и достигал пресного озера на юге. С моря попасть в город можно было только через две гавани — военную, круглую, и торговую, в форме квадрата. Оба мола также были выложены плитами, скрепленными свинцом. Даже морское дно было устлано ими. Тут, правда, обнаружилась загадка: под карфагенским, пуническим, дном в военной гавани археологи обнаружили еще одно древнейшее искусственное каменное дно, но чьих рук это дело — пока определенно не установили. Скорее всего, тех тирийцев первопроходцев, которые основывали торговые фактории и одновременно подыскивали места для новых колоний, ибо жившим в окрестных пещерах троглодитам такое не по плечу. Да и зачем? Главная, военная гавань находилась в самом Карфагене. На острове, посреди этой гавани, были построены доки, которые одновременно вмещали 220 боевых трирем. Стоянка остальных судов разрешалась лишь на внешнем рейде, в порту Саламбо.

Забота о безопасности не оставляла жителей Карфагена и внутри стен. Жилые дома поначалу ставили на расстояние полета стрелы от них (этот опыт впоследствии использовали римляне при строительстве военных лагерей), и многоязычная торговля "народов моря" и африканских племен кипела на площадях и рынках, раскинувшихся у самых стен. Арсенал Карфагена был таков, что им можно было вооружить несколько древних армий. В городе постоянно находились 300 слонов и 4 тысячи коней, оружия хватило бы на 200 тысяч пехоты.

С внутренней стороны к стенам города прижимались некрополи, в том числе и участки священных захоронений урн-ваз с жертвенным прахом — тофеты. Лишь впоследствии, когда город разросся внутри, жилые дома стали строить прямо над древними могилами (это характерно для многих городов, особенно современных), а кладбища вынесли за стены, на поля. В результате поздних культурных напластований эти могилы достались археологам. Так, в самом Карфагене остатки святилища со следами жертвоприношений — обгорелых детских костей — были обнаружены на глубине 6 метров. Эти маленькие каменные алтари-стелы высотой меньше метра, крошечные дольмены, то есть приставленные ребром друг к другу каменные плитки, сами по себе были священными оберегами карфагян: ведь жертву отправляли к богу, как ходатая и заступника. Всего удалось найти около двух тысяч стел с грубыми изображениями, орнаментами и посвятельными надписями в честь богини Луны Танит (ее знак — треугольник, упирающийся нижним концом в крут) и Ваала-Аммона.

В самой верхней, центральной части города — цитадели — под названием Бирса стоял храм Эшму-Ну умирающему и воскресающему богу растительности, наделенному властью воскрешать мертвых. Символом Эшмуна было изображение змеи на шесте, позднее перекочевавшее в аптеки. К храму вели лестницы в 60 каменных ступеней.

Карфагенские боги были кровожадны и постоянно требовали жертв, предпочитая человеческие, а из человеческих — детские. И Молох ("мерзость аммонитская", — называет его Библия), и Ваал (он же Ваал-Зебул, то есть Вельзевул), и Мелькарт (буквально "царь города"), покровитель Тира, прибывший в Карфаген вместе с финикийцами, и богиня Луны Танит. В честь последней устраивался праздник, на котором девушки дрались друг с другом палками и камнями. Проигравшие и побитые считались нечистыми, то есть нарушившими целомудрие.

Человеческие жертвоприношения известны во всем мире: помимо магических и религиозных целей, ими контролировали рождаемость. Величайшие герои сами всходили на костер и приносили себя в жертву богам. В Карфагене все было так же и не совсем так. Непонятная нам тайна заключалась в договоре карфагян с богами. Действо, совершаемое ими, скорее походило на «повязывание» богов нерушимыми обетами: привыкшие торговаться карфагяне и здесь ни в чем себе не потакали, требуя, как при сделке, принесения соответствующих клятв вести себя честно и обмениваясь задатком.

С приближением ритуальной ночи во дворе храма на жертвеннике перед статуей бога разжигали огромный костер. Вокруг него собиралась огромная толпа мужчин и женщин. Детей стерегли прислужники и воины. Олигархи, суфеты, правители Карфагена толпились возле жреца. В руках они держали эмблемы республики — синие деревянные шесты с навершием в виде конской головы или сосновой шишки (карфагяне верили, что Земля имеет форму сосновой шишки). В момент появления луны жрец делал знак рукой, после чего в костер бросали жертвы. Это были младенцы, летевшие в огонь из рук собственных матерей. Все они первенцы. Никто не волен был уклониться от этого ритуала (весьма распространенного у древних народов).

Такие таинства вызывали ненависть к Карфагену в античном мире, как и сам "дух Ваала и Молоха", хотя через обычай жертвоприношения прошли все народы, и в Европе совершались до позднего средневековья, а на островах Полинезии и в нашем веке. Однако грекам и римлянам они уже были непонятны и вызывали только чувство омерзения. Чтобы понять (тем паче осуждать) поведение

карфагенян, надо смотреть на мир не сегодняшними, а их глазами. К слову сказать, прославленный Фемистокл перед битвой при Саламине (480 год до н. э.) принес в жертву олимпийцам трех знатных персов.

Финикийцы (или пунийцы) были первым народом, который масштабно воспользовался мореплаванием как средством наживы и решением политико-демографических вопросов. Греки всегда наступали им на пятки. Главными городами финикийцев были Тир и Сидон — центры морской торговли. Отсюда же отправлялись люди, по каким-то причинам вынужденные оставить родину и поселиться на новом месте. Место это уже было разведано торговцами, там, как правило, уже находилась небольшая фактория, которая с прибытием колонистов превращалась в город, на первых порах экономически зависимый от метрополии-основательницы.

Северо-западное побережье Африки к моменту появления Карфагена (историк Тимей относит это к 814 году до н. э., что подтверждается археологически) было уже основательно изучено и заселено финикийцами, которых влекли сюда плодородие почвы и выгодная торговля с кочевниками, но еще более — лежащая на другой стороне моря Южная Италия. На нее финикийцы смотрели, как позднее испанцы — на Перу или Мексику. Основание первой колонии — Утики — если верить Плинию Старшему, произошло в 1187 году до н. э. За ним последовали Лике, Лептис, Гадрумет, Гиппон и другие. (Позднее все они попали в определенную зависимость к Карфагену.) По преданиям, финикийцы построили здесь и на западном побережье Африки (за Гибралтаром) 300 городов и факторий на протяжении 30 дней морского пути. Мы не в состоянии ни принять, ни опровергнуть этот факт. Но вернемся к Карфагену (на пу-нийском — Картхадашт), название которого далеко не оригинально и переводится как Новгород.

Греческая и римская традиции единогласно приписывают основание Карфагена Дидоне (другое ее имя Элисса). Дидона жила в легендарные времена и была дочерью царя Тира. Когда брат Дидоны Пигмалион убил ее мужа Акербаса, она бежала с верными людьми и со многими сокровищами в Африку и купила у берберского царя Ярба землю, поросшую хвойными лесами, пробковыми дубами, мастиковым деревом, дикой оливой и лавром. Наглый, дикий и необузданный Ярб согласился уступить столько земли, сколько покроет бычья шкура. Дидона оказалась достойной дочерью своего народа: она нарезала шкуру тончайшими полосками и покрыла им довольно значительный участок земли, ставший впоследствии акрополем Карфагена и так и называвшийся — Бирса, что значит «шкура». О дальнейшей ее судьбе рассказывают разное. Греки — будто бы Ярб, осознав, какую глупость совершил, стал грязно домогаться Дидоны, чтобы хоть привычным для дикого кочевника способом победить хитрую пунийку. При этом со свойственной варвару прямоотой он, минуя конфетно-букетную стадию знакомства, пошел в спальню царевны напролом. Тогда, спасаясь от домогательств Ярба и в память о любимом муже, Дидона добровольно взойшла на костер.

Римляне же (устаами Вергилия) рассказывают, будто бы она слюбилась с приехавшим из поверженной Трои Энеем. Тот поначалу не сопротивлялся ласкам, тем более незадолго до того он овдовел, но вмешались боги: Эней как раз таскал камни для постройки стен Карфагена, когда прилетел Гермес и приказал поспешить в Италию, чтобы стать предком римлян. Видимо, и Энею со временем Дидона порядком надоела. Во всяком случае, с богами он спорить не стал, хотя мог: все-таки сам был родным сыном Афродиты. Брошенная царица не вынесла тоски и покончила с собой, взойдя на костер.

Римская версия не выдерживает никакой критики, ибо между Троянской войной и основанием Карфагена прошло лет четыреста. Греческая выглядит куда правдоподобнее. Даже поступок Пигмалиона находит в ней себе оправдание. Известно, что в древние времена царская власть передавалась по женской линии: царем становился тот, кто женился на дочери предыдущего царя. Это явилось причиной того, что во многих странах на протяжении долгого времени наследники вынуждены были жениться на родных сестрах. (Так, например, всегда было в Египте, и даже последние династы из македонских Птолемеев вынуждены были поступать именно так. Знаменитая Клеопатра VII была кровосмесительным плодом в десятом поколении.) И вот Дидона, вероятно, опять же от всепожирающей страсти, выбирает себе суженого не из царского рода, а со стороны, какого-то Акербаса! Как должен был среагировать на это законный наследник Пигмалион? Устранить конкурента и вернуть любвеобильную сестру-принцессу в свой гарем. Логично в этой истории и добровольное восхождение на костер, если оно действительно было добровольным. Приехавшим с Дидоной пунийцам вряд ли хотелось, чтобы их царем стал берберский дикарь, при всех вычесывавший из головы вшей и тут же пожиравший их. Логичный вывод: чем иметь такого царя, лучше отказаться от царицы. А чтобы столь ценная жизнь не пропала даром (типичный расчет торгаша), надо сложить Дидоне жертвенный костер: пусть ее душа вознесется к богам и попросит долгих и счастливых лет Карфагену. Наконец, если в Карфагене когда-нибудь и существовала царская власть, то очень скоро (но при неизвестных подлинной истории обстоятельствах) она была заменена Советом десяти, вместе с которым управлял городом существовавший всегда Совет старейшин.

Расцвет Карфагена начался с завоеваний ассирийского царя Тиглатталасара III (745–727 годы до н. э.). Он обложил восточнофиникийские города непомерной данью. Тогда-то взоры Тира и Сидона обратились на запад, на свои колонии. Последним поневоле пришлось активизировать торговую и производственную деятельность, чтобы помогать в трудную минуту отцам-основателям. Проще, однако, было найти кого-то, кто бы платил дань. Финикийские колонии объединились в союз, в котором Карфаген, к тому времени достаточно усилившийся, играл ведущую роль, после чего войны с африканцами стали неизбежны. Довольно скоро все эти полукочующие народы удалось привести к покорности. Их сделали земледельцами, расселив по специально построенным городам и частично перемешав с финикийцами. Остальные продолжали кочевать, но платили дань. Получилась довольно забавная ситуация: берберам пришлось платить за то, что какой-то, совершенно им неведомый и живший, по их убеждению, в районе Луны ассирийский царь покорил Финикию.

Встав во главе финикийских колоний Африки и не удовольствовавшись окрестными землями, Карфаген обрушил всю свою предпринимательскую мощь на западные острова Средиземного моря, Лигурию, прибрежную Иберию (Испанию) и прибрежную Галлию (Францию). Однако здесь их уже поджидали конкуренты в лице жителей города Тартесса и греков-фокейцев, основавших Массилию (Марсель). Не собирались уступать карфагенянам Сицилию и греки-дорийцы. Карфаген, силами наемной армии, выиграл одну битву, затем проиграл две. Тем не менее, невероятной предприимчивостью, подкупом, внутренней корпоративностью и способностью всегда иметь что-то про запас Карфаген добился почти всего, чего хотел. Возможно, не последнюю роль сыграло и то, что Карфаген, как говорится, "никогда не перегибал палку": даже беря с покоренных дань, он обставлял это так, словно произошла обычная меновая торговля. А набор мужчин в армию обставлялся как защита совместных интересов или границ.

Наиболее значимым для Карфагена приобретением была Сардиния, от которой зависела власть над западной частью Средиземного моря. Этот остров поставлял много хлеба, он был богат серебряными рудниками, в горах попадались драгоценные камни. Карфаген владел Сардинией до 237 года до н. э. и

основал здесь свою колонию Каларис, ныне известную как Кальяри.

Второй по значимости была Сицилия, от нее тоже зависело владычество на море, а кроме того — продовольствие войск, торговля оливковым маслом и вином. Карфаген не жалел сил, чтобы подчинить себе весь остров, но здесь он столкнулся с греками, которые активностью превзошли пунийцев. После длившейся почти сто пятьдесят лет войны (410–264 годы до н. э.) за Карфагеном осталась только треть Сицилии.

Корсикой Карфаген владел вместе с этрусками. Совместно вытеснив греков-фокейцев, они основали Алалию.

На Балеарских и более мелких островах люди находились еще в полудиком состоянии. Но это не помешало им поставлять Карфагену вино, масло и самую тонкую шерсть, а славившихся своей выносливостью местных мулов они выменивали на африканских невольниц, которые чем-то импонировали мужской части островитян. В карфагенской армии служили самые искусные в мире балеарские пращники. Завидев стаю летящих уток, они договаривались, кто какую будет бить.

Карфагену принадлежали Мадейра и Мальта. Последняя была крупным центром ткацких мануфактур. Канарские острова также лежали в зоне его торгового влияния. Другим европейцам и азиатам они были недоступны.

Не имея возможности открывать колонии и торговать на северном побережье Средиземного моря, Карфаген покрыл факториями все побережье до Гибралтара. (Позднее, во время III Пунической войны, нумидийский царь Масинисса захватил 300 таких колоний!) В период своего наивысшего расцвета Ган-нон Великий был послан для основания колоний на западном побережье Африки. Вернувшись, он выставил в храме Эшмуна надпись, из которой следовало, что флот его насчитывал 60 кораблей и 30 тысяч переселенцев. Их расселили в 6 колониях по 5 тысяч человек. Возможно, карфагенские выселки простирались до нынешнего Сенегала и Гамбии. Примерно в это же время финикийцы, по предложению фараона Нехо, обогнули всю Африку. В это тогда мало кто поверил, но теперь можно утверждать. Финикийцы сохранили одну подробность, из-за которой в древности их и подняли на смех: они утверждали, что во время плавания солнце вставало на западе, а садилось на востоке. Такое происходит только за экватором. Но объезд Африки по неизвестным причинам остался без последствий, южная половина этого материка не попала в границы обитаемого тогда мира. Одновременно с этими экспедициями Гамилькон был отправлен изучать торговые возможности западного берега Европы. Если он и основал здесь какие-то карфагенские фактории, то они не прижились, по крайней мере, судьба их неизвестна. Но возможно, что отдельным карфагенским купцам удавалось добираться даже до Скандинавии, так как на рынках время от времени появлялся янтарь.

Основанные Карфагеном колонии выступали только как помощники в торговле и служили складами. В результате такой политики ни одна колония не смогла подобно Карфагену возвыситься. Другим важнейшим аспектом этой же политики было монопольное право на использование своих портов. Карфагеняне допускали к торговле иноземных купцов, лишь заключив выгодные для себя условия на торговлю в их городах. Сами же карфагенские купцы охотно селились в Южной Италии и Сиракузах и доставляли сюда черных невольников, драгоценные камни, золото и ткани. Они продавали втридорога все,

что собирали с остального мира. Даже информацию. Какие-то страны могли не подозревать о существовании друг друга, Карфаген знал всё. Вероятно, он знал даже об Америке. Периодически там находят какие-то финикийские тексты, но ни один крупный ученый еще не взял на себя смелость признать их подлинными.

Карфаген вывозил на рынки и собственную продукцию: стеклянные, бронзовые и серебряные изделия, ткани. Впрочем, в ремесле купеческая республика больших вершин не достигла, и сами карфагеняне предпочитали пить из аттических кратеров. Но в земледелии они достигли очень больших вершин. Таких огромных плантаций оливковых деревьев не было нигде в мире. Наибольшими были владения Га-милкара, отца Ганнибала. В уничтоженной библиотеке Карфагена хранился знаменитый (и первый, если не считать "Труды и дни" Гесиода) трактат о правильном ведении сельского хозяйства Магона, уроженца Карфагена, которого Колумелла назвал "отцом сельскохозяйственной науки". Позднее специальным постановлением сената трактат был переведен на латинский язык.

Богатства Карфагена привели к тому, что и финансовые издержки государства здесь были особенные. Например, должностные лица ему ничего не стоили: имея такие барыши, глупо требовать у родины зарплату. Для войска подвластные колонии все доставляли натурой, включая людей. Даже внешняя торговля с полудикими племенами не требовала звонкой монеты, так как большей частью происходила путем обмена товаров.

Доходы же у республики были следующие:

1. Дань, выплачиваемая покоренными народами натурой;
2. Подати с приморских городов в звонкой монете;
3. Подати с отдаленных от моря городов продуктами сельского хозяйства или ремесленными изделиями;
4. Таможенные доходы;
5. Золотые, железные и серебряные рудники.

Наибольший доход приносили серебряные рудники в Южной Испании на реке Гвадалquivир. Именно благодаря этим деньгам Ганнибал мог так долго сопротивляться Риму. Об испанском серебре ходили легенды. Первые купцы, побывавшие там, говорили, что корабли не вмещают все серебро, какое они могли бы увезти. Приходилось выбрасывать якоря и вместо них привязывать слитки серебра. Неизвестно, какой доход давала Испания Карфагену, но позднее у римлян здесь работали 40 тысяч невольников, которые приносили ежедневный доход в 25 тысяч драхм. Учитывая склонность римских прокураторов к воровству, доход был еще больше. Огромная территория и немереные богатства требовали соответствующей политической организации. Из приведенного Полибием договора между Ганнибалом и Филиппом V Македонским можно заключить, что Карфаген являлся союзной, федеративной державой. Правда, союзные города не могли заключать друг с другом союзов, содержать собственные войска, снаряжать военные суда, они не могли вступать в договорные отношения и с другими государствами. Получая покровительство в ведении торговли, города платили значительные пошлины с ввоза и вывоза. Зато им не требовалось защищать себя: военная помощь всегда приходила из Карфагена.

Он был главой всего государства, поэтому его жители пользовались исключительными правами. Во второй половине VI века до н. э. полководец Малх установил военную диктатуру, однако его удалось

одолеть, после чего Карфаген стал аристократической республикой и в таком виде просуществовал до конца. Совет десяти был преобразован в Совет тридцати, Совет старейшин расширен до трехсот бессменных членов. Верховодил всем Совет старейшин, до Совета тридцати доходили только самые важные дела, уже рассмотренные старейшинами. Верховная исполнительная власть принадлежала двум суфетам (царям). Народное собрание выбирало сразу двух суфетов (при этом предпочитали, чтобы они были враждебно настроены друг к другу), но неизвестно, на какой срок. Вероятно, именно на них ориентировались римляне, когда создавали институт консулов. После суфетов первое место занимали полководцы, избираемые старейшинами и имевшие неограниченную власть в военное время. Суд и финансы также имели своих начальников. За порядком в государстве и сохранением образа правления следил Совет из ста четырех человек (прокуратура, по-нашему). Он впоследствии приобрел такую власть, что имущество, честь и жизнь граждан зависели от него. Народное собрание играло роль лишь в том случае, если между суфетами возникали серьезные разногласия, но до этого редко доходило.

В «Политике» Аристотель причислил Карфаген к идеальным государствам: "Доказательством того, что государственное устройство в Карфагене является правильным, служит то, что народ подчиняется государству и, как говорят, там не происходило восстаний и не возникало тирании".

Можно только подивиться, что такой просвещенный человек не удосужился собрать современную же ему информацию о Карфагене. Политический строй республики был насквозь порочен: все поклонялись богу наживы, и богатство служило мерилom достоинств человека. Именно поэтому некоторые семьи в Карфагене так возвысились, что только из них выбирали военачальников и суфетов. Народ перед выборами должностных лиц, как в Риме поздней республики, всегда оказывался куплен подачками и дармовыми угощениями. Только в минуту серьезной опасности голос разума брал верх над кошельком. И то не всегда. Обычной же чертой политической деятельности в Карфагене были взяточничество и коррупция. Поэтому спокойной жизни у государственных деятелей никогда не было, разве что у бессменных старейшин, но эти, стоя уже одной ногой в могиле, в серьезную борьбу и не ввязывались.

Уже в середине IV века до н. э. (как раз при жизни Аристотеля) во главе государства стояли два враждующих суфета — Ганнон Великий и Суниат. политическая борьба привела обоих к предательству. Суниат списался с сицилийским тираном Дионисием и известил его, что Ганнон готовится неожиданно высадиться в Сицилии. Суниата казнили довольно болезненным способом, а Совет тридцати принял беспрецедентный закон: ни один финикиец не должен учиться ни писать, ни говорить по-гречески, дабы не сноситься с врагом.

Вскоре погиб насильственной смертью и мореплавателю Ганнон. Он вообще был со странностями и жаждал общего преклонения. Надменный Ганнон решил переступить поставленные смертному границы и распространить о себе славу по всему миру. Он накопил великое множество певчих птиц и держал их в темном помещении, обучая говорить одну фразу: "Ганнон — бог". Когда птицы освоили его «науку», он выпустил их в надежде, что слава о нем разнесется повсюду. Однако пленницы, получив свободу, вернулись к привычной жизни и запели привычные песни.

Это не остудило пыл Ганнона на пути к мировой славе (возможно, ему не давали покоя лавры его современника Александра Македонского). Ганнон решил отделаться от Советов старейшин и тридцати, воспользовавшись свадьбой дочери. Предполагалось расставить столы с угощениями и гулять всем

городом, сенаторы должны были пировать в доме Ганнона, где для них предусмотрительно сварили целый чан с отравой. Но рабы Ганнона выдали хозяина. Перепуганные до полусмерти народоправцы не знали, что предпринять: реальных фактов (котелка с отравой) у них в руках не было, а бездоказательный арест Ганнона явно пришелся бы не по душе черни, уже лредвкушавшей дармовую выпивку. Тогда они запретили будущему тестю использовать в угощениях определенные продукты, из которых, по их сведениям, и готовилась отрава. Поняв, что разоблачен, Ганнон вооружил 20 тысяч своих рабов и поднял восстание, призывая поддержать его окрестных ливийцев и нумидийцев. Однако устоять не сумел. В присутствии всего города великого мореплавателя казнили вполне по-человечески по карфагенским меркам: высекли розгами до сползания кожи полосами, вырвали глаза, отрубили руки и ноги, а затем уж лишили и жизни.

Внук его — Бомилькар — тоже пытался провозгласить себя царем, потерпев поражение от сицилийского тирана Агафокла, но был распят.[\[39\]](#)

Такие частые государственные попытки переворотов были возможны не только из-за слабости политического строя, но и из-за отсутствия у Карфагена собственной армии. Они собирали ее лишь накануне войны, при этом сухопутные войска состояли из наемников и подвластных народов. Африканские подданные (насамоны, лотофаги, псиллы, махлияне и другие), вооруженные длинными копьями, служили в пехоте и коннице и составляли цвет войска. Испанцы, вооруженные большими мечами, служили в тяжелой пехоте. Галлы, нагие до пояса, набирались из самых диких, не имеющих понятия о пощаде, галльских племен. За деньги же служили карфагенянам лигуры, кампанцы и греки. Конница была нумидийская и составляла главную силу войска. Впереди обычно выступали балеарские пращники. За ними выступали слоны, игравшие роль современных танков, и только потом в центре вступала в бой пехота, а по флангам — конница. Сами карфагеняне служили в священном отряде, который играл роль телохранителя полководца, предпочитая не ввязываться в битву без самой крайней необходимости. В мирное время армия была незначительна и состояла из гарнизонов в подвластных городах.

Как ни удивительно, падение Карфагена началось с одного из его самых великих героев — Гамилькара Барки, который во время Первой пунической войны "посеял семя раздора и партий".

До 264 года до н. э. Рим и Карфаген как бы не замечали друг друга, занятые своими делами. Рим покорял Апеннинский полуостров, у Карфагена были свои интересы. Но по мере роста обоих государств, мир становился для них тесен. "Яблоком раздора" стала находящаяся между ними Сицилия. Карфагеняне, являясь владыками морей, поначалу с очень большим пренебрежением смотрели на попытки Рима создать собственный флот. На первую битву у Ли-парских островов карфагеняне вышли, даже не имея четкого плана действий, полагая, что он у них давно в крови. Однако римляне применили новую тактику: абордажные крючья и мостики, по которым легионеры переходили на неприятельский корабль. Через четыре года карфагеняне выставили самый большой флот, насчитывавший 350 боевых трирем и 150 тысяч войска, и опять проиграли. После этого римляне высадились в Африке. Карфагеняне запросили мира, но консул Атилий Регул предложил невыполнимые для них условия. Карфагеняне собрались с духом, реорганизовали сухопутную армию и во главе ее поставили спартанца Ксантиппа. Римляне были разбиты, консул взят в плен. Шедший на выручку римский флот попал в бурю и затонул. Уже праздновавшие победу римляне оказались у разбитого корыта. Они собрали новые войска и построили новый флот, но и его разметала буря. И даже третий флот постигла та же участь. Денег у Рима больше не было, к тому же новый карфагенский полководец в Сицилии Гамилькар Барка смелыми и неожиданными рейдами постоянно

тревожил приморские города Италии. И все-таки стратегическое положение Рима было более выгодным: он блокировал с суши последние карфагенские твердыни в Сицилии, хотя и не мог их взять без флота. Тогда римляне прибегли к крайнему средству: заставили богатых граждан на собственные деньги снарядить 200 пятипалубных кораблей. Этот флот разбил карфагенян. Они запросили мира. Условия его были очень тяжелые: Карфаген лишался Сицилии и должен был выплатить контрибуцию в размере 3200 талантов серебра (84 тонны). Без выкупа пришлось вернуть и пленного консула, и других, пленных.

Тяжелая ситуация Карфагена усугублялась еще и тем, что в Африке подняли восстание наемники, которым нечем было платить, и ливийские крестьяне. Руководили ими ливиец Матос и беглый раб Спендий. С напряжением последних сил восстание удалось подавить вернувшемуся в Карфаген Гамилькару Барке.[\[40\]](#)

После этого республика раскололась на аристократов, ратовавших за мирные отношения с Римом, и демократов, жаждавших реванша. Последних возглавил Гамилькар. Он понимал, что римляне и следующую войну постараются перенести на земли Африки, успех же карфагенянам могла принести только наступательная война на территории противника. Самым уязвимым для Рима местом была Цизальпинская (то есть лежащая по эту сторону Альп) Галлия. Гамилькар решил напасть на нее через Иберию: во-первых, здесь были большие месторождения серебра, чтобы пополнить оскудевшую казну; во-вторых, воинственные племена иберов и кельтов, которые отлично зарекомендовали себя как наемники. Сюда он и отправился спустя четыре года после окончания первой войны. Скоро, однако, он погиб в схватке с иберами. Карфагенскую экспансию возглавил его зять Газдрубал. Ему удалось завоевать большую часть Испании и построить опорную базу Новый Карфаген (ныне Картахена). Это вызвало вторую войну. Но и Газдрубал погиб от иберийского меча. И тогда на историческую сцену вышел один из самых выдающихся полководцев истории — Ганнибал. История перехода войск Ганнибала через Альпы и его четырнадцатилетние блуждания по Италии описаны во многих книгах, как древних, так и современных. Ганнибал не потерпел в Италии ни одного поражения, он нагнал на римлян такого страха, что и через сто лет они вздрагивали при упоминании его имени. Но после каждого поражения у Рима вместо одной армии появлялось две. Главным противником Ганнибала оказался престарелый Фабий Максим, избравший тактику ухода от боя.[\[41\]](#) Постепенно армия Ганнибала таяла, к тому же римляне, собрав остатки сил, высадили в Африке экспедиционный корпус во главе с Публием Корнелием Сципионом. На сторону римлян перешел нумидийский царь Масинисса, имевший по тем временам одну из лучших конниц в мире. Ганнибалу пришлось вернуться в Карфаген. В 202 году до н. э. Сципион и Ганнибал сошлись в битве при Заме. Римлянам удалось разбить карфагенян, следуя тому же плану, по которому четырнадцать лет назад уничтожил их Ганнибал при Каннах. У Карфагена не было ни денег, ни армии, чтобы продолжать борьбу.

По мирному договору за африканской республикой остались только окружающие ее земли. Она обязалась выдать все военные суда, за исключением десяти трирем, и выплатить 10 тысяч талантов контрибуции. Но роковым для нее оказалось третье условие: не воевать без разрешения Рима.

Удивительно, что даже в этой ситуации Карфаген опять явил миру свою живучесть и цепкость. Новых торговых контрагентов он нашел на востоке Африки. Постепенно он оправлялся, хотя политические дразги в городе достигли апогея. Демократы и аристократы уже открыто ненавидели друг друга. Появилась третья — партия патриотов. Этой ситуацией воспользовался нумидийский царь Масинисса. С педантичной последовательностью он стал захватывать последние колонии Карфагена. В самом городе Масинисса посредством золота создал собственную партию, которая вела себя так, что ее пришлось выгнать из

города. Карфагеняне отправили в Рим посольство, жалуюсь на агрессивного нумидийца. Сенат не только одобрил захват земель, но еще и присудил карфагенян к штрафу на том основании, что во времена, когда сами римляне еще сидели на деревьях, эти земли уже принадлежали кочевникам. Воспользовавшись такой неожиданной поддержкой, Масинисса продолжил захват карфагенских территорий. И терпение финикийцев лопнуло. Однако Масинисса разбил наспех собранное карфагенское войско.

Между тем в самом сильно разбогатевшем за счет ограбленных Карфагена и Греции Риме торговцы, ростовщики и нувориши активно ратовали за физическое уничтожение торгового конкурента. Карфаген со своими богатствами был для них как бельмо в глазу. Парадоксальным образом во главе их встал Марк Порций Катон, проповедовавший жизненный принцип "Ничего лишнего!" и возврат к древнеримским обычаям, где не было места ни разврату, ни продаже государственных должностей, ни сутяжничеству, ни другим порокам, порожденным не пристроенными к делу деньгами. Это был типичный кулак. Людей, которые на завтрак употребляли паштет из языков фламинго, он мог бы задушить прямо во время приема пищи. И все-таки они столкнулись. Каждый день Катон приходил пешком из своего имения на форум и бубнил сакраментальное: "Карфаген должен быть разрушен". Он лез с этой фразой повсюду. Если в кулуарах сената, гадко подхихикивая, обсуждали поведение какой-нибудь патрицианки Лесбии, Катон тут же встревал: "Конечно, Лесбия — шлюха! И мать ее была шлюха! И бабка! И прабабка! Но Карфаген все-таки должен быть разрушен". Этот добровольный, восьмидесятипятилетний морализатор с замашками современного терминатора, готовый бесплатно любого учить любому, до того надоел римлянам, что даже в самые гуманистически настроенные головы стала проникать мысль: "Интересно, если все ж разрушить Карфаген, Катон сменит пластинку?" Но Катон не мог ничего изменить, психика его была подорвана с самого рождения. Все детство и отрочество будущего защитника древнеримских обычаев пугали перед сном Ганнибалом, в юности он, вместо того чтобы обхаживать прабабку Лесбии, еле унес ноги от Ганнибала при Тразименском озере, да и в последующих битвах ему здорово досталось. И его страх перед Карфагеном разделяло большинство лысых или седовласых сенаторов.

Катон и римские торгаши добились своего: воспользовавшись военным столкновением между нумидийцами и карфагенянами, римляне обвинили последних в нарушении мирного договора, в котором они обещали не начинать войн без разрешения Рима. На этом основании Карфагену была объявлена третья война. Катон проводил римскую армию в Африку, помахал вслед с пирса, потом вернулся в родное имение и в тот же день умер совершенно счастливым.

Карфаген, увидев под своими стенами римскую армию, готов был принять любые условия. Римляне потребовали выдачи заложников, оружия, военных материалов и метательных орудий. Они не рассчитывали, что на следующий день получат все, они ждали, что карфагеняне начнут оправдываться и торговаться. Поэтому в первую минуту римляне растерялись и выставили дополнительное требование, однозначно указывавшее что римляне прибыли сюда не восстанавливать нарушенную мирным договором справедливость, а мстить за все свои прошлые страхи и за то, что семиты-карфагеняне гораздо лучше умели вести торговые дела по сравнению с ними, потомками Венеры. Римляне потребовали, чтобы карфагеняне перенесли свой город в глубь страны. Помимо голодной смерти в пустыне это означало и полный отказ от торговли. В порыве отчаянья было принято решение бороться до конца. Карфагеняне попросили тридцать дней на раздумье и в глубокой тайне стали готовиться к сопротивлению. Были укреплены стены, возведены новые укрепления, выковано оружие и изготовлены метательные машины, канаты, к которым карфагеняне сделали из волос женщин. Было проведено всеобщее вооружение населения и собраны средства на вербовку наемников.

Первые попытки взять Карфаген штурмом окончились полным провалом. Началась затяжная осада. Непривычный климат и болезни косили римлян, дисциплина и боевой дух быстро падали. А тут еще помер Масинисса, и завоеватели остались без союзника. "Да и карфагеняне, видя бессилие римлян, осмелели. Они делали удачные вылазки, отряды наемников донимали римлян по всей территории.

Сенат в Риме с тревогой наблюдал, как разворачиваются события в Африке, и в 147 году до н. э. был назначен новый главнокомандующий — Сципион Эмилиан. Он был внуком Сципиона Африканского, победившего Ганнибала в битве при Заме, и отличался невероятным честолюбием. Когда перед поездкой в карфагенскую армию Аппий Клавдий, с которым Сципион соперничал за цензорство, похвалялся, что сам он каждого римского гражданина приветствует по имени, а Сципион не знает почти никого, тот ответил:

— Ты прав, я старался не о том, чтобы всех знать, а о том, чтобы все знали меня.

Уже находясь в Африке, Сципион разжаловал одного юношу из всаднического сословия за то, что тот устроил богатый пир, подал к столу медовый пирог в виде города, объявил, что это Карфаген, и предложил наброситься на него и уничтожить. Юноша добрался до Сципиона и спросил, за что его разжалуют в простые легионеры.

— За то, что ты взял Карфаген раньше меня, — ответил Сципион.

Злость его вполне объяснима, так как накануне ему приснился дед и устроил что-то вроде выволочки. Пересказ этого сна сохранил Цицерон:

"Мне явился Сципион Африканский Старший с теми чертами, которые были мне знакомы скорее по его портретам, чем по смутным воспоминаниям раннего детства. Я узнал его и затрепетал, но он сказал: "Ободришься, прогони страх, Сципион, и запомни всё, что я тебе скажу. Видишь ли ты этот город, который я вынудил повиноваться римскому народу и который сейчас возобновляет старые войны с нами и не может успокоиться (и он показал мне Карфаген с возвышенного места, светлого и лучезарного, усеянного звездами)? Видишь ли город, который ты, еще почти простой солдат, пришел сегодня осаждать? Через два года, мой консул, ты его низвергнешь и завоюешь сам то прозвище, которое унаследовал от меня. Ты разрушишь Карфаген и достигнешь триумфа".

Он восстановил пошатнувшуюся дисциплину, изгнал из лагеря проституток и торговцев, разгромил отряды, действующие у римлян в тылу. Одновременно была построена система укреплений и плотин, которыми город оказался отрезан от внешнего мира. Когда в Карфагене начались голод и повальные болезни, был предпринят общий штурм. Шесть дней продолжались бои на стенах и улицах, приходилось брать с боем каждый дом, воевать с женщинами и детьми.

По решению сената город был стерт с лица земли уцелевшие жители проданы в рабство, а на землях Карфагена организована новая римская провинция Африка, поместья карфагенян перешли в собственность ветеранов пунических войн. Неисчислимая добыча осталась у государства. Управлялась эта территория римским проконсулом, который устроил свою резиденцию в соседней Утике.

Много веков спустя Герен по поводу разрушения Карфагена сказал: "Величие Рима было основано на каменной горе, величие Карфагена — на золотом песке".

(Надо сказать, что в 146 году до н. э. новые властители мира, римляне, словно с цепи сорвались. Отомстив карфагенянам, они вдруг вспомнили, что в Греции еще живы потомки ахейцев, которые когда-то разрушили Трою и вынудили их предка Энея мотаться по морям. Ахейцы в тот момент сплотились в Ахейский союз, желая освободить Грецию от римлян. Однако и тут силы были неравны: в битве при Истме в этом же году ахейцы были разгромлены. Консул Луций Муммий захватил и точно так же, как Карфаген, стер с лица земли древнейший и знаменитейший Коринф. Римские солдаты играли в кости на выброшенных из храмов картинах величайших художников и проигрывали друг другу скульптуры Фидия, Мирона и Поликлета.)

Но, прокляв Карфаген, римляне первыми и нарушили свою клятву. Сделал это, как ни странно, Гай Юлий Цезарь. В 44 году до новой эры он восстановил Карфаген как главную резиденцию римлян в Африке и назвал Colonia Julia Carthago. При его преемнике Августе город активно застраивался великолепными по красоте зданиями и разрастался. Особенно интенсивно велось строительство при Адриане и Септимии Севере. В 1 веке н. э. Карфаген превратился в город мирового значения, столицу древнего Магриба. Конечно, это уже был не тот, пунийский Карфаген: бал здесь правили римляне, бывшие legionеры и вольноотпущенники. Они построили типичный провинциальный город с цирком, амфитеатром и множеством храмов, позднее превращенных в христианские базилики.

Однако дух разрушенного Карфагена продолжал витать над новым городом. Этот призрак даже умудрялся мстить за себя. Первым пал правнук Катона — Марк Порций. Ровно через сто лет он, устав спастись бегством от своего заклятого врага Цезаря, покончил жизнь самоубийством в Утике — ближайшем к Карфагену городе, тоже пунийской колонии. Прошло еще сто лет, и призрак Карфагена (скорее даже, Дидоны) отомстил, чуть ли не всем семьям патрициев и римских нуворишей, сделавших состояния на бедах его жителей.

Дело было так. Примерно в 63 году в Рим прибыл некий Цезеллий Басс, родом из вновь отстроенного Карфагена. С помощью подкупа он сумел пройти к властителю империи — принцепсу Нерону, в то время как раз закончившему с сумасбродством, но еще только начинавшему проявлять признаки сумасшествия, — и рассказал, что на своих землях он обнаружил пещеру не мерянной глубины, а в ней — неисчислимыe груды золота, причем не в монетах, а по-старинному — в грубых слитках. Там же внутри есть и храм, стены которого сложены из золотых кирпичей, и колонны тоже из золота. По его, Цезеллия Басса, мнению, сокровища эти были спрятаны царицей Дидоной, основательницей Карфагена, дабы ее новый народ сразу же не погряз в лени и разврате и не стал легкой добычей окрестных и жестокосердных нумидийцев и троглодитов. Возможно, она думала и о черном дне Карфагена, который через семьсот лет и объявил Сципион Африканский знаменитой на весь мир фразой.

Денег у финикийцев всегда было не меряно, к тому же давно уже ходили легенды о зарытых и запрятанных в пещерах вокруг Карфагена сокровищах. И вообще, весь рассказ Басса показался Нерону правдоподобным: во-первых, потому, что он считал себя любимцем богов и ждал от них соответствующих милостей и подарков; во-вторых, потому, что Басс тоже был сумасшедшим, как выяснилось впоследствии.

Итак, они поняли друг друга без вмешательства врачей. Нерон даже не послал кого-нибудь из доверенных лиц с проверкой, но тут же велел снарядить триеры и посадить на них отборных гребцов, чтобы побыстрее добраться до Карфагена.

В это же самое время справлялись Неронии — праздник, аналогичный Олимпийским играм, только не в честь Зевса, а в честь Нерона. Ораторы, выступавшие там, изощрялись в раболепии, красноречии и лести на тему, что сама Мать-Земля возлюбила Нерона и римский народ паче других своих детей и одарила своими африканскими богатствами, которые подлые пунийцы пытались скрыть. Пропаганда была столь мощной, что в Риме не осталось ни одного здравомыслящего человека, все поверили в сокровища Дидоны. Не найти их уже было и нельзя, так как Нерон, не дожидаясь результата, истратил на игры в свою честь и раздарил любимчикам и народу весь остаток государственной казны. Он и раньше сорил народными деньгами без совести и устали, а тут траты его стали просто безудержны. При этом он всегда восхвалял Калигулу, который чуть ли не за год умудрился промотать многомиллиардное наследство Тиберия и Августа. "И ожидание несметных богатств стало одной из причин обнищания государства", — с грустью пишет Тацит.

Цезеллий Басс, прибыв на родину, с помощью прикомандированной к нему когорты преторианцев согнал местных жителей и деятельно принялся рыть землю их руками. Каждый раз, переходя на новое место, он клятвенно заверял, что именно здесь находится искомая пещера. Солдаты и крестьяне перекопали весь его надел на два человеческих роста в глубину, затем землю окружавших его соседей, затем — соседей соседей. Будь Басс поумней или не настолько сумасшедшим, он сказал бы, что виной всему колдовство и чары: соблазнили и не отдали. Он же ходил изумленный более других, пока однажды не заявил:

— Удивительное и небывалое дело! Все мои предыдущие сновидения неизменно сбывались. И вот впервые Морфей обманул меня.

Тут, наконец посланные поняли, с кем имеют дело, и прекратили поиск. По одной из версий, Басс в страхе перед возмездием сам покончил с собой, по другой, его бросили в темницу, но впоследствии, признав невменяемым, выпустили, конфисковав все имущество на оплату раскопочных работ.

Конец этой истории наиболее грустен и поучителен для всех, кто готов голосовать на выборах за первого встречного.

Обеднев почти до нищеты, задерживая жалованье солдатам и выплату наград ветеранам, Нерон перешел к вымогательствам и убийствам, действуя откровенно грабительскими методами. Он принял закон о завещаниях, по которому наследовал не половину, как принцепс и как раньше, а пять шестых; если же в завещании обнаруживалась какая-либо скрытая неблагодарность в отношении его, он забирал все. А чтобы такая неблагодарность обязательно обнаруживалась, он постановил, чтобы закону об оскорблении величества подлежали любые слова, на которые только сыщется обвинитель. Таких стукачей-обвинителей он награждал подачками, поэтому число их быстро выросло, а Рим онемел.

Потом Нерон приказал городам империи вернуть полученные от него и предыдущих императоров подарки, а золотые и серебряные изваяния многих храмов отдал в переплавку. В дальнейшем Нерон стал

грабить богатых частных лиц и патрициев. Каждый раз, подписывая смертный приговор, он повторял:

— Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось.

И по воле императора с признаками кренинизма и матереубийцы погибли тысячи людей, все — цвет Рима, в том числе поэт Лукан и философ Сенека. А когда терпение уцелевших патрициев и солдат лопнуло, ему осталось лишь сказать:

— Какой артист умирает!

Но если серьезно, могли ли у Дидоны быть такие Деньги? Разумеется, нет. Она бы просто не переправила на кораблях столько золота, да и в Тире не дураки сидели, чтобы позволить. Но Карфаген впоследствии стал богатейшим городом, и его наученные жизнью старейшины не могли не предполагать, что когда-то наступит черный день. Следовательно, они обязаны были позаботиться о том, чтобы преодолеть его по возможности безболезненно. Стоит вспомнить и о том, что легенды о сокровищах на пустом месте не рождаются. Для примера приведем хотя бы нашего Стеньку Разина. Всем известно, что сокровища у него были. Всем известно, что у него их при аресте не оказалось. Всем даже известно, в каких урочищах на Волге они зарыты. В дело будто бы вмешалась нечистая сила, которая сторожит сундуки и которой "крестьянский революционер" продал душу. Поэтому не будет ничего удивительного, если однажды при раскопках какого-нибудь храма археологи и в самом деле натолкнутся на потаенную пещеру, набитую серебром и золотом. Честно говоря, сделать они могли бы это прямо сейчас, применив глубинную и широкомасштабную георазведку. Но, возможно, "неприкосновенный запас" находится где-нибудь в ближайших горах. Гадать бессмысленно, надо искать, ибо в случае успеха о двух с половиной тоннах золота, найденного у Тутанхамона, будут говорить как о рядовом кладе.

Дальнейшая судьба уже римского Карфагена не менее печальна. В 439 году он был захвачен вандалами, после чего пунийский язык прекратил свое существование, в 553 году — византийским полководцем Велизарием. Наконец, в 698 году его окончательно разрушили арабы. Против карфагенской конницы они выставили «верблюдицу», а до этих пор верблюда карфагеняне не видели, кони же их просто пришли в ужас и не слушались никаких понуканий.

Больше город не отстраивался. Побывавший здесь в 1068 году автор книги "Описание Северной Африки" Аль-Бекри обнаружил "многоэтажный дворец, который окружен мраморными колоннами, огромными по объему и высоте. На капители каждой из них могут рассестись двенадцать человек, поджав под себя ноги, а между ними еще расположится стол с едой и питьем. Колонны белые, как снег, и блестят, как кристалл". Ясно, что дворец этот построен из деталей разрушенных зданий.

Ныне руины Карфагена расположены в пригороде Туниса. Он не застраивается, являясь археологическим памятником под открытым небом. Но все ближе подвигаются к нему виллы местных богачей. Карфаген не желает умирать и по-прежнему притягивает к себе людей с тугими кошельками. Археологов, впрочем, он притягивает еще сильнее. Ими уже обнаружены руины городской стены, акрополя, порта, храмов пунийского периода, расчищены кварталы с прямыми улицами и стенами высотой до метра этого же времени. Но наиболее впечатляют руины римского времени.

В 1985 году мир облетела сенсационное известие: Карфаген подписал мирный договор с Римом! Мэр Рима Уго Ветере и мэр Карфагена (которого представлял генеральный секретарь Лиги арабских стран Шадли Кли-би) поставили под этим договором свои подписи. Ждать ли теперь Четвертой пунической войны?

Призраки пустынь

Если XV и особенно XVI век для Американского континента стали по преимуществу Испанскими, то для Африки они были явно Португальскими. Начиная с Васко да Гамы, придворного ловкача и великого мореплавателя "на час", караваны португальских судов очень скоро стали в акваториях Восточной Атлантики, а потом и Индийского и Великого океанов заурядным явлением.

Первые португальцы были поражены тем, что Индийский океан не просто густонаселен судами, но суда эти по своим навигационным качествам ощутимо превосходят их собственные корабли. Это был только первый взгляд: позже оказалось, что навигационные приборы «дикарей» по уровню выше европейских, а карты на порядок точнее. Недаром многие европейцы обратили взоры на Восток и отправились туда учиться — и не только морскому делу. Великий Меркатор, знаменитый картограф с европейской фамилией Крамер, больше половины жизни провел при турецком дворе: не только военные секреты влекли в незнакомый мир, но и тайны поважнее. Ведь это в его Мировом Атласе изображена Антарктида — континент, который предстояло открыть русским мореплавателям только в 1815 году. За сто пятьдесят лет до этого события Меркатор помещает в атлас карту, на которой не только воспроизведены точные контуры континента, но и сама Антарктида почти целиком свободна ото льда. А карта Южной Америки содержит точные контуры Амазонки, которая и в XX веке не спешила открывать свои загадки чужакам. Древность, с ее тайнами и секретами восточного долголетия, неведомых земель и точнейших географических карт (а это в первую очередь торговля и деньги), влекла на Восток ученых, картографов, моряков и пиратов. Все они понемногу были еще и купцами, солдатами.

Да, португальцы наводнили район Индийского океана пиратами и грубой военной силой. Они за короткий срок стали главенствовать на берегах Восточной и Южной Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Западная Африка поставляла миру дешевых рабов из диких племен, но Восточная интересовала португальцев гораздо больше: там существовала цивилизация, и уровень ее не только не уступал европейской, а кое-где и превосходил ее.

К сожалению, ни Фернан Мендес Пинто, ни другие путешественники не оставили обширных наблюдений, из которых был бы понятен высокий уровень культуры земли Зимбабве. Осознание этого факта пришло в Европу гораздо позднее — может быть, только в нашем веке. То есть тогда, когда было уже поздно осознавать, что мы потеряли.

Отдельные любители острых ощущений, путешествуя по Калахари, рассказывали, что видели то здесь, то там остатки громадных и удивительных африканских городов, настолько древних, что память о них стерлась у одичавших или изначально диких — кто теперь разберет? — племен. Города, в которых жили их предки, были центрами высокотехнологичной металлургической промышленности, основы жизни Восточной Африки и торговли с Индией, Китаем, Малой Азией. Ремесло зачахло, плавильные печи остановились, а ограбленные мастера сначала удалились в глубь Африки, а потом и вовсе сгинули без следа за какие-нибудь 80—100 лет. Ограбленные кем?

Португалия повела себя на берегах трех океанов как неразумный, неграмотный хозяин. Мушкетеры и базуки сослужили этой стране мореплавателей не самую верную службу. Власть на побережье, которая

обернулась полной несвободой для торговли и промышленности, вскоре стало не над кем держать: благодатные земли захирели, торговля и производство почти остановились. Если Персия или Индия выжили за счет хлопка и пряностей, то в Африке обширные территории, жившие за счет береговой торговли, государства мастеров и металлургов полностью пришли в упадок. Города, покинутые жителями, скоро сравнялись с землей, а по развалинам, кое-где видным из-под слоя песка, время от времени лавиной проносились стада антилоп, сметая на пути последние следы цивилизации.

Неудивительно, что редкие европейцы, коим удалось повидать остатки этих величественных городов, в Европе воспринимались как выдумщики, сказочники или откровенные лгуны. Город-призрак, вырастающий из бархана, стал символом путешественника, любящего все приукрашивать или надуть слушателей, выдавая за истинные подвиги — подвиги мнимые.

Именно за такого горе-путешественника был принят некий человек, которого звали Фарини, — американец, любитель поохотиться и набить карман. В Африку Фарини попал по собственной прихоти: разговорившись с бушменом, выступавшим в балагане, он вдруг страстно захотел в Калахари, где алмазы валяются под ногами. К тому же бушмен обещал, что даже если американец не найдет ни одного алмаза, у него никто не отнимет блестящей возможности пострелять быстроногих антилоп. Так Фарини, бедный бушмен Герт Лоу и сын Фарини, умевший фотографировать, оказались в начале 1885 года в Кейптауне. Наняв слуг-носильщиков, они купили волов, запрягли их в повозку и отправились в глубь Калахари.

Фарини не намечал маршрута: он ходил по пустыне то вдоль, то поперек и в результате уже в первые часы своего путешествия не смог бы указать на карте, в какой именно точке он находится. О том же, где он очутился всего через несколько дней, американец и вовсе не имел никакого представления.

Конечно же, никаких алмазов Фарини не нашел, но вот охота и впрямь была славной. Она увела его далеко от известных проводникам гор — единственному ориентиру в пустыне, если не считать пересохших рек.

И вот спустя неделю впереди показалась высокая горная вершина, о которой проводники подумали, что она-то им хорошо известна: это Ки-Ки. Но когда подошли ближе, оказалось, этой горы никто из африканцев прежде не только не видел, но даже не слышал о ней.

Но мы приближаемся к открытию американца, а следовательно, пора предоставить слово ему самому.

"Мы раскинули лагерь у подножия каменистой гряды, по своему виду напоминавшей китайскую стену после землетрясения, — пишет Фарини. — Это оказались развалины огромного строения, местами заваленного песком. Мы тщательно осмотрели эти развалины протяженностью почти в милю. Они представляли собой груду огромных тесаных камней, и кое-где между ними были ясно видны следы цемента. Камни верхнего ряда сильно выветрились. В общем, стена имела вид полукруга, внутри которого на расстоянии приблизительно сорок футов друг от друга располагались груды каменной кладки в форме овала или тупого эллипса высотой полтора фута. Основание у них плоское, но по бокам шла выемка. Некоторые из этих сооружений были выбиты из цельного камня, другие состояли из нескольких камней, тщательно подогнанных друг к другу. Поскольку все они были в какой-то мере занесены песком, я

приказал всем моим людям раскопать одно из них. Раскопки отняли целый день, так как африканцы не могли взять в толк, зачем понадобилось откапывать старые камни, — пустая трата времени. Я объяснил, что это остатки города, или места поклонения, и ему, возможно, несколько тысяч лет. А может быть, это место кладбища великого народа.

Мы раскопали песок в средней части полукрута и обнаружили мостовую футов двадцать шириной, выложенную крупными камнями. Верхний слой был из продолговатых камней, поставленных под прямым углом к нижнему слою. Эту мостовую пересекала другая такая же мостовая, образуя мальтийский крест. Видимо, в центре его был когда-то алтарь, колонна или памятник, о чем свидетельствовало сохранившееся основание — полуразрушенная каменная кладка. Мой сын попытался отыскать какие-нибудь иероглифы или надписи, но ничего не нашел.

Тогда он сделал несколько фотоснимков и набросков. Пусть более сведущие люди, чем я, судят по ним о том, когда и кем был построен этот город".

Через год Фарини сделал доклад в Королевском географическом обществе в Лондоне. В своем сообщении он заявил, что "затерянный город" расположен на 23,5° южной широты и 21,5° восточной долготы. Это было довольно смелое заявление. Как стало ясно значительно позже, погрешность, с которой было указано место на карте, составляла десятки миль.

В 1933 году молодой фермер Н. Кютзее рассказал, что несколько лет назад, охотясь в районе к востоку от Носсоба, он видел каменное строение. Кютзее не был археологом и не стал задерживаться, чтобы получше осмотреть развалины, но и причин для выдумок у него не было. Место, правда, он запомнил весьма приблизительно. Тем не менее, археолог Ф. Пейвер немедленно выехал из Иоганнесбурга в Апингтон, где еще застал в живых Яна, который был проводником у Фарини. Старый Ян помнил дорогу, но развалины его совершенно не интересовали, он с удовольствием вспоминал охоту, но не груды камней.

Экспедиция решила обследовать средний из трех притоков реки Носсоб. Пробираясь по высохшему руслу, машины с трудом одолевали за день тридцать миль, расходуя по пять литров бензина на каждые семь миль, так как колеса утопали в песке. Скоро Пейвер потерял следы протока, а на следующий день проводник сознался, что никогда еще не заходил Дальше этих мест. Тем не менее, экспедиция двинулась дальше, пока не миновала единственный ориентир на площади в две тысячи квадратных миль.

Поплутав по стране дюн, экспедиция вернулась другим путем. Пейвер вынужден был признать: "Когда вы увидите эту пустыню, вы поймете, что можно месяцами бродить среди песчаных дюн и даже близко не подойти к тем местам, где расположен "затерянный город"...

В 1947 году доктор Борчердс, проживавший в "Апингтоне", сообщил исследователю Лоуренсу Грину, что два человека недавно побывали в "затерянном городе". Но он не смог назвать их имен, так как фермеры охотились там незаконно... Была снаряжена третья экспедиция, которая долго колобродила по пустыне, но находила лишь ямы, вырытые животными в поисках соли. Наконец, им попался высохший колодец: хоть какой-то след человека. Через три дня блужданий экспедиция наткнулась на тот же колодец, поверх своих следов они различили следы маленькой ступни, но никого не нашли вокруг.

Когда они вернулись в Апингтон, сержант полиции рассказал, что много лет назад во время объезда он наткнулся на древнюю каменоломню. Там он видел несколько обтесанных камней. Каменоломня была как раз в районе "затерянного города". Сержант откопал в песке остов лодки длиной метров в пять.

В последующие годы многочисленные попытки добраться до "затерянного города" на джипах и пешком, тем не менее, кончались неудачей. Большие надежды возлагались на авиацию и аэрофотосъемку, способную обнаружить даже канаву, вырытую пять тысяч лет назад. Но в пустыне нет растительности, которая укажет канаву, а пески все время движутся, меняя очертания дюн.

Зимбабве — огромная территория, включающая в себя так называемый Бечуанлендский регион, куда входят Трансвааль, Южная и Северная Родезия, часть Центрального Конго и часть ЮАР. А сами африканцы относят к понятию Зимбабве и еще некоторые территории. Смотря, по какому принципу считать: если по землям, населенным бушменами, — это одно, а по заброшенным рудникам — другое...

Большой Зимбабве обнаружили почти тогда же, когда совершил свое путешествие в Африку любознательный Фарини. Некий старатель Поссельт начал обшаривать развалины Зимбабве в 1888 году — на предмет золота, о котором и сейчас ходят легенды. На землях народа машона и матабеле не знали "бронзового века": золото в качестве простого металла использовалось даже для наконечников копий и стрел. Потому ученые и называли Африку «железной», что цивилизация, и весьма высокая, развивалась там повсеместно с поздним открытием секрета железа и множества его месторождений.

Зимбабве возник на остатках прежних строений, ибо в Африке народы и государства беспрерывно сменяли друг друга, ассимилировались, разделялись и уходили, но для расселения использовали "подготовленную почву". В результате возникший в VII веке и просуществовавший до XVIII века, примерно 1100 лет, Зимбабве представляет собою "слоеный пирог". Его фундаментам значительно больше лет — V–VI века н. э., — но и это не предел: начала никто не искал. Хотя раскопки 1958 года, осуществленные Саммерсом и Робинсоном, показали, что прежние строения существовали в этом городе с начала нашей эры и принадлежали народу, знавшему секрет добычи железа из руды.

Несмотря на то, что европейцам, особенно живущим в Африке и теперь, с трудом верится в то, что величественные сооружения Зимбабве дело рук только африканцев, это, в самом деле, так. Уникальна не только архитектура, повторяющая во многом исконно африканский стиль "малых форм", — овалы или круглые дворцы, похожие на глиняно-тростниковые хижины, встречаются повсеместно. К тому же сухая кладка (дворцы построены из одних только камней, без применения раствора) распространена почти по всей Африке. Эллиптическое здание длиной 90 и шириной 60 метров, стены из отесанного гранита высотой 10 и толщиной до 6 метров. Это здание многими всерьез считается копией дворца царицы Савской, а так называемый «Акрополь» — храм на холме — воспринимается как копия храма царя Соломона на горе Мория. Мнение укоренилось еще со времен Рэндолса, который забрел в Большой Зимбабве в 1868 году, или Моуха (1872), геолога, считавшего, что вся архитектура Зимбабве — копия северной и чуждой негритянскому населению.

В какой-то степени они тоже правы: ведь города на побережье действительно испытали влияние индийской или арабской культур. Только не континентальные города, к которым относится Зимбабве или Гебель Ури в Западном Судане — ископаемый город-сказка.

Ярко выраженные африканско-негритянские черты отличают и чисто исламские города средних веков. Например, город Геди, открытый в 1953 году Киркманом. То же можно сказать и о Тимбукту, Гао и Кумби Сале, царствах хауса, городах-государствах Ифе и Бенин.

Смена и преемственность "железных обществ" обусловлена тем, что города побережья интенсивно торговали с Внутренней Африкой, куда доступ чужим был закрыт. Внутренние города не только получали возможность существовать, но и развиваться: Мапунгубве, Ниекерк, Пеналонг, Ками и другие.

В 1932 году фермер-старатель Ван Граан, прослышав от аборигенов о "священном холме", решил найти его. По преданию, даже говорить или слышать о Мапунгубве было смертельно опасно, но все же Ван Граан нашел одного африканца, преодолевшего вековой страх и указавшего фермеру не только сам холм высотой около 30 метров и окружностью основания около 300, но и путь на него. Пробившись сквозь заросли колючек, Ван Граан и его спутники увидели в расщелине каменные ступени... Поднявшись, «святотатцы» столкнулись с неожиданной опасностью: Мапунгубве был обнесен бруствером из громадных валунов, подпертых малыми камнями. Но любые опасности нипочем истинному искателю приключений: ведь плоскость холма, вероятно, значительно смытая и выветрившаяся к тому времени, была усеяна обломками керамики, из песка выглядывали кусочки меди и железа. А в размытых ливнями местах — блестело золото!..

Приятеля, раскопав грунт, добыли 75 унций золота — пластины, бусы, фигурки носорогов очень тонкой работы, золотую проволоку. Возвратившись, все пятеро (среди них был и сын Ван Граана) хотели молчать, но сын, учившийся в Претории у Фуше, все-таки отправил учителю часть находок и все ему рассказал. Фуше, в свою очередь, показал находки Пирсону, заместителю начальника монетного двора, тот обнаружил, что найденное золото очень высокой пробы, а также то, что это — первая находка кованого золота на юге Африки. К тому же находка Ван Граана оказалась первой никем не тронутой в целом регионе, она была объявлена национальным достоянием, и раскопки Мапунгубве поручили вести Университету Претории.

Недалекость и дикость африканцев — миф и заблуждение.

Возвращаясь к Васко да Гама, хочется сказать, что царедворец и в самом деле обнаружил в Африке грубость и неотесанность. Но обнаружил ее среди своих же португальцев!

Город проклятых царей

Огонь сигнального костра, последнего в долгой цепи, высветил с вершины соседней горы скалистый холм высотой 278 метров над уровнем моря и громадные каменные лики двух львиц над воротами в город-крепость. Уже больше 3000 лет, с 1250 года до н. э., эти львицы, встав на задние лапы, а передними упершись в основание разделяющей их колонны, глядят на путников с запада Пелопоннеса.^[42] Вся скульптурная группа, врезанная в 6-метровой толщины крепостную стену 1100-метровой длины циклопической кладки — из огромных, неровной формы, грубо отесанных камней, — опирается на 20-тонную плиту. В пороге 3-метровых Львиных ворот треугольной формы, закрываемых известняковой плитой, остались колеи от колес бесчисленных колесниц и телег, въезжавших в Микены. Эти ворота давно уже стали визитной карточкой Микен, и изображение их тиражируется почти в каждой научно-популярной книге по археологии, хотя львы имеют к городу умозрительное отношение, ведь само слово «Микены», как считают, произошло от индоевропейского, которое в русском языке сохранилось глаголом "мычать".

Теперь в Львиные ворота въезжали колесницы царя Агамемнона, вернувшегося из похода на Трою. Народ криками встречал властителя Микенского царства и предводителя ахейского войска. Агамемнон забыл о том, что царю всегда надо быть осторожным, что он принес в жертву родную дочь Ифигению. Царь расслабился, почувствовав себя дома и в безопасности. Некогда Агамемнон убил лань, посвященную богине Артемиде, и она запретила ветрам дуть в паруса ахейских кораблей, направляющихся в Трою. Агамемнон по требованию прорицателя Калхаса обманом выманил Ифигению из Микен: он передал жене Клитемнестре, что их дочь берет замуж Ахилл. Жену он с тех пор не видел.

К своему городу Агамемнон подъехал на колесницах, потому что от побережья Аргонидского залива он находился на расстоянии 18 километров, на краю Аргонидской котловины в горах. Нелегко было доставлять в Микены и несметные сокровища, которые привез с собой из поверженной Трои Агамемнон. Их надо было ритуально освятить в святилищах богов, находящихся в царском дворце. Храмов, как таковых, то есть поражающих великолепием культовых зданий, в Микенах, как и во всей Греции эпохи крито-микенской культуры, не было. В самом городе обнаружены остатки двух небольших святилищ — 10,5 x 11,5 метра, зал и прихожая, колонны, в центре очаг. Во дворце царя святилища были более украшены, но по сути такие же. Затем Агамемнону надлежало разделить добычу войны между знатью Микен и других подвластных городов; большую же часть он намеревался сложить в сокровищнице.

Агамемнон вышел из колесницы, едва въехав в Львиные ворота: далее дорога шла круто вверх, к акрополю с царским дворцом на скале, нависшей над воротами. Нижний город с мастерскими кузнецов "домом торговца оливковым маслом", "домом Цундаса", "домом сфинксов", "домом щитов" и, конечно, с древним кладбищем — остался справа. Слева — высеченные в скале ступени к акрополю. Клитемнестра торжественно встречала супруга: под ноги ему по всем ступеням до входа во дворец расстелили шкуры. Агамемнон ступал по ним босым, поднимался на акрополь. Это отличная смотровая и сторожевая площадка: вся Аргонидская котловина с протекающей по ней рекой Инах и городом Аргосом в центре видна как на ладони. В котловине — самое большое во всей Микенской Греции число построек — городов и селений. И все они подвластны Агамемнону.

Дворцовые сооружения имели большое количество помещений и сложную планировку. Усталого, запыленного Агамемнона ожидала ванна в специальной комнате, заставленной кувшинами с горячей и

холодной водой, поступавшей по водопроводу из подземного источника, бьющего из скалы. К источнику вели высеченные в скале ступени числом 96; они круто обрывались у цистерны глубиной 2 метра. Ради того, чтобы источник находился в пределах города, пришлось перенести крепостную стену. Водопровод, ванны, туалеты, древнейшие в Европе, находились и в других помещениях дворца, окружавших центральный двор с тронным залом. Также на акрополе был вырублен в скале подземный колодец. После омовения Агамемнон вышел из ванны с накинутым на голову покрывалом, чтобы облачиться в царские одежды и взять в руки лабрис — двуострую секиру, символ власти. Мужская одежда микенцев — набедренная повязка, сорочка-туника, мужская юбка, для праздничных выходов — длинная. Кожаные сандалии на ногах, на поясе — печати. Руки украшены перстнями. В подобном одеянии, запечатленном на фресках, царь должен был пройти в тронный зал. В этом зале (12 x 10 метров) посередине находился очаг, окруженный четырьмя колоннами, расширяющимися кверху. Инкрустированный потолок на стенах — фриз со сценами войны и охоты, длина его 46 метров. Вдоль стен располагались прилепившиеся к ним глиняные скамьи для посетителей. Алтари-столы для жертвоприношений находились в святилищах, вход в которые был в западной стене, несколькими ступенями вниз.

Тронный зал с очагом, называемый мегароном, явление неординарное для культур бронзовой эпохи; тем более для местности с мягким средиземноморским климатом. На не слишком далеком от Арголиды острове Крит к югу от Пелопоннеса никаких очагов в тронном зале Кносского и других дворцов не обнаружено. В то же время фрески в мегаронах материковой Греции указывают на общность крито-микенской культуры. Но опять-таки сюжеты фресок различаются: на Крите это изысканные сцены церемониальных процессий, знаменитых игр с быками, растительные орнаменты с египетским папирусом, мифические животные вроде бескрылых грифонов; в городах микенской цивилизации на фресках изображены сцены войны и охоты. Критяне не обносили дворцы своих царей крепостными стенами. И вообще расцвет микенской цивилизации совпал с катастрофическим упадком критской. Стойко держится версия, что микенцы и критяне два разных народа.

До начала II тысячелетия Пелопоннес населяли неизвестные нам народы, которых греки называли пеласгами, лелегами и карийцами. Пришедшие с севера ахейцы покорили их и заставили работать на себя. Они и построили дворец в Микенах, который занимал треугольную вершину крутого холма. Она была расширена за счет создания искусственной террасы из больших грубо отесанных глыб. По мифам, ворочать подобные камни, весом 5–6 тонн, могли только великаны, циклопы. Это, видимо, и есть покоренные коренные жители Греции. Из аналогичных же камней были сооружены и крепостные стены длиной около километра, окружавшие дворец кольцом.

Чрезвычайно важный для европейской и мировой цивилизации вопрос о том, кто же были создатели працивилизации в Европе, и особенно в Греции — праматери европейской культуры, — заставляет исследователей, как проявлять особую пристрастность к каждой информации и находке, так и осторожничать, темнить и невольно запутывать ситуацию эпохи бронзы: III–II тысячелетия до н. э. Это касается и Микен. В отличие от Трои, о которой никто не знал, где она находится, и была ли вообще, про Микены все знали, и знали их местоположение: уцелевшие Львиные ворота были видны на вершине холма без всяких раскопок. И все же понадобилась отвага Шлимана, чтобы в 1873 году приступить к раскопкам этого холма. Микены — второй город догомеровской античности, раскопанный Шлиманом и В. Дёрпфельдом.

Первый расцвет Микен пришелся на XVII–XVI века до н. э. Уже тогда микенские правители скопили

огромные богатства. Раскопанные Шлиманом гробницы также этого времени. К XV веку ахейцы объединились в конфедерацию и пошли войной на критского царя Миноса. По всей видимости, они победили, об этом говорит и наступивший с этого времени упадок на Крите, и то, что критский царь Идомей участвовал в Троянской войне как вассал Агамемнона. Веком-двумя позже ахейцы предприняли несколько попыток взять Египет с моря, но фараонам удалось отбиться. Тогда взоры алчных Атридов обратились на север, на хеттов, Трою и далее — на Понт Эвксинский.

Вся эгейская культура эпохи бронзы в науке названа крито-микенской. Однако, в отличие от признанного талассократа, властителя морей, — Кносского дворца на Крите, роль и значение Микен доныне предмет научных споров. Кто говорит, что главным городом древнего государства был Аргос, кто отстаивает союз аргонидских городов и колоний, кто робко предполагает главенство Микен: добротные мощные дороги, расходящиеся во все стороны от Микен, свидетельствуют об этом. И не только ведь за личную доблесть, которую Агамемнон так ни разу и не выказал, из всех героев Греции избрали именно его предводителем войска ахейцев. Очень редко встречающееся в надписях обозначение царя словом «ванакт» относится к микенскому предводителю. Из других должностей этого времени надписи упоминают «лавагета» — военачальника, и «телеста». Кто был последний, точно установить не удалось. В 1901 году Эд. Мейер выдвинул предположение: до нашествия дорийцев в Пелопоннесе существовало великое царство, охватывавшее весь Пелопоннес и ряд островов. В «Илиаде» говорится о скипетре Зевса, который, переходя по наследству от одного царя к другому, наконец, попал к Агамемнону:

Чтоб он над тьмой островов и над Аргосом всем воцарился.

Все местные властители Пелопоннеса должны были являться перед царем "конно, оружно и людно": от явки можно было откупиться, неявка же каралась разорительной пеней. Царем был Агамемнон. Остальные — басилеи, правители, лишь условно считавшиеся царями. В надписях из развалин дворца в городе Пилосе — резиденции мудрого Нестора, «ванакт» — микенский царь. Он приходит в Пилос, чтобы совершить обряд очищения огнем государственного очага — живым огнем из мегарона Микен.

Но не довелось Агамемнону на покое насладиться своей неограниченной властью. Клитемнестра с помощью своего любовника Эгисфа, двоюродного брата Агамемнона, правившего в Микенах в его отсутствие, зарубила мужа лабрисом, когда он выходил из ванны с накинутым на голову покрывалом. И тут же, потрясая окровавленным оружием, выбежала к народу на ступени дворца. Ликуя, объявила она о содеянном — не как о преступлении, а как о законной мести за смерть Ифигении и за узурпацию власти у законного властителя, сына Фиеста, Эгисфа. И народ признал ее правоту, а Эгисфа провозгласил царем. Правда, и Агамемнона похоронили по-царски.

Эта известная всем образованным людям история — тоже болезненный для европейцев вопрос. Вся Европа — наследница преступных и предательских деяний, разматывающая микенский клубок вкупе с проклятием рода Атридов. Правда, объяснение (не оправдание) убийства Агамемнона может крыться и в истинных результатах Троянской войны.

История Микен, как и других городов Аргониды, Беотии и вообще всей Микенской Греции, известна по зафиксированным в древней литературе мифам. Герои мифов — подлинные исторические личности, Они так же подлинны, как названия и географическое расположение городов, поселений, культурных

центров. В 1952 году шведский археолог М.П. Нильсен опубликовал труд, в котором подчеркивается поразительная согласованность мифов с археологическими раскопками значительных центров микенской цивилизации. Впервые, как известно, это доказал Шлиман. "Я смотрел в лицо Агамемнону", — телеграфировал он в 1874 году королю Греции после того, как держал в руках золотую маску из так называемой "гробницы Агамемнона", И хотя в это время еще не были найдены, а тем более расшифрованы надписи, сделанные древним письмом, Шлиман не сомневался, что Агамемнон говорил по-гречески, на том диалекте, которым воспеты его подвиги и преступления.

На самом же деле Агамемнон пришелец в Микенах. Он и его брат Менелай активнейшим образом вмешались в государственно-политическую жизнь Пелопоннеса эпохи бронзового века.

Название полуострова Пелопоннес ведется от Пелопса, искателя руки дочери местного царя Эномая Гипподамии. Пелопс подговорил возничего Эномая по имени Миртил перед конным состязанием вынуть чеку из колеса царской колесницы. За свою победу в состязании Пелопс обещал Миртилу разделить с ним власть и богатство Эномая. Царь Эномай насмерть разбился на испорченной колеснице. Пелопс женился на Гипподамии, а Миртила обманул, столкнув его со скалы в море. Падая же, Миртил проклял Пелопса и весь его род. Сыновья Пелопса — Атрей и Фиест — совершили много преступных деяний. По наущению матери Гипподамии они убили сводного брата Хрисиппа, сына их отца и нимфы Аксионы. Совершив убийство, братья укрылись у микенского царя Сфенела, сына героя Греции Персея, легендарного основателя Микен. Сфенел был женат на сестре их Никиппе. Их племянник царь Эврисфей — тот самый, на службе у которого Геракл совершил двенадцать подвигов, всякий раз возвращаясь в Микены за новым заданием. Эврисфей умер, не оставив потомства; таким образом Атрей, пришелец, стал царем Микен. Его брат Фиест позавидовал ему и украл царского золоторунного овна. Помогала ему жена Атрея Аеропа. Этому роду не везло с женами; возможно, в этом и состояло их проклятье. Адля Микен было пророчество: властвовать в них будет тот, кому принадлежит золотой овен. Фиест потребовал власти. Но на него разгневался сам Зевс-громовец. Его волею было решено: власть, таким образом добытая, не годится. Микенцы отказались признать Фиеста царем. Тому пришлось бежать, но он тайно увез сына Атрея Полисфена. Маченького племянника Атрей воспитал на чужбине в ненависти к родному отцу. Неудивительно, что, когда Полисфен вырос, он отправился в Микены убивать Атрея. Атрей же опередил его. И ужаснулся, узнав в убитом собственного сына. Чтоб отомстить брату, Атрей придумал план. Внешне примирившись с Фиестом, он позвал его в Микены. Тот вернулся охотно, но опять вместе с Аеропой стал строить Атрею козни. Атрей же тайно схватил сыновей Фиеста, убил их, приготовил их мясо и на пиру велел поднести это блюдо Фиесту. Зевс разразился громами! Гелиос повернул свою колесницу на восток! Фиест ел мясо и звал своих сыновей. Атрей принес ему их ноги и головы. А когда Фиест стал просить отдать ему трупы юношей, Атрей указал ему на угощение. Фиест проклял род Атрея и бежал к царю Эпира Феспроту.

Разгневанные боги наслали на Арголиду неурожай. Атрей обратился к оракулу — Дельфы находились неподалеку. Оракул ответил: Атрею следует вернуть Фиеста в Микены. Атрей разыскал сына Фиеста Эгисфа и воспитал его, как родного сына. Самого Фиеста тоже разыскали и, схватив, доставили в Микены сыновья Атрея — Агамемнон и Менелай.

Атрей заточил брата в темницу, желая убить его. Вероятно, по семейной привычке он поручил это сделать Эгисфу. Однако в темнице Фиест узнал родного сына. Тогда Эгисф пообещал истинному отцу убить Атрея. Когда Атрей поспешил к берегу моря, чтоб совершить жертвоприношения богам-олимпийцам, Эгисф исполнил клятву. Во время священнодействия он поразил Атрея ударом в спину.

Фиест и Эгисф стали царями Микен. Агамемнон и Менелай бежали в Спарту. Там Менелай женился на прекрасной Елене — дочери жены спартанского царя Тиндарея Леды и самого Зевса, который в обличье лебедя стал отцом Елены. Агамемнон женился на земной сестре Елены — Клитемнестре, затем возвратился в Микены, убил родного дядю Фиеста и стал царем. Эгисф, как известно, оставался в Микенах. По отбытии Агамемнона в Трою он стал любовником Клитемнестры, а через долгое время отомстил убийце отца руками своей любовницы, неверной жены Агамемнона. Впрочем, еще вопрос, чьей она была женой на самом деле: по одной из версий мифа Агамемнон отнял Клитемнестру у Эгисфа, которому ее обещал отец Тиндарей.

И Клитемнестра жестоко поплатилась за преступление. Интересно, что кроме одной дочери Ифигении, других своих детей она не любила. Когда во время Троянской войны троянец Телеф, тяжело раненый, попал в плен к ахейцам, ему было предсказано, что вылечит его тот, кто ранил; а это был Ахилл. Телеф избрал такой путь, чтоб заставить Ахилла вылечить его: под видом нищего, на костылях он пришел в Микены и, по совету Клитемнестры, схватил из колыбели ее маленького сына от Агамемнона — Ореста. И стал грозить разmozжить ребенку голову о жертвенник. Агамемнон испугался, призвал Ахилла. Ахилл удивился тому, что он почему-то должен исцелять раны. Однако Одиссей (вероятно, тайный врачеватель) посоветовал ему наскрести железа с конца его копья, смешать с землей и приложить к ране. Ахилл так и сделал, и Телеф выздоровел! Из этого эпизода видно, что, во-первых, ахейцам уже было знакомо железо, а во-вторых, ему приписывались чудесные свойства. Впрочем, если мифы в остальных своих частях не лгут, не верить в исцеление нет оснований. Кстати, единственный раз в микенских гробницах на пальце костяка нашли железное кольцо: золото ценилось ниже железа.

В запутанных семейных делах Агамемнона был замешан и Ахилл, желавший жениться на Ифигении. Когда девушку вели к жертвенному алтарю, Ахилл страдал от любви. Но Артемида не приняла страшной жертвы: вместо Ифигении нож жреца поразил лань, которой богиня подменила Ифигению, сама Ифигения стала жрицей храма Артемиды. Затаивший обиду Ахилл дождался своего часа. В дележ военной добычи вмешался Аполлон — дело о девах Хрисеиде и Брисеиде. В пылу ссоры Ахилл обозвал Агамемнона "пожирателем народа, пьяницей трусом, собакой".

Пленные троянки, вместе с привезенной в Микены Кассандрой, оплакивали Агамемнона, тайно посещая его гробницу. Вместе с ними ходила дочь Агамемнона и Клитемнестры Электра, которая ненавидела мать-убийцу. Сына их Ореста в то время не было в Микенах: о нем позаботилась нянька, отправив его далеко от родного гнезда.

Орест вернулся вместе с другом Пиладом. На могиле отца он встретился с сестрой Электрой. Та узнала брата по пряди волос. Было задумано и совершено последнее убийство. Брат с сестрой обманули Клитемнестру, сказав, что Орест умер. Та позвала Эгисфа, чтобы сообщить ему эту новость. Орест воспользовался моментом и убил обоих. Но сам он уже не смог стать царем Микен: вынужден был бежать, преследуемый богинями мщения Эриниями. И когда Аполлон добился прощения Ореста, было поздно: Микены, как и все города и поселения Микенской Греции, лежали в развалинах. Причина ужасной катастрофы остается тайной доныне. Известно только, что в конце XII века до н. э. Микены были полностью сожжены. Гибель приписывают извержению вулкана, гигантской волне, завоевателям; почти два «темных» века — XI–IX века до н. э. на землях Микенской Греции лежал слой пепла, и ничего не росло. Пожар был такой силы, что дворцовые стены из камня и необожженного кирпича обвалились и сплывались в единую

массу, по крепости не уступающую бетону. Впрочем, если и были какие-то природные катаклизмы, то вне всякого сомнения ими воспользовались хлынувшие примерно через сто лет после Троянской войны орды греков-дорийцев. Это были сами настоящие варвары, сметавшие все на своем пути, родословную они вели от Геракла.

Так начиналась история Европы. Род Атридов, а до него род Даная, пришельца в Аргос, 49 из 50 дочерей которого убили своих мужей. Это те самые данаиды, которые на том свете наполняют водой бездонную бочку. Казалось бы, отречься от таких предков, а не спорить об их происхождении. Но нет. Историческая наука предпочитает говорить о мифологической смене эпох с матриархата на патриархат. А ведь герои греческих мифов жили на самом деле, это их потомство судит и рядит о них. Например, о том, что микенские ахейцы — наследники минойских критян конца XIV века до н. э. Они селились на островах Эгейского моря, на Родосе, в Малой Азии, на Кипре. Или: Данай — прямой праотец микенских критян (ахейцы, аргивяне, данайцы). «Дануна», «дениен» — "народы моря" (XIII век до н. э.). Богатство Микен XIV века связано с приездом Даная в Аргolidу. Данай — сын Бела, мифического царя Египта (он же — вавилонское, карфагенское, финикийское божество, верховный бог). Данай — брат Египта, чьи сыновья и стали на одну ночь мужьями данаид. Интересно, что с переселением Даная в Европу зафиксирован упадок семитского народа гиксосов. По традиции, Данай прибыл в Аргос в 1510 году до н. э. следы ахейцев нашли и в клинописных надписях из Хеттского царства в Малой Азии — 23 текста. В них упоминался народ-страна «Ахийява» — ахейцев.

Миф из Аргolidской котловины — самый известный из сохранившихся. Однако странно, что уникальные находки в Микенах, в том числе архитектурные, послужившие причиной назвать всю бронзовую цивилизацию микенской, как-то неохотно обсуждаются в исторической науке. Слово находок там раз-два и обчелся. Только упомянут Львиные ворота, и сразу переходят к Кносскому дворцу, либо к городу Пилосу, либо к другим городам эгейской культуры.

Тем не менее все археологические находки в Микенах получают условные обозначения по мифологическим, легендарным фактам и именам. Начало положил Шлиман золотой "маской Агамемнона". Затем — "гробница Атрея", или "сокровищница Атрея", "гробница Клитемнестры", "гробница Эгисфа", с их несметными сокровищами.

Впрочем, сокровища Микен большей частью были разграблены еще в древности. Однако раскопки, начатые Шлиманом и Дёрпфельдом в 1873–1874 годы, затем продолженные в начале XX века Х. Цундасом, а между двумя мировыми войнами англичанином А. Д. Б. Уэйсом и американцем К.У. Биченом, принесли еще много находок, в основном сокровищ. В 1951–1953 годы раскопки вели греческие археологи И. Пападимитриу и Г. Милонас. Новые раскопки в Микенах производились в 1968–1969 году лордом У. Тейлором. Ведутся они и теперь.

Главные источники микенских сокровищ — древние захоронения. Первые могилы, 6 гробниц, получивших наименование шахтовых, Шлиман открыл в 1874 году в непосредственной близости от акрополя. По времени они соответствуют древнейшим слоям дворца — XIV век до н. э. Они входили в систему укреплений и были обнесены монументальным кольцом каменных блоков, образуя круг. Его называли круг А (с диаметром 27,5 метра), или круг Шлимана. Позднее там была найдена седьмая гробница. Шлиман считал, что это гробницы микенских царей. Они представляют собой вырубленные в скале

прямоугольные колодцы — склепы, закрытые сверху каменными плитами. В течение 150 лет в них были захоронены 19 человек — 9 мужчин, 8 женщин и двое детей. Впоследствии выяснилось, что существует круг Б, выходящий за крепостные стены. В круге Б обнаружено больше 20 гробниц. Методы захоронения в этом круге разнообразны — от «ящичковых», или «ямных», могил на 1–2 человек, одно-два погребения в сосудах, до больших шахтовых 3–4 метра в поперечнике.

Наиболее интересны так называемые купольные гробницы вне городских стен (толосы). Сама гробница помещалась в центре холма, к ней вел снаружи длинный спуск-коридор; подземная кладка купольных гробниц уникальна и нигде, кроме Микен, не встречается. Купольный свод могилы создавали путем постепенного выдвигания камней одного над другим, и в конце концов они смыкались. Строительное мастерство проявилось и в кладке стен могильной камеры, входа в нее. К купольным относятся "гробница, или сокровищница Атрея", а также "гробница Клитемнестры". Насчет "гробницы Агамемнона" есть версия, что она принадлежит Эгисфу. Противоположная версия утверждает, что гробница уже существовала за двести лет до рождения Агамемнона. Блок над входом в гробницу Атрея весил Ю тонн. Купол ее высотой 13 метров, а диаметр самой гробницы 14,6 метра. Вход в усыпальницу шел через длинный коридор длиной 36 метров, его стены были сложены из крупных блоков. Дверной проем в круглую камеру украшали две полуколонны из зеленого мрамора, покрытые тончайшей резьбой. Это самое мощное сооружение в Европе до Пантеона в Риме, построенного в 27 году н. э. Купольные гробницы были декорированы изнутри бронзовыми розетками и расписаны красками. К сожалению, все толосы были ограблены еще в древности, поэтому о богатстве похороненного здесь басилевса мы можем судить лишь по монументальной архитектуре.

В нижнем городе в Микенах был обнаружен еще один тип гробниц — камерные, числом 60; они проще и примитивнее купольных. Открытия могил продолжаются, не исключены самые неожиданные находки.

Покойников в Микенах хоронили так: клали на шкуру животного или на деревянный настил. Наверху ставили стелу. Возле гробниц в земле находили человеческие кости — они принадлежали жертвам, принесенным богам.

По предметам из гробниц мы судим об облике, нравах, политическом и общественном устройстве, уровне культуры микенцев. Их цивилизация намного превосходила по мастерству и искусству позднейшую, времен упадка. Поражает также география связей микенцев с другими землями, странами и народами.

Однако привозные вещи в Микенах легко отличить от местных. Ремесло высоко ценилось цивилизацией эпохи бронзы. На акрополе вблизи святилищ найдены следы кузнечной мастерской — факт, нигде, кроме Микен, не повторившийся. Кузницы всегда устраивали за городом, чтобы не спровоцировать пожара. Возле развалин мастерской была обнаружена настенная фреска — фигура женщины, в которой признали богиню коней Потнию (как говорят, мать Зевса).

Микенские бронзовые мечи из шахтовой гробницы инкрустированы благородными металлами. Воинский панцирь представлял собой полотняную рубаху с нашитыми на нее металлическими пластинами. Шлем микенского воина был войлочный, металл на него также нашивался пластинами.

Неповторимыми произведениями искусства предстают ритоны — золотые и серебряные сосуды для жертвенных возлияний: в виде львиных и бычьих голов, затейливо украшенных розетками и другими декоративными деталями, что не мешало реалистичности и экспрессии в их "портретном сходстве". Драгоценные кубки, чаши, золотые и серебряные цепочки, диадемы, кольца, богато украшенное оружие соседствовали с косметическими корзиночками, поясными пряжками с чеканкой, бронзовыми зеркалами, гребнями. Находки в мужских и женских захоронениях отличались лишь некоторыми предметами. Так, именно по вычеканенному на пряжке одеянию богини и одежде женщин на ручке из слоновой кости — узкий корсаж под обнаженной грудью, короткие рукава, длинные юбки со складками и оторочками, по женским прическам, изображенным на этих и других предметах, — завитые сзади волосы, подобранные в высокий хвост или собранные в греческий узел — и была «определена» купольная "гробница Клитемнестры" у входа в Микены. Разъяренные микенские львицы и на жертву, и на преступление, и на многочисленные празднества шли тщательно, изысканно убранными.

Но самыми уникальными открытиями были золотые маски на лицах покойных, не встречающиеся нигде, кроме Египта и Микен. Маски повторяют портретные черты тех, на кого они были надеты. Недаром спорят, чье лицо держал в руках Шлиман — Агамемнона или Эгисфа. А еще у исследователей теплится надежда, что одна из масок принадлежит Персею. Кстати, единственная маска из электрона — сплава золота с серебром — дает возможность предположить, что она также принадлежала историческому лицу.

Однако об искусстве микенских мастеров свидетельствует в первую очередь керамика. Именно она, а не золото и серебро, стала летописью быта и культуры Микен. Характерные черты керамики всей Микенской Греции — ее удивительная «домашность» росписи, изображений людей и сцен. Люди как живые смотрят на нас с колесниц, в том числе и управляемых женщинами, за веретеном, в сценах охотничьих и военных. Встречаются и орнаментальные изображения, порой с морскими темами; здесь улавливают критское влияние. Но история Микен все-таки читается по «своим» подробностям жизни. Герой непонятен или произвольно толкуется тот или иной ритуал. Но ошибиться в праздничных, или торжественных, или довольных будничных выражениях лиц невозможно.

Мелкая деталь — микенцы ели из глубоких тарелок; культура стола впоследствии подтвердилась списком кулинарных корней, прочитанном на глиняной табличке. И дичь, и рыбу микенцы приправляли изысканными соусами.

Керамические сосуды для оливкового масла, вина, зерна и других наполнений, а также сосуды для пожертвований богам отличаются собственной, микенской формой и росписью. Среди них встречаются и древнейшие, изготовленные без помощи гончарного круга; а со II тысячелетия до н. э. уже налажено поточное гончарное производство.

Встречающиеся в могилах чаши явно иноземного происхождения, например, критская чаша из горного хрусталя или, вероятно, египетский двуручный кубок из белого камня, неотличимого от мрамора; нефритовые печати из Вавилона лишь оттеняют самобытность микенских мастеров. Так же, как и многочисленные статуэтки, преимущественно женские, изваянные из слоновой кости, изображают не чужеземцев, а местных жителей. Встречаются изображения женщин со змеями или самих змей — тоже, вероятно, критское влияние. Удивительно, как мало иноземных, экзотических вещей положено в могилы на протяжении тысячелетий — ведь все богатство Микен — золото, серебро, драгоценные камни — было

добыто в войнах. Но над материалами трудились местные умельцы. В нижнем городе еще не до конца раскопаны внушительные развалины ремесленных кварталов, соседствовавших с общественными зданиями.

"Наземная" керамика, фрески и скульптура соответствуют могильным. Так, храм в Микенах — "дом Цундаса", археолога, наиболее основательно раскопавшего Микены, два небольших святилища, состоящих из зала и прихожей, с колоннами и центральным очагом, украшен полихромными керамическими алтарем и жертвенниками. Стены покрыты фресками. Там нашли 20 женских статуэток, 17 терракотовых змей, сосуды, наполненные украшениями. Интересно, что микенские ремесленники были и мастерами пародии — найдены статуэтки женских и мужских тел, изображенных в виде цилиндров на гончарном круге, гротескные головы, искривленные лица, пестрая раскраска. Среди этого «разнобоя» главенствует изящная фигурка из слоновой кости женщины-богини, держащей в руке ячменные колосья — вероятно, это Деметра.

Микенский пантеон ни у кого не вызывает сомнений; все боги — известные впоследствии древнегреческие боги-олимпийцы. Это Зевс, Дионис, Аполлон, Посейдон, Афина, Гермес, Гера, Артемида, Арес, Афродита, Гефест, Некоторый вопрос вызывает лишь богиня — владычица Мать-Земля: кто она? Впрочем, у микенцев встречаются упоминания о богах и их изображения, которые у классических греков уже отсутствуют. Этот вопрос наиболее спорен. Здесь вмешиваются истории происхождения Диониса и Аполлона, по версиям — гиперборейцев. Официальная наука отстаивает их местное, Пелопоннесско-Критское происхождение. Зевс, как известно, родился на Крите. Хотя что может быть известно о богах древних племен? Откуда пришли они и привели свои народы? "Владычице — 1 сосуд, 1 женщина, в (тот) месяц, когда выходят в море", — это табличка со списком жертвоприношений на очередной календарный месяц, подлинный текст.

Над Микенами молчаливо возвышаются добродушно-свирепые круглые лики двух львиц, непревзойденные по мастерству и самобытности изваяния. Что символизируют они? Над этой загадкой, кажется, никто не бился.

Главные усилия были посвящены расшифровке крито-микенских письмен.

Первые тексты открыл в 1900–1904 годы в Кносском дворце на Крите археолог Эванс. Более 10 000 табличек, не считая надписей на сосудах и ларцах, являли собой линейное слоговое письмо XVII века до н. э. и позднейшее. Письмо подразделялось на два вида — линейное письмо «А» и линейное письмо «Б».

Письмо «А» содержит 137 различных знаков, треть из которых — древнее критское пиктографическое письмо. Письмо «А» до сих пор не расшифровано. Письмо «Б» оказалось более податливым, но породило множество толкований. Считается, что оно расшифровано в 1952 году англичанами М. Вентрисом и Дж. Чедвиком. Как и Шлиман, Вентрис даже не филолог, а любитель.

В Микенской Греции обнаружено только письмо «Б». До 1939 года находили отдельные его знаки. Но в 1939 году англичанин Бледжен и грек Курониотис нашли 600 табличек. Теперь таких табличек найдено более 900. Их складывали в корзины и ставили на полки в помещении (так хранился в древности архив).

Все надписи оказались хозяйственно-регистрационного характера. То же содержание и в табличках из Кносского дворца. Следовательно, информация из них минимальна. Считается, что письмо «Б» проникло на Крит вместе с ахейцами.

Все до одной надписи лаконичны: 4–9 строк. Поставки шерсти, призыв в войско, распределение скота по пастбищам и т. д. Часты собственные имена и географические названия. Надписи на сосудах большей частью сообщают об их владельцах. Есть числа: " Молотильщиц — 7, девочек — 10, мальчиков — 6".

Письмо «Б» использует и. пиктографию. Характерные знаки — треножники, сосуды с разным числом РУЧек, конские головы, чаши, мечи колесницы, мужчины и женщины, копья, кабаны.

Прочтение напрямую связано с вопросом, на каком языке говорили микенцы. Появление письменности в Греции связывают с именем Кадма из финикийского города Тира. В Грецию автор "Кадмова письма" попал в поисках своей сестры Европы. Так подтверждается финикийское происхождение греческого алфавита IX–VIII веков до н. э. Однако цилиндрические печати из Вавилона XVII века встречаются в беотийских Фивах микенской эпохи в XIV–XIII веках до н. э. Этот миф и положил в основу своей расшифровки письма «Б» чех Б. Грозный. Он обнаружил сходство надписей с финикийскими, хеттскими, египетскими и протоиндийскими письменами. Однако его версия успеха не имела. Болгарин В. Георгиев считает письма «А» и «Б» греческими, древнегреческий алфавит — из микенского силлабария.

Вентрис и Чедвик считали, что основа письма все же древнегреческая, а древнегреческий язык — древнейшая форма кипро-аркадского диалекта греческого. До прихода дорийцев в Пелопоннес в конце II тысячелетия до н. э. часть древнегреческих племен эмигрировала на Кипр. Туда и принесли ахейцы язык и письмо. Вентрис и Чедвик определили фонетику многих знаков по аналогии с кипрским письмом. Большинство ученых приняло их метод. Из наших специалистов много табличек прочел С.Я. Лурье — в той же версии, но по-своему.

Однако есть маленький нюанс. Система линейно-слогового письма оказалась не приспособленной к греческому языку. Так, догреческое население (!) микенской бронзовой цивилизации в произношении не различало звуков «л» и «р», произносило их слабо, что характерно для древнейших языков Малой Азии. Нашелся выход: выдвинули официальную версию, используемую уже как научный термин — особого микенского «диалекта», звучащего по-гречески искаженно.

Удивительно то, что надписи все же прочитаны! И прочитаны так, что подробности жизненные не вызывают сомнений. Что касается письма «А», то есть версия, будто разгадка кроется в том, что оно написано на хеттском языке.

Сколько народа жило в Микенах, неизвестно. Среди цифровых находок встречаются только такие: самое большое число — 19 300, это количество овец; затем — 1800 сосудов; воинов-призывников 569; простолюдинов — 2000 женщин и детей; колесниц — 400. Эти данные практически ни о чем не говорят, так как не ясно, идет ли речь собственно о Микенах, или о всех лежащих вокруг и подвластных им городах.

И все же из многогранного анализа крито-микенского письма возникла широкая политико-административно-хозяйственная картина. Микены — централизованное государство на первой ступени рабовладельческого строя с большим административным аппаратом. Письмом, как и в Египте, владели чиновники. Каждый вел свой учет. Например, один бюрократ занимался исключительно подсчетом колес. Особым почетом пользовались ремесленники и жрецы. Многие беды Агамемнона проистекли оттого, что он боялся послушаться прорицателя Калхаса.[\[43\]](#) Раскопанные же дома ремесленников, их размеры и дороговизна обнаруженных здесь вещей говорят о том, что владельцы были люди весьма обеспеченные. В одном только "доме винооторговца" найдено 50 больших кувшинов в полметра высотой и восемь глиняных бочек высотой в человеческий рост.

В Микенском царстве не было торговли, как самостоятельной отрасли: господствовал товарообмен. Не было и землевладельцев. Экономические отношения скорее всего были административно-распределительными, с большим бюрократическим аппаратом. Поля сдавались в аренду государством. Микенский царь брал со свободного населения подати натурой. Расчеты велись на "меры зерна", в данном случае ячменя. В результате в царских кладовых скапливалось множество ремесленных изделий и продуктов. Большую прибыль давал и "подсобный" промысел: война и пиратство.

Женщины во всех вопросах собственности приравнивались к мужчинам. То же и в вопросах податей. В общем, микенцы, кто бы они ни были, пахали и воевали, чтити богов и умерших, совершали обряды и блюли обычаи, подчинялись царям-пришельцам и свирепым львицам-властительницам. Они подняли на своих плечах всю европейскую культуру, как поднимали неподъёмные каменные глыбы построек и могил.

После учиненного дорийцами погрома Микены не смогли оправиться и владели жалкое существование. Постепенно на месте великой резиденции Агамемнона вырос убогий городишко. В 479 году до н. э., когда Ксеркс вторгся в Грецию, из Львиных ворот вышло всего семьдесят четыре воина, которые вместе со спартанцами и афинянами разбили персов под Платеями. Ясно, что участие микенцев было чисто номинальным, но в то же время и глубоко символичным: ведь им уже приходилось побеждать азиатов. За этот поступок Микены были упомянуты в числе других городов, отстоявших родину. Этот поступок обошелся им очень дорого. Жители соседнего, цветущего и богатого Аргоса, признавшие власть персов и не оказавшие им никакого сопротивления, возненавидели микенцев и однажды, внезапно напав, уничтожили то, что еще оставалось. Так Микены прекратили свое существование.

Еще много тайн хранит горное гнездо — Микены. Одна из них: каковы были ростом и физической крепостью предки европейцев? Ведь уже обитатели Древней Греции, встречая развалины крепостных стен и зданий, приписывали их одноглазым (!) великанам-циклопам.

Версию о людях-циклопах, говорящих на своем циклопическом языке, породивших нескончаемые раздоры и великую культуру, в серьезной науке еще не выдвигали.

И почему все-таки вход в «мычащий» город охраняется могучими львицами?..

Пергам

В 1870-х годах в Малой Азии искал древности не только знаменитый впоследствии Генрих Шлиман, откопавший Трою. Имя другого немца, тоже не профессионального историка и археолога, а инженера-путейца стало известным благодаря тому, что работавший на строительстве железной дороги в Турции Карл Хуман однажды совершенно неожиданно приобрел в собственность высокий холм. Вернее, не весь холм, а один из его склонов. И если это приобретение не обеспокоило власти, то следующий шаг инженера уже должен был насторожить: ведь он подписал у самого султана бумагу, по которой любой кусок старого мрамора, найденный на этом холме, признавался собственностью кайзеровской Германии. Нетрудно догадаться, что таким «куском» вполне могла оказаться, например, древняя статуя или часть архитектурного сооружения эллинской или римской эпохи. Но никому и в голову не могло прийти, что Хуман стал хозяином развалин целого города Пергама, основанного в XII веке до новой эры древними греками, руководимыми сыном Геракла Телефон. По другой же версии, город был основан еще раньше троянцами. Существует легенда, что стены его построены Аполлоном и Посейдоном. Эти боги под видом простых людей нанялись за плату к троянскому царю Лаомедонту, отцу Приама, чтобы испытать его нечестие. Так оно и оказалось: денег Лаомедонт не заплатил, а богов "отпустил от себя с честью". Платить за столь безрассудный поступок, впрочем, пришлось не ему, а его дочери Гесионе, отданной на съеденье морскому чудовищу, которое наслал разгневанный неуплатой Посейдон.

Видимо, в период расцвета (и заката) греко-микенской культуры Критская цивилизация, предшественница Эллады, расширила границы влияния на многие области по берегам Средиземного моря. Скорее всего, она контролировала не только воды этого моря, но и значительной части Атлантического и Индийского океанов. Как бы то ни было, примерно к тому же времени, когда был основан Пергам, относятся знаменитое путешествие аргонавтов во главе с честолюбивым Ясоном, гибель Трои (по крайней мере, троянская война) и события, ей предшествовавшие.

Это говорит о том, что греческие города-колонии не были редкостью в Малой Азии.

Это был древний Пергам, о чем догадался Хуман, сопоставив имя с лежащим поблизости городом Бергамо, знаменитом разве что комедийным отпрыском Труффальдино. Правда, Пергам покинутый и разрушенный, но именно Пергам: об этом свидетельствовали надписи на некоторых частях античного мрамора, попавшего в более поздние, средневековые стены. Как и многое другое, античный Пергам оказался не вымыслом древних авторов.

Карл Хуман увлекся раскопками на всю жизнь. Правда, было это уже в 1882 году. Да и то поначалу он нанял профессиональных археологов и стал копать лишь после того, как они сняли точный план местности. Но зато когда раскопки начались, ожидаемое меркло перед действительным: за много лет Хуман раскопал, обнаружил и отправил в Германию многие и многие шедевры древнего искусства. Только Первая мировая война, как и в других областях археологии, помешала вести раскопки непрерывно. Кстати, в той войне Германия, бывшая союзником Турции, сумела использовать и ту железную дорогу, по которой ходил Восточный экспресс и на строительство которой уже никогда не вернулся Карл Хуман.

Вероятно, условия жизни колонизаторов не были очень уж прекрасными: ведь не следует забывать,

что в те времена Тавром и Антитавром еще владели могущественные хетты, которых побаивались самые великие египетские фараоны. По крайней мере, хлопоты, доставляемые владыкам Обоих Египтов хеттскими возмутителями, зафиксированы в дипломатической переписке тех времен.

О том, что первоначально греческий, а с III века до н. э. скорее римский, чем греческий, Пергам вынужден был иметь надежную защиту от «аборигенов» сих мест в районе мелководной реки Каик, говорит двойная крепостная стена, опоясывающая древний город. А сам город был расположен целиком на холме высотой 270 метров. Правда, в пределах Пергама этот холм, или скала, был не один, но он из нескольких холмов самый высокий.

Собственная история Пергамского царства начинается в 283 году до н. э., когда царь Филетер ловко использовал борьбу своих могущественных соседей — Лисимаха и Селевка. Наследовавший ему Эвмен расширил царство до побережья и до троянской горы Иды, на которой Парис судил богинь. При следующих царях Аттале I и Эвмене II Пергам пережил свои лучшие годы. Здесь жили (или работали) лучшие ученые, художники, поэты, скульпторы того времени. Строительство велось грандиозное. Появился даже особый, новый стиль в архитектуре — "пергамское барокко".

Но соображения безопасности от надвигавшихся с севера полчищ варваров заставили правителей Пергама в III веке до н. э. искать высоких и могучих покровителей: они выбрали Рим. Последний царь Аттал III в 133 году до н. э. завещал Риму свое царство со столицей в Пергаме в полную собственность при условии, что другие города его царства останутся независимыми. Пергам наводнили не знающие никакого удержу в алчности римские откупщики и дельцы. Вследствие этого и социальных противоречий (естественных для любого общества) произошло восстание низов Пергама под предводительством Аристоника. Восстание было подавлено, так как Аристоника не поддерживали соседние города, опасавшиеся массового восстания рабов.

С тех пор уже заботой римских правителей стали расцвет и защита Пергама, как средоточия искусств и науки в Малой Азии. В отличие от завоеванных городов, Пергам римлянами не разрушался, а только все более обустривался. Ведь он с 129 года до н. э. стал центром римской провинции Азия.

Многие художники еще до римской эпохи строили и украшали Пергам. Весьма необычен вид этого древнего города, вознесшегося на скалу: главные улицы, опоясывавшие крутой холм, представляли собой не улицы в прямом смысле, а две мощенные плитами извивающиеся серпантином петли, поднимавшие жителей и путешественников на самую вершину; они сходились у стен акрополя. А здания и сооружения той и последующих эпох возводились с учетом рельефа, поэтому, где было можно, из камня вырастали классические колонны, поддерживавшие изящные своды. Правда, там, где естественной скалы оказывалось недостаточно, надстраивались из того же камня стены и парапеты. При этом в то время, когда здания приходили в негодность или разрушались естественным путем, последователи строили их заново, не меняя ни планировки, ни основной градостроительной концепции. Если бы не традиционный эллинский дух, требовавший от внешнего вида города воздушности и величия одновременно, то холм Пергама скорее всего представлял бы собой нагромождение ячеек, схожее с термитником. Здесь этого не произошло: Пергам не похож на традиционно восточные города. А акрополь на вершине создавал впечатление увенчанности холма короной.

Примерно на середине склона холма была выстроена обширнейшая терраса, заменявшая горожанам агору... Она живописно вписалась в ансамбль города. Терраса поддерживалась стеной, выстроенной как мощное подпорное сооружение. Выше располагался прямо по склону амфитеатр из девяноста рядов, выбитых в камне в форме подков возрастающих размеров, из-за чего создавалось впечатление водопада. Подковы — это ряды зрительских мест, и всего театр вмещал четырнадцать тысяч зрителей. Крутизна "зрительного зала" составляет (он восстановлен) 46 метров. Все дворцы и храмы Пергама архитектурно уравниваются громадным амфитеатром. Он является душой всего ансамбля.

Римляне ввели в ансамбль Пергама одно существенное дополнение: над самой «короной», над акрополем, возвышаются колонны римского храма. Его громада тоже впечатляет и не оставляет сомнений в том, чья это земля, центр какой римской провинции Пергам — Азия. Его колонны сделаны из цельных кусков камня, а стоят они на цоколе, высота которого приближается к высоте стен греческого акрополя. Понятно, что длина колонны из песчаника обязательно выше любого самого высокого греческого здания Пергама. Мраморные перекрытия высечены из цельных кусков мрамора, а фронтоны украшают мраморные скульптуры. В глубине храма стояла статуя императора Траяна, при котором было закончено возведение самого храма.

Городскую рыночную площадь в Пергаме украшала статуя Гермеса, покровителя торговли и, как говорят мифы, бога, который сам был изрядным плугом и вором, как любой торгаш.

Торговая жилка чувствуется в Пергаме неспроста: много веков он лежал на пути из Азии в Европу и Африку. Здесь сходились пути всего бассейна Индийского океана и доступного в те времена побережья Атлантического океана, а к тому же и купцов всех стран побережья Средиземного и Эгейского морей и Эвксинского Понта, за которым на север простиралась столь загадочная и не похожая на южные страны Гиперборея.

Символом покровительства Гермеса над городом и государством являлось изобретение авторов фигуры: каждый час, пока идет на рынке торговля, из рога изобилия в руке бога изливается в бассейн струя драгоценной для этих мест воды. Сохранившегося аналога этим оригинальным часам в мире нет, называются они клепсидра, а изобрел их, по традиции, философ Платон. Над рынком расположена галерея: в ней отдыхали или заседали городские судьи. Это в их обязанности входило вечером, перед закрытием рынка обрубать хвосты всей пойманной, но не проданной сегодня рыбе. Причин такого жесткого обращения с товаром было две: во-первых, избежать эпидемий, а во-вторых, судьи старались оградить от мошенничества наивных покупателей залежалого товара.

На трех террасах построен Гимнасий. Мальчики от 7 до 13 лет учились на первой террасе (из трех). Именно здесь учителя пять-шесть лет заставляли их зазубривать без запинки многие и многие тексты классических стихов, играть на лире или флейте, петь, писать и считать. Каждый из них прошел через ежедневное созерцание прекрасной галереи античных статуй и портретов древних мудрецов. В награду за послушание и прилежание имена самих учеников тоже заносились на отдельные таблички в глубине стенных ниш. На второй террасе, куда ведет винтовая лестница — зал для спортивных состязаний. Мало кто знает о том, что гимнастика, борьба, прыжки и бег — занятия, которые в древности были не совсем такими, как в наше время. К примеру, борцы перед поединком обмазывались оливковым маслом, а сама борьба проходила в пыли, обильно смоченной водой. Правда, потом ученикам, юношам 13–18 лет,

позволялось вволю искупаться в бассейнах с теплой и холодной водой, чтобы вернуть телу легкость и снять усталость. А грязь ученики счищали с себя специальными бронзовыми скребками, после чего полагалось опять натереться маслом.

Для тех, кому исполнилось восемнадцать, то есть для совершеннолетних и постигших нелегкое ученье настоящих мужчин, которым частенько приходилось быть воинами, — третья терраса. Там полная галерея почетных и прославленных горожан: именно в этот почетный список мечтал попасть каждый пергамец. Третья терраса предназначена уже для взрослых собраний, размышлений, любования долиной и философских дискуссий.

Кроме основного рынка, где торговля шла, можно сказать, на бытовом уровне и повседневная, был еще и верхний рынок, расположенный в богатой верхней части города. Ее, в конце концов, заняли римские солдаты и начальники, чиновники и купцы. Она же перестроена ими в несколько вольном стиле: достроены этажи и переделаны на иной лад крыши домов. Зажиточная часть населения продавала и покупала в иных масштабах, чем на нижнем рынке. И ассортимент товара здесь шире, и сами товары экзотичнее. И здесь же находится алтарь для жертвоприношений верховному богу Олимпа Зевсу и его дочери-Афине, построенный царем Эвменом II около 180 года до н.э. Грандиозный (даже монументальный) алтарь опоясан рельефом, на котором изображена битва богов и титанов — страница греческой мифологии. На другом, меньшем фризе были изображены сиены из жизни основателя города Телефа.

Но, может быть, главной достопримечательностью была Пергамская библиотека. Во-первых, помещалась она в храме Афины — покровительницы города. Галерея героев, полководцев и богов создана блестящими скульпторами древности. Любопытно, что изобразивший битву пергамцев с галлами мастер показал галлов, да еще и побежденных, сильными и благородными. Не отсюда ли пошло нарицательное и не совсем приличное имя подражателям и последователям, которое хотя напрямую и не относится к скульптору, все же выражает отношение к нему недовольных портретом галлов горожан? Скульптора звали Эпигон.

Афина покровительствует Пергамской библиотеке. И недаром: библиотека в Пергаме по количеству рукописей была почти равной Александрийской библиотеке. Египетский царь Птолемей во II веке до н.э., не выдержав соперничества и желая сохранить за Александрией славу мирового центра культуры, запретил вывоз из Египта папируса. Тогда в Пергаме родилась (или была восстановлена древняя) технология выработки из шкур телят, коз и баранов особого материала для изготовления книг — пергамента. Состояла она в удалении шерсти (после вымочки в извести) до эпидермиса, затем кожу полировали и сушили без предварительного дубления. В результате волосная сторона оставалась шероховатой и имела желтый цвет, а мясная была белой и гладкой. Свеженаписанный текст можно было стереть, старый — только соскоблить пемзой. Пергаментная рукопись (в отличие от египетских свитков) состояла из пачек сложенных вчетверо листов и явилась прообразом современной книги (и даже книгопечатной операции — фальцовки).

Больше ста лет конкурировала Пергамская библиотека с Александрийской после указа Птолемея. И все же вопрос решился в пользу Александрии: Марк Антоний в 31 году до н.э. подарил Пергамскую библиотеку Клеопатре, и библиотека была вывезена в Александрию.

В 713 году Пергам был разрушен арабами, но византийцы вновь отстроили его. В 1330 году он достался туркам, уже как провинциальное, ничего не значащее захолустье. В 1502 году Тамерлан поставил точку на жизни древнего города: молодое население он увел в плен, а стариков и детей уничтожил, как это было принято делать с непокорными еще во времена Чингисхана, являвшегося, по утверждению самого Тамерлана, дедом или прадедом завоевателя из Самарканда.

Самостоятельная история этого города составила всего 150 лет — с 283 по 133 год до н. э.

Археологически Пергам изучен относительно хорошо и сейчас представляет собой музей под открытым небом. Сохранились многочисленные остатки храмов, дворцов с мозаичными полами, военных сооружений эллинистического и римского времени, здания знаменитой библиотеки, остатки рынка, гимнасия, святилища Асклепия (где преподавал и лечил "последний врач античности" Гален) и жилых кварталов. Только Пергамский алтарь был вывезен Уманом в Берлин, где и теперь находится в специально построенном для него Пергамон-музее. Копия этого алтаря есть и в Музее изобразительных искусств им А.С. Пушкина.

Сегодня руины Пергама находятся под защитой ЮНЕСКО, как общечеловеческое достояние.

Степные Афины

Античный историк Геродот родился около 484 года до н. э. в Галикарнасе, одном из древнейших ионийских городов на побережье Малой Азии (ныне это турецкий город Бодрум, расположенный на одноименном полуострове). К этому времени город уже более семидесяти лет находился под властью персидской державы. Геродот происходил из богатой и высокопоставленной семьи. Особенно славился его дядя Паниасид, автор поэмы о странствованиях ионян и о судьбе их колоний (ионяне основали более ста городов, в частности, выходцы из города Милета построили на берегах Понта Эвксинского — Черного моря — Ольвию, Истрию и Пантикапей).

Когда Геродоту было пятнадцать лет, афинский полководец Кимон разгромил персов и отвоевал Фракию. Чуть позже греки одержали победу над персидским флотом у устья реки Эвримедонт. Жители Галикарнаса, тяготевшие зависимостью от персов, Решили, что силы врага сломлены и необходим только последний толчок. Они восстали против персидского ставленника тирана Лигдамида. Среди восставших были поэт Паниасид и Геродот. Тиран жестоко подавил восстание греков. Участь побежденных была типична. Паниасида приговорили к смертной казни, а юного Геродота — к вечному изгнанию.

Геродот эмигрировал на Самос и здесь задумал создать труд по истории войн между греками и персами, и вообще обо всех народах ойкумены, которые боролись против персидских завоевателей. Это была своего рода месть за поражение. Для сбора материалов он решил объездить страны и народы, где происходили главные события, и увидеть исторические места собственными глазами. Желательно было бы и самому побеседовать с очевидцами событий или хотя бы выслушать местные предания.

Результатом этого глобального исследования стала "История в девяти книгах, или Музы". Многочисленные «истории» писались греками задолго до Геродота, даже его дядя Паниасид начинал писать историю греческого народа. Но именно Геродот создал столь грандиозный во всех отношениях — историческом, географическом, этнографическом, философском — труд, что Марк Тулий Цицерон с полным на то основанием назвал Геродота "отцом истории". Звание это закрепилось за ним навеки.

Для истории России Геродот тоже представляет особую ценность. У нас нет другого более полного сборника сведений об образе жизни и истории обитателей южных территорий России. Если же говорить об определенных частных вопросах, то подобно гомеровской «Илиаде», толкнувшей Шлимана на поиски Трои, подобно Платоновским диалогам, породившим целую науку атлантологию, «История» Геродота создала легенду то ли о скифском, то ли о греческом, то ли о будинском городе Гелоне, поиски которого ведутся уже более двухсот лет и пока не дали конечного результата.

Первое путешествие Геродот совершил именно в Скифию, поскольку на южных просторах будущей России персидский царь Дарий потерпел от скифов тяжелейшее поражение. Случилось это в 512 году до н. э.

В те и более ранние времена Скифия была для греков страной, хоть известной, но легендарной и таинственной. Гомер в «Одиссее» называл ее "вечно одетой туманом и мглой облаков". Жуликоватый, а, может быть, чересчур рьяный "охотник за чудесами", поэт Аристей, согласно преданию, обошедший все

земли нашей страны до Уральских гор, в недошедшей поэме "Эпос об аримаспах" наполнил эти края невероятными чудесами и ужасами. Впрочем, не настолько уж он был и жуликоват, если разобраться с позиции сегодняшнего дня.

Геродот приехал в греческую колонию Ольвия (возле современного Николаева). Здесь он провел несколько месяцев, периодически совершая познавательные поездки в глубь скифской страны. Предполагается, что во время кратких поездок он поднимался вверх по реке Гипанис (Южный Буг) до так называемых "Священных путей". Но прямых доказательств этому нет. В любом случае основным источником информации стали для историка беседы с местными жителями, преимущественно греками.

Последние рассказали ему легенду о происхождении скифов и некоторых соседних с ними народов. Так как она имеет прямое отношение к возникновению города Гелона, процитируем "Историю":

Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда необитаемую страну (теперь ее занимают скифы — Герион же жил далеко от Понта, на острове в кеане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гиляя. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодич у нее была женская, а нижняя — змеиной. Увидав ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной, однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удерживать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: "Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?" Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: "Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание".

С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей — Агафирс и Гелон — не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу)".

Таким образом, легенда свидетельствует, что гелоны — это родичи скифов. Некоторые ученые и

отождествляют их с одним из скифских племен, но другие резко отличают гелонов как самостоятельный народ, третьи же полагают, что речь идет о смешении в гелонах скифской и будинской крови, принимая во внимание указание Геродота, что "будины — большое и многочисленное племя; у всех их светло-голубые глаза и рыжие волосы": Другими словами, в них видят отдаленных предков либо славянских, либо финно-угорских племен.

Далее Геродот пишет:

В их (будинов) земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их так же иной.

Будины — коренные жители страны — кочевники. Это единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками.^[44] Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно. Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой (лоси). мехом этих зверей будины оторочивают свои шубы, а яички бобров применяют как лечебное средство против болезней матки".

Рассказ Геродота о Гелоне стал толчком для археологических поисков города. Но в отличие от той же самой Трои область поиска оказалась столь обширной, что надежд на их положительные результаты практически не было.

Дело в том, что географические познания древних о нашей стране не отличались ни точностью, ни полнотой. Колонизовавшие северное побережье Черного моря греки не проникали, вглубь страны, на север, и довольствовались теми сведениями о ней, которые стекались в греческие города вместе с варварами, являвшимися сюда для торгового обмена. Такого рода сведения не могли быть точными и относились прежде всего к той или другой греческой колонии. Как говорят историки, поселись Геродот в Пантикапее, наши представления об истории южной России были бы коренным образом иными.

По мнению Геродота, обитаемые земли к северу от Ольвии простирались всего на двадцать дней пешего пути. Далее было царство холода и непроходимых снегов, жить там, считал историк, невозможно. Он подтверждал это мнение словами: "Я не могу найти никого, кто бы сказал, что знает эти страны, как очевидец".

Геродот представлял Скифию как четырехугольник, почти квадрат. Если определить каждую его сторону в двадцатидневный пеший путь, то получатся следующие границы: на юге — побережье Черного моря, прямо на этой границе лежит город Ольвия; на западе — река Дунай; на востоке — вытянутые к северу берега Азовского моря; на севере неведомые страны. Вот в этом четырехугольнике и следует искать

земли будинов и местоположение легендарного города Гелона. Версий было много. В основном они сводились к тому, что город следует искать либо на Волге, либо на Среднем Дону. Первым начал поиски Гелона известный историк И.Е. Забелин. Именно он высказал предположение, что Гелон — это городище Укек (или Увек), лежащее на берегу Волги немногим ниже Саратова. Эту точку зрения поддержала саратовская археологическая комиссия во главе с С.С. Краснодубровским. Продержалась она в течение всей второй половины XIX — начале XX веков. Однако затем была отвергнута. Материалы из раскопок нельзя было датировать временем Геродота.

На местоположение Гелона Геродот косвенно указывает в еще одном месте своей книги. Когда он описывает поход Дария на скифов, то говорит и о следующем.

Военные планы скифов были составлены весьма хитро. Войско царя Скопаса должно было завлекать персов вдоль Меотиды. Два других царства — великое царство под властью Иданфиса и царство, где царем был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, должны были медленно отступить, заманивая врага в пустынные местности.

Персы упорно преследовали хитрецов и проникли в землю будинов. Здесь они нашли большой город, окруженный деревянной стеной. Жители его не оказали персам сопротивления, благоразумно разбежавшись, так что город был пуст. Персы предали его огню.

Это был их единственный успех. В конце концов, им удалось «договориться» со скифами о битве. Оба войска выстроились, но в этот момент перед строем скифской конницы пробежал заяц. Скифы, позабыв о неприятеле, с гиканьем бросились вдогонку. Дарий обиделся:

— Мне! Царю царей! Владыке мира! Эти пожиратели конины предпочли охоту на какого-то зайца!

Никто не объяснил царю царей, что заяц символизировал у скифов удачу. Поймать его было просто необходимо.[\[45\]](#)

Лишенное продовольствия и воды (скифы засыпали колодцы), войско Дария стало отступать в сторону Византия. Скоро это отступление переросло в беспорядочное бегство. От полного разгрома Дария спасло только то, что он заблудился, не зная дороги. Скифы же искали его именно на дорогах. Даже Гелеспонта они достигли первыми.

Ни одно из поселений на Волге или Дону не соответствовало данному описанию похода Дария — не было найдено следов пожаров, соответствовавших бы VI веку до н. э.

Где же искать Гелон? Ведь он не мог не быть. Иначе как попадал в Грецию янтарь Балтийского моря?

В 1906 году археолог В.А. Городцов начал раскопки в 35 километрах выше Полтавы по реке Припять, в междуречье рек Ворскла и Сухая Грунь. Раскопки велись только один сезон и в весьма сложных условиях: во-первых, на месте древнего городища, которое и было целью раскопок, находится сразу несколько селений, во-вторых, с юга к городищу примыкает старинный русский город Глинск, хорошо известный

прежде всего как вотчина матери Ивана Грозного Елены Глинской. Местное население не только разоряло само городище, но и всячески мешало археологическим раскопкам из опасения потерять свои Усадьбы.

Однако результаты проведенных работ были столь значительны, что в 1930-х годах позволили археологу В. Щербакивскому отождествить Белвское городище (название дано по одному из современных селений на его территории) с городом Гелоном. Особое внимание историки обратили на этимологию древнегреческого названия реки Ворсклы. Геродот именовал ее Пантикапой.

В.И. Абаев, исходя из иранского (скифского) языка, установил двусложность этого имени: «панти» — «путь» и «капа» — «рыба», то есть "рыбный путь". Ян Збожил исходил из концепции славянского происхождения названия. Первое слово тоже означает слово «путь», зато второе происходит от славянского слова «кап» — «начало». И в том, и в другом случае название показывает значение географического положения Пантикапы (Ворсклы). Вполне справедливо предположить, что название Пантикапа означало, что с Ворсклы начинался путь из Гелона (Бельского городища) к торжищу борисфенитов в Оль-вию и обратно. Если с этим согласиться, то из Гелона купцы плыли по Пантикапе, в устье ее переправлялись через Борисфен (Днепр) — переправа здесь существует издревле — и шли уже пешим ходом в нужном им направлении.

Но географическое описание местопребывания Гелона у Геродота не соответствовало положению Бельского городища. Античный историк постоянно ссылался на определенную близость города к Танаису, то есть Дону.

Выдающийся советский археолог М.И. Артамонов обратил внимание на то, что, согласно Геродоту, около середины VI века до н. э. поблизости от Гелона поселились невры, которым пришлось спасаться от появившихся в их землях множества змей.

Исторически точно известна местность Неврида, страна невров. Она располагалась к северу от верховьев Днестра, между его истоком, истоками Западного Буга и бассейном реки Припять. То есть это Северная Галиция и Волынь. Пришли они сюда из низовий Западного Буга.

Следовательно, где-то рядом с Невридой и следует искать земли будинов. Артамонов определил их, как среднее Поднепровье прежде всего соседствующая с Волынью Киевщина. Эти места обычно рассматривали территориями племен андрофагов и меланхленов. Однако в XX веке и тех, и других не смогли археологически выделить из будинов. Поэтому вполне возможно предположить, что андрофаги и меланхлены — это качественные определения будинов по их отдельным характерным приметам. Так, в частности, археологи точно установили, что будинам было свойственно культовое людоедство, откуда, возможно, и родилось прозвище «андрофаги» — пожиратели людей.

Однако напомним еще раз, Геродот указывал, что земли будинов находились за рекою Танаис (Доном), выше земли савроматов. И этот вопрос разрешил Артамонов. Он обратил внимание на то, что, по Геродоту, в земле савроматов нет деревьев — это обширная степь, простиравшаяся от Азовского моря к северу на пятнадцать дней пути. То есть Геродот говорил об обычном пути ежегодных перекочевков савроматов с юга на север и обратно. Кочевье действительно шло вдоль реки. И вот здесь-то и возникает главный вопрос: знали ли древние савроматы истинное русло Дона, как его определяют современные ученые, не считали ли они Танаисом крупнейший правый приток Дона — реку Северный Донец? Если

именно Северный Донец считался тогда большей астью Танаиса (а это наиболее вероятная версия), то местожительство будинов следует искать в его верховьях! Иными словами, в Харьковщине.

Но как показывают археологические изыскания, в пределах полосы территории Харьковщина — Полтавщина — Киевщина в Геродотовы времена проживали представители единой культуры и единого типа погребений — столбовой конструкции деревянного склепа. Итак, теоретическое обоснование того, что именно Бельское городище является остатками Геродотова города Гелона, было дано.

Окончательно это доказала археологическая экспедиция Б.А. Шрамко, начавшая с 1958 года систематические ежегодные раскопки территории Бельского городища. На первых порах одним из руководителей работ был Б.Н. Граков. Проходили они в гораздо лучших условиях, чем работа экспедиции В.А. Городцова. Археологи не только пользовались всемерной поддержкой государства, но и местное население относилось к ним доброжелательно.

В ходе многолетних исследований было установлено, что городище основано и заселено в раннем железном веке. Расположенное в междуречье Ворсклы и Сухой Груни, оно четко разделено на три части. Археологи назвали их: Западное городище (расположено на берегу реки Сухая Грунь); Восточное городище (находится на берегу реки Ворсклы), Куземинское городище — между первыми двумя, на берегу Ворсклы.

Вначале Западное и Восточное городища существовали отдельно. Затем они были объединены общим валом Большого Бельского городища. Такое объединение для того времени и тех культур — явление уникальное. Ничего подобного больше нигде не наблюдается. Объединение произошло либо в конце VI — начале V веков до н. э. либо в V–IV веках до н. э. К этому уже новому городищу было пристроено дополнительное — Куземинское, — видимо, для охраны речной пристани.

Зарождение городища относят к VII веку до н. э. хотя найдены следы поселения, относящегося к VIII веку до н. э. Жители покинули город в III веке до н. э.

Б.Н. Граков высказал предположение, что Бельское городище было основано союзом двух племен в начале VI века до н. э., а в V веке до н. э. к ним присоединилось еще одно племя. Академик А.Б. Рыбаков поддержал эту точку зрения и даже попытался определить возможные племена союза: будимы, переселившиеся с правого берега Днепра, борисфени-ты (они же "скифы-пахари"), а затем осевшие кочевники гелоны (одно из скифских племен). В любом случае Бельское городище сложилось как центр племенного союза, объединявшего две разные этнические группы. Одна из них имела культуру местного происхождения, которая типична для лесостепных памятников скифской эпохи, охватывающих значительную территорию от Днепровского Левобережья до Среднего Дона. Другая по своему происхождению связана с правобережными от Днепра памятниками жаботинского типа (называется от раскопанного поселения на Тарасовской горе близ Жаботина) и появилась на Левобережье лишь в раннескифское время. По-видимому, первую группу можно связать с аборигенами будинами, а вторую — с пришельцами гелонами.

Руководитель археологических работ в Бельском городище Б.А. Шрамко по этому поводу писал:

Это был крупнейший по тем временам политический и торгово-ремесленный центр в Лесостепной Скифии. Значительное различие археологических памятников Восточного и Западного городищ свидетельствует о том, что на этих двух поселениях, объединенных валом Большого Бельского городища, жило разное население, принадлежавшее к различным этническим областям с разными обычаями и хозяйственными традициями. В таком случае все Бельское городище следует рассматривать как центр племенного союза, в который входили, по крайней мере, два различных племени. К северу от Степной Скифии древние авторы упоминают только одно крупное поселение, с которым пытались отождествить Бельское городище. Это город Гелон, который Геродот описывает как центр своеобразного союза гелонов и будинов".

Наибольшая плотность населения Бельского городища была на Западном и Восточном городищах, где культурный слой хорошо насыщен и толщина его в некоторых местах превышает 1 метр. Площадь всех трех вместе составляет 3 868 гектара, то есть почти столько же, сколько занимала Москва в начале XX века! Однако полностью территория застроена не была.

Куземинское городище площадью в 15,4 гектара. Здесь небольшой, слабонасыщенный культурный слой керамики IV–III веков до н. э. Занимает он пологий склон, который опускается к самому берегу реки Ворсклы. Скорее всего, это пристройка, защищавшая пристань. Это подтверждается и обнаруженным здесь в 1952 году складом античных остродонных амфор.

Западное и восточное городища резко различаются между собой как по жилищам, так и по крепостным укреплениям, и по могильникам.

Установлено, что крепостные валы городища возводились на местах, где рос кустарник. Его сжигали, а затем строили стены из дерева и земли.

В Восточном городище опорные столбы стены располагались на большом расстоянии друг от друга. Между ними вкапывались на расстоянии около метра поддерживающие вертикальные столбы. С внутренней стороны на вертикальные бревна опиралась, стена из горизонтальных бревен и примыкающая к ней насыпь из глины и земли. В верхней части насыпи для жесткости конструкции и удержания верхних концов вертикальных бревен были заложены деревянные стяжки.

Внутри города у стены был вал шириной свыше 7 метров.

Первоначально крепостная стена была высотой около 2 метров. Но в конце VI века до н. э. ее сожгли, при восстановлении стены были подняты в два раза — до 4 метров.

Перед стеной был ров шириной до 5 метров с половиной, глубиной от подошвы вала 5 метров 60 сантиметров. Дно рва было плоское, шириной 1 метр. Такое дно позволяло осажденным незаметно для врага передвигаться во время вылазок.

Верхняя часть внешней стороны стены была покрыта глиной и побелена. Вероятно, это сделано, чтобы придать городу внешний вид каменного.

Вход в город был узким и расширялся в сторону внутренней части города.

Жили в Восточном городище в наземных столбовых домах с глинобитными печами. Это был крупный ремесленный центр. Здесь раскопаны целые комплексы, созданные для деятельности кузнецов, бронзолитейщиков, гончаров.

Обнаруженная керамика относится к культуре VI века до н.э. Есть здесь чернолощенная инкрустированная керамика.

В городище было обнаружено святилище с разнообразными предметами, некоторые из которых, могут быть связаны с местным культом божества, подобного Дионису. Но так как виноград в этих широтах не растет, по всей видимости, это был пивной Дионис. Не исключено, что употребляли они и мухоморовку (сому) — священный напиток индо-ариев.

Западное городище располагается на берегу реки Сухая Грунь. Исследовано оно гораздо хуже, поскольку сильно разрушено местными жителями. Дело в том, что здесь обнаружены курганообразные зольники, которые использовались в XIX–XX веках для получения селитры. Зольники появились в VI веке до н. э. Их как минимум семь, и располагались они по неправильному кругу.

В зольниках археологи обнаружили обломки ионийских амфор VI–V веков до н. э., протофасосских амфор V века до н. э. и средиземноморских амфор неизвестного центра V–IV веков до н. э. Факт обнаружения столь значительных керамических объемов древнегреческой керамики свидетельствует не только о том, что жители Бельского городища вели активную торговлю со странами Средиземноморья, но и о том, что, вероятно, здесь постоянно проживала целая колония греческого купечества.

Крепостные сооружения Западного городища резко отличаются от крепостных сооружений Восточного городища. Валы его тянутся на 3270 метров. Здесь просто копался ров и насыпался вал. Вершина насыпи была четко заострена под углом в 30° к горизонту.

Перед насыпью были вплотную друг к другу вбиты в землю вертикальные столбы. Нижняя их часть служила стенами внутренних помещений, а верхняя — крепостной стеной.

Следует отметить, что, помимо древнегреческой керамики, в зольниках обнаружена и характерная для VII–VI веков до н. э. керамика так называемой жаботинской культуры.

Население Западного городища обитало в жилищах типа землянок с покатыми крышами. Здесь же обнаружено святилище с жертвенником, зооморфными и антропоморфными статуэтками.

Внутри городища были колодцы, многочисленные ямы для больших запасов зерна и других продуктов, хозяйственные помещения. Здесь можно было содержать большие стада домашнего скота. Все это позволяло выдерживать длительную осаду. Вероятно, в случае военной опасности за стенами Бельского городища, с полным основанием идентифицированным с Геродотовым городом Гелоном, могли

укрываться все жители близлежащих поселений. Только так можно объяснить значительную протяженность оборонительной линии: ведь мало ее построить, надо еще иметь людей, которые бы ее защищали.

Во рвах городища были обнаружены наконечники стрел из бронзы, железа и кости, железные мечи и кинжалы, дротики, железные чешуйки от панциря, метательные камни разных размеров, булава.

Город жил, воевал, защищался и побеждал.

Экспедицией Б.М. Шрамко было доказано, что в конце VI века до н. э. городище постигла катастрофа — оно было сожжено. Это полностью подтверждает рассказ Геродота о том, что в 512 году до н. э. персы без сопротивления со стороны местного населения заняли и сожгли город Гелон. Нападение захватчиков на центральный город Северной Скифии было неизбежно — огромный укрепленный район, славившийся торговлей, а, следовательно, богатством, должен был привлечь персов, искавших военной добычи, продовольствия и фуража. Это единственный исторический факт из жизни Гелона, подтвержденный письменным источником.

После разгрома персов город был восстановлен и просуществовал до III века до н. э. Как и отчего он погиб, точно сказать на данном этапе исследований невозможно.

Изучение Бельского городища продолжается.

Город, который никогда не тонул

Вот уже более ста лет ученым не дает покоя секрет небольшого «отростка» размером около 1800 гектаров — Маячного полуострова. Он и в самом деле на карте напоминает формой аппендикс, готовый к удалению. Но «удалить» его тайну, которую оставил географ I века н. э. Страбон, никак не получается. Страбон написал:

"Если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс (то есть Гераклеийский полуостров), составляющий часть целого Херсонеса (то есть Крыма). На нем расположен город гераклеотов, называемый также Херсонес (букв. полуостров). В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом на расстоянии 100 стадиев (18 километров) мыс, называемый Парфением (Девичьим). Между городом и мысом есть три гавани; затем следует Древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтой Символов".

Тут вроде бы все понятно: мыс Парфений — это оконечность Маячного полуострова; три гавани — это нынешние бухты Стрелецкая, Казачья и Камы-шевая; наконец, бухта Символов — безусловно, Балаклава, пиратский притон там был еще во время Троянской войны. Тавры на утлых суденышках неожиданно выскакивали из узкой и незаметной с моря Балаклавской бухты и нападали на шедшие вдоль берега торговые корабли греков. Добро тавры забирали себе, а пленников приносили в жертву истукану богини-девы на мысе Фиолент, где стоял то ли алтарь, то ли подобие храма. По аналогии с собственным мировоззрением греки посчитали эту деву Артемидой. Эта милая охотница была не менее кровожадной, чем тавры, а последние отрубали пленникам головы, насаживали на шест и выставляли перед собственными домами. У кого было больше шестов — тот и вождь. Истукана Артемиды выкрали Орест, Пилад и Ифигения и увезли в Спарту, где ему тоже приносились кровавые жертвы: на его «глазах» секли спартанских юношей перед тем, как записать в воины. Некоторые умирали, остальные — выносливые — отходили.

Чтобы лучше представить размеры описанного Страбоном района, скажем, что от Фиолента до Маячного полуострова можно идти часа за два с половиной, а от Маячного полуострова до Херсонеса — за три.

До начала каких-либо археологических исследований это место знаменитого географа трактовалось так: сначала греческие переселенцы высадились на Маячном полуострове, а спустя какое-то время увидели, что рядом (возле Карантинной бухты) есть более удобное место для постройки города, и переселились туда. Там-то и возник классический Херсонес, остатки которого можно видеть и сейчас, а Старый Херсонес оказался заброшенным, и его либо растащили на камень, либо он сам со временем рухнул, подмытый морем.

В сороковых годах XIX века лейтенант флота Барятинский попытался раскопать в устье Казачьей бухты маленький (и единственный) остров. Из «Жизни» римского папы Климента, сосланного Траяном в Херсонес и принявшего здесь мученическую смерть, было известно, что на этот остров за мощами святого Климента в средневековье приезжал некий философ Константин. Барятинский нашел мраморную плиту с

крестом и монеты Романа I (X век н. э.). Он же установил, что на островке располагался византийский монастырь, что полы в помещениях были каменные, а в монастырском храме состояли из небольших мраморных плиток квадратной формы. Таких он нашел три. Столь скудный материал Барятинского, видимо, не устроил, и на острове он в археолога играть перестал. Через сорок лет о его играх вспомнил военный инженер и известный крымовец А. Бертье-Делагард в связи с другим фрагментом у Страбона, где упоминалась древняя линия оборонительных стен:

"На расстоянии около 15 стадиев (2,7 километра) от стены херсонесцев есть мыс, образующий залив порядочной величины, направляющийся к городу. Выше его лежит морское болото с солеварней. Здесь был и порт Ктенунт (букв, гребень, расческа). Для того, чтобы бороться со скифами, царские полководцы во время осады поставили на упомянутом мысе гарнизон, оградивши это место стеной, и засыпали вход в залив до самого города, так что можно было без затруднения переправляться сухим путем, и из двух городов сделали как бы один. С этих пор они легче отражали скифов. Когда же последние напали и на укрепление перешейка при Ктенунте и стали заваливать ров тростником, то царские солдаты ночью сжигали часть плотины, выстроенную днем, и таким образом сопротивлялись до тех пор, пока не победили".

События, о которых пишет Страбон, по всей вероятности, относятся к концу II века до н. э. и связаны с мощной агрессией скифов на Херсонес. Последнему пришлось обратиться за помощью к понтийскому парю Митридату VI Евпатору. В Херсонес прибыл полководец Диофант и наголову разбил скифов, он даже захватил оба их города Неаполь и Ха-беи. Благодарные херсонесцы издали декрет в честь Диофанта, и декрет этот дошел до нас. Правда, никакой Ктенунт там не упомянут, равно как и описанные Страбоном события, но ведь херсонесцам тогда пришлось обороняться, а декрет прославляет победы понтийского полководца.

Так рассуждал А. Бертье-Делагард, и вот что можно прочесть в отчете из архива Херсонесского музея:

"В июне нынешнего года А. Бертье-Делагард указал на единственное, по его мнению, место, где, на основании чисто стратегических соображений, могла находиться "стена Страбона", а именно, на узкий перешеек, около 800 метров между верховьем Казачьей бухты и противоположным крутым берегом моря. Здесь, на гребне перешейка, на всем почти протяжении тянется низкий, едва приметный вал с круглыми возвышениями, в которых можно было предполагать остатки башен. От этого всего, на расстоянии около 170 метров (на самом деле 210 метров) по направлению к Херсонесскому маяку видны следы второго вала, параллельного первому, с возвышениями в 8 местах. С возвышенного места второго вала открывается обширный горизонт, и каждый, насколько бы он ни был профаном в военном Деле, получает ясное представление о важном, в смысле обороны, значении этого пункта, так как стена, протяжением менее версты, совершенно обеспечивала от внешних врагов обширное земельное пространство в 850 000 квадратных сажен, окруженное с остальных сторон морем. Непосредственное соседство соляного озера, о котором также упоминает Страбон, придает еще более вероятия предположениям А. Бертье-Делагарда, и 25 июня 1890 года было приступлено к археологическому исследованию этой местности, включая насыпной островок в Казачьей бухте. Последний сооружен для того, чтобы вывести здесь к морю один из флангов оборонительной стены, на который всегда обращали особое внимание, упирая в какие-нибудь естественные преграды".

Раскопки оправдали самые смелые и неожиданные предположения и задали еще больше загадок. Оказалось, что поперек перешейки сооружены две оборонительные стены. Внешняя (восточная) стена, обращенная в сторону Гераклейского полуострова, имела толщину 2,75 метра, внутренняя (западная) — 1,6 метра. Стены были сложены кое-как, почти по-скифски: из разнокалиберных плит известняка. Кладка была на глиняном растворе — самая дешевая. Это разительно отличало ее от всех оборонительных стен Херсонеса, где квадратные плиты подогнаны с точностью до 2–3 миллиметров. Судя по толщине, стены не могли быть выше 4–5 метров.

Не вызывало сомнений, что оборонительная система направлена в сторону Гераклейского полуострова, и это было совершенно логично. Но зачем понадобилась вторая, менее толстая, стена, обращенная в сторону Маячного полуострова? А. Бертье-Делагард ответил — "на всякий случай". Другие исследователи дали еще более нелепые ответы, обошедшиеся в большие деньги и жестокую мистификацию. Но об этом позже. (Сейчас уже никто не сомневается, что западная стена была построена для защиты против тавров, которые на лодках могли добираться до Маячного полуострова, грабить и убивать греков.) Стены были защищены 14-ю башнями, которые в среднем имели размеры 6х9 метров. Раскопали пять из них. В башнях нашли: медные наконечники стрел, метательные камни для пращи, половину каменного молотка, железный нож с костяной ручкой, точильные бруски, медные монеты эллинистического времени, кувшинчик с изображением на ручке мужской безбородой головы, пирамидальные и круглые грузила, массу обломков простой и чернолаковой посуды. Весь этот материал укладывался в период от первой половины IV века до н. э. до середины II века до н. э. и последней датой почти указывал на время скифского нашествия на Херсонес. Но как быть с первой? Если исследуемый Херсонес — старый, то в нем должны быть материалы, по крайней мере, первой половины V века до н. э., ведь известно, что «новый» Херсонес у Карантина основан в 422 году до н. э., а таких материалов нет. Да и города между стенами «старого» Херсонеса не нашли. На площади 18 гектаров проглядывались лишь какие-то отдельные строения вразброс, даже не соединенные улицами. Большинство из них было пристроено к оборонительным стенам (экономия одной стены дома). К тому же возле одной из башен обнаружили небольшое строение прямоугольной формы, перегороденное стенкой на две части: узкий пронаос и почти квадратную целлу. В стене строения нашлась нижняя часть каннелированной колонны, вделанной в профилированную базу. Перед ней стоял жертвенник из камней, перекрытый плитой со следами нескольких букв, которые удалось прочитать как DINUSI — посвящение Дионису, богу виноделия. Храм Диониса в городе — вещь, прямо скажем, не экстраординарная, но все-таки место ему на селе.

Но, может быть Старый Херсонес занимал территорию самого Маячного полуострова? Вся площадь его была покрыта многочисленными холмиками и ясными следами параллельных и перпендикулярных стен. В 1910 году бескорыстный энтузиаст отставной майор Н. Печенкин раскопал пять таких холмиков и повсюду обнаружил жилые комплексы IV–II веков до н. э. Сделал он и несколько разрезов древних дорог, окаймленных с обеих сторон каменными стенами, и составил общий план полуострова. Получилось, что вся территория разбита на квадратные (большой частью) участки размером 420 х 420 метров, а внутри на квадраты со стороной 210 метров. Большинство таких квадратов имело жилые постройки, в которых нетрудно было распознать античные усадьбы замкнутого плана: большой двор, который окружали хозяйственные и жилые постройки. Сам квадрат, вне всякого сомнения, являлся земельным наделом: внутри он тоже делился на участки, отведенные под сад, огород, поле и виноградник. Многочисленные каменные межевые стены появились из-за того, что при строительстве садово-виноградного плантажа высвободилось такое количество, что его пришлось сложить в стены. Всего Н. Печенкин насчитал около 100

усадеб, из чего следовало, что с наделов Маячного полуострова кормилось около ста семей херсонеситов. Такое число домовладельцев скорее подошло бы мелкому колхозу. Да и как они сумели провести столь масштабные мелиоративные работы? Кто строил оборонительные стены, а самое главное — кто их собирався защищать? И сам смысл постройки города между стен. Рассуждая здраво, зачем человеку строить дачу в пятистах метрах от городской квартиры?

Но, может быть, Страбон, проплывая мимо Маячного полуострова, принял руины усадеб и межевых стен за древний город, да так и написал, толком не разобравшись? Сомнительно. Труд Страбона именно потому и дошел до нас, что великий географ отличался чрезвычайной скрупулезностью: он специально ездил по свету, чтобы самому посмотреть, во всем разобраться, всех расспросить, и тогда уж брался за стило.

Примерно так и рассуждал будущий академик И. Бороздин. Раз между оборонительных стен города нет, а быть он должен, значит, искать его надо не на перешейке между Маячным и Гераклеяским полуостровами, а на дальней оконечности Маячного, там, где теперь маяк. Поскольку на земной поверхности отчетливых следов города не наблюдалось, И. Бороздин решил, что город либо рухнул в море, либо был затоплен морем. Опыт в проведении подводных работ у исследователя был: он уже искал в Балаклавской бухте "Черного принца" (трюмы которого набиты золотом), но нашел лишь какое-то чуждое чудовище времен Первой мировой войны.

Все-таки для очистки совести И. Бороздин решил провести раскопки жилого комплекса, наиболее близкого (около 300 метров) к маяку. Этот комплекс состоял из шести помещений. Только два из них с некоторой неопределенностью можно отнести к жилым, остальные, вне всякого сомнения, — хозяйственного назначения. По материалам комплекс датировали от 380 до 110 года до н. э. Но и этот факт (сельская усадьба чуть ли не в черте предполагаемого города) не остановил И. Бороздина, и в 1931 году он полез в море. Надо отдать должное исследователю: место, где он собирався искать город — практически не знает, что такое штиль, потому что Маячный полуостров клином врезается между Черным морем и Инкерманом. Там даже купаться опасно. А И. Бороздин не только «нашел» город, он даже снял об этом первый в отечественной истории подводный фильм. Поскольку показать в книге фильм невозможно (да и вряд ли он сохранился), дадим слово самому И. Бороздину:

"Весь город окружен толстой, в 4 м толщиной, прекрасно построенной оборонительной стеной, снабженной круглыми башнями в среднем 6–8 метров. Почти все стены сложены из больших каменных массивов, такова же кладка и башен. Все это довольно хорошо зафиксировано кинематографическим аппаратом.

Центральная площадь оказалась немощеной скалистой площадкой, поднятой приблизительно на метр над поверхностью дна. Она похожа на Пникс — место народных собраний в Афинах. Любопытно далее, что возле этого возвышения водолазы констатировали два небольших подземелья, несомненно, искусственного происхождения. Почти все хрупкие стенки, стоящие параллельно берегу, разрушены морским прибоем, но все стенки, идущие от берега в море, довольно хорошо и полно сохранились. Можно с уверенностью сказать, что город имел, по крайней мере, две улицы, пересекающиеся под прямым углом возле центральной площади.

Судя по обнаруженной кладке боевой стены, башен и стен отдельных домов, мы не должны основание города относить далеко за пределы IV века до н. э. Правда, то обстоятельство, что город обнесен боевой стеной, в то время как имеется двойная линия обороны всего полуострова, говорит за более раннее сооружение города, чем заселение всего района. Именно город, будучи построен раньше, впоследствии заселил район, подчинив его себе политически и экономически. Морские работы дали нам ряд мелких предметов на дне: это — сильно обкатанные морем красноглиняные черепки амфор и куски белого мрамора. Дата подводного города должна быть (!) та же, что и сухопутного жилого комплекса: IV—II века до н. э., ни до, ни позже здесь мы не видим никакой культурной жизни, ни греческой, ни местной. Судя по прямолинейности улиц, архитектонике построения всего целого, мы должны наш подводный город считать произведением древних греков эпохи эллинизма".

Мне не удалось выяснить, кто и когда убедил И. Бороздина, что города в районе маяка нет, а есть игра морской стихии, встречаемая повсеместно, где разрушаются скальные породы, что он принимал желаемые стены и площади за действительные нагромождения камней. Вероятно, сами же водолазы. Но И. Бороздин уже опубликовал свои материалы (теперь, правда, это очень большая редкость).

Дальнейшие исследования на Маячном полуострове велись очень вяло, так как территория была «оккупирована» военными и закрыта для простого народа. Ее (как и Балаклаву) даже на карты не наносили.

И все-таки, почему Страбон назвал это место Древним Херсонесом, если археологически он моложе Херсонеса у Карантина и вовсе не город? По логике событий, всем известный Херсонес должен быть Новым. То есть сначала греческие поселенцы построили город на Маячном полуострове, а потом вследствие каких-то причин оставили его и построили другой, нам известный.

Собственно, такой ход событий естественен для древних греков. У того же Страбона можно насчитать, по крайней мере, еще 25 мест, где имеется подобное противопоставление "старый город — новый город". Среди них такие известные, как Локры Эпизефирские, Платеи, Фарсал, Проконнес, Илион, Смирна, Милет, Клазомены, Астипалея, Карфаген... Основными причинами перенесения полисного центра были: насильственное или вынужденное переселение граждан; разрушение старого города; переселение в более удобное для обороны место; переселение, связанное с ростом границ государства; переселение из-за прибытия новой группы колонистов и невозможности вместить всех в старых стенах. К этому можно добавить, что новые города основывались вблизи старых, иногда менялось название, старые и новые города могли существовать одновременно.

Но анализ этих же мест приводит к выводу: Страбон не допускает даже мысли, что древний город мог быть основан позже нового (пусть даже какой-то из этих городов лежит в развалинах), а чаще прямо указывает на первоначальное заселение древнего города. С точки зрения здравого смысла, со Страбоном трудно поспорить. Меня, например, давно удивляют исследователи Новгорода своими поисками Старгорода. Представим следующую картину. Люди основывают город, и кто-то говорит: давайте назовем его Старгород. Почему? — Потому что лет через двести наши потомки ниже по реке заложат другой город. И как же им его называть? А так у них будет предлог назвать его Новгород.

Следовательно, название Старгород может возникнуть только тогда, когда этот Старгород перестанет

существовать. Если же оба города существуют одновременно, то названия у них будут разные или по схеме "город — новый город". Применительно к конкретной ситуации Херсонес на Маячном полуострове должен называться Херсонес, а Херсонес у Карантинной бухты — Новый Херсонес. Но у нас-то все наоборот. Попробуем разобраться.

Маячный полуостров является составной частью Гераклейского, который гораздо больше (в двадцать с лишним раз). Гераклейский полуостров греки тоже размежевали на наделы, причем провели те же самые мелиоративные работы. Но сделали это как минимум на 25 лет позднее и, вероятно, в несколько этапов. В IV–II вв. до н. э. Гераклейский полуостров представлял собой удивительное зрелище: все пространство было покрыто сетью параллельных и перпендикулярных стен высотой 1.5 метра и толщиной 1 метр. Стены эти окружали наделы херсонеситов (тех, что жили у Карантина). Внутри наделов стояли усадьбы, большинство из которых были укреплены мощными башнями-пиргами. Взять такую башню можно было только измором, или, как упоминал Страбон, обложив деревом, сжечь. (Недавно, пытаясь восстановить хотя бы частично одну из башен, археологам пришлось вызывать подъемный кран: своими силами они не обошлись.) Складывалось впечатление, что весь Гераклейский полуостров представлял собой каменный мешок, специально построенный для того, чтобы скифская конница оказалась в нем бессильной. Хотя на самом деле херсонеситы просто убили двух зайцев: во-первых, защитили себя от скифов; во-вторых, нашли применение вырубленной скальной породе, избыток которой и сейчас заметен. Все эти данные позволили представить следующую картину действий греков в Юго-Западном Крыму.

В 422 году колонисты высадились у Карантинной бухты, где и возник Херсонес. По всей видимости, они не могли пахать землю и растить виноград прямо за городом: силы их были ограничены, а тавры (хоть по силе и не скифы) новых соседей не жаловали, да и закон гостеприимства им был неизвестен. Возможно, по ночам они даже воровали с огородов. Что было делать херсонеситам? Они выбрали расположенный в 12 километрах Маячный полуостров, разделили его на наделы и отгородили от внешнего мира стеной. Но этого оказалось мало, ведь тавры могли напасть на них с моря. Поэтому потребовалась еще одна стена, чтобы в случае нападения можно было отсидеться между стенами. Защитив себя со всех сторон, херсонеситы размежевали полуостров и спокойно занялись сельским хозяйством. Через 25–50 лет они почувствовали себя настолько сильными, что размежевали и весь Гераклейский полуостров. К тому времени граждан было не менее тысячи, а во время сельскохозяйственного освоения Маячного полуострова их число не превышало 400 (по числу наделов). Тем не менее, живя во враждебном варварском окружении, надо быть готовым ко всему, в том числе и к внезапному нападению отрядов скифов или тавров. Именно поэтому и были сохранены стены на перешейке Маячного полуострова. Ведь в случае такого набега спастись гражданскому населению с дальних наделов Гераклейского полуострова предстояло за 12 километров, где стоял Херсонес у Карантина. Понятно, что подобное не реально. Гораздо проще было временно укрыться между стен на перешейке и подождать корабля из Херсонеса.

Итак, основное более-менее ясно, но почему все-таки дотошный Страбон назвал первую хору колонистов Древним Херсонесом? Оказалось, за ответом далеко ходить не надо, достаточно открыть «Политику» Аристотеля и прочитать, что первоначальный надел колониста при дальнейшем росте сельскохозяйственной округи получал наименование "старого надела", чтобы отделить его от полученных позднее и подчеркнуть особые права потомка основателей, у которого, по сравнению с прибывшими уже после основания полиса переселенцами, всегда оказывалось на один надел больше. Чаще всего такой первый надел даже продать было нельзя, ибо с потерей земли гражданин лишался политических прав. (Вспомним классический пример Марафонской битвы, когда афиняне послали в бой только собственников

земли, хотя последних было очень мало; но афиняне не доверили остальным защищать родину, считая их перекаати-полем.)

К этому надо добавить, что Маячный полуостров (достаточно взглянуть на карту) в полном смысле слова представляет собой классический пример такового для урока географии. А полуостров по-древнегречески — *Cersthsoj*. Совместив "старые наделы" и слово «полуостров», уже нетрудно догадаться, почему вся эта местность получила название Древний Херсонес, хотя не являлась городом и была моложе самого Херсонеса...

В 1980-х годах я бродил по Маячному полуострову, остатки стен и усадеб там еще были видны, несмотря на то, что весь полуостров вдоль и поперек был исполосован мелкими траншеями. Это сделали не археологи, а солдаты, ежегодно проводящие здесь учения. В одной из траншей я заметил что-то круглое и зеленое. Так обычно выглядят древние монеты. На какое-то время я возликовал: в таких местах, как сельская округа, люди копают годами, и если находят хоть одну монету, то радуются как дети. Но когда я взял ее в руки и пальцами стер окисел, то меня ждало разочарование: это были пятнадцать копеек 1927 года. И это было все, что осталось от подводного города и от экспедиции И. Бороздина.

Танаис

История поисков и раскопок

Древний Танаис, как теперь известно, дважды был разрушен и дважды возрождался. Это было не так уж давно — от I века до н. э. до III века н. э. Однако, несмотря на то, что время это значительно приближено к нам, по сравнению, допустим, с Троей или Вавилоном, ученые не могут твердо ответить на вопрос о причинах первой и второй гибели этого города. Но в истории загадок Танаиса эта не самая главная.

Пропавший Танаис искали несколько веков. Вот как это было.

Знаменитый географ Страбон пишет о Танаисе, как о разрушенном городе. Он не считает нужным хотя бы упомянуть — за что, по какой причине был Разрушен Танаис, в то время как сам Страбон является современником первого разрушения. Именно потому археологи, уже в XX веке, и подумали, что, возможно, греческий глагол евьятею надо, читать не как «разрушить», а как «разорить», «разграбить» ибо такое значение у него тоже имеется.

Но вопросы возникли уже тогда, когда городище Танаиса было найдено.

А в начале поисков не было известно даже следов этого крупнейшего центра торговли греков с северопричерноморскими народами, второго по величине города «европейской» стороны Боспорского царства — после, естественно, Пантикапея.

Следы этого города впервые обнаружил, но не успел раскопать Иван Алексеевич Стемпковский, соратник и первый "специалист-руководитель дилетанта, но бережного ценителя древностей Поля Дюбрюкса. Вдвоем они раскопали знаменитый курган Куль-оба (по-крымско-татарски — "холм пепла"), который из-за богатства находок называют еще Золотым курганом.

И.А. Стемпковский, член-корреспондент Парижской академии, по программе которого, представленной Новороссийскому генерал-губернатору графу М.С. Воронцову, были созданы музеи древностей в Одессе и Керчи, а затем и Одесское общество истории и древностей, полковник и высокообразованный человек, для которого были важны не столько военные учения или парады, сколько возможность кочевой образ жизни военного посвятить изучению истории и культуры. Воспользовавшись командировкой 1823 года на Волгу, он решил проехать берегом Азовского моря от Таганрога до Ростова. Этот путь он пожелал проделать очень медленно — для того, чтобы попытаться найти какие-либо следы Танаиса.

Ведь по Страбону, которого Стемпковский прочел в Париже во французском переводе, было ясно, где искать этот затерянный город: он располагался в устье реки Танаис (Дон), при впадении ее в Меотийское озеро (Меотиду, Азовское море). Куда проще!

Простота оказалась мнимой. На самом деле, своими глазами видя, как изменилась за два

тысячелетия береговая линия Черноморского побережья, где древние прибрежные памятники оказались либо затоплены, либо размыты и разрушены прибоем, полковник не мог быть уверен в очертаниях дельты Дона XIX столетия от Р. Х. К тому же он сам убедился в том, что берега Мертвого Донца, правого рукава Дона, не содержат и намека на существование в прошлом какого-либо поселения. Правда, была вероятность, что Танаис находился на левом краю Дельты, в районе Азова. Но и оттуда никаких намеков на древние развалины или находок тоже вроде бы не поступало.

Задержавшись в Таганроге, Иван Алексеевич выяснил, что ни о каких развалинах там не слышали хотя по почтовому тракту Таганрог — Ростов многие ездили. Стемпковский зацепился лишь за упоминание неких заросших "траншей или окопов", которые можно наблюдать в районе села Недвиговки, что на правом, высоком берегу. Вот, пожалуй, и все. Нет никаких древностей. Есть только курганы.

Учитывая дотошность полковника Стемпковского, можно предположить, что он наверняка знал и еще об одной особенности этого края: зыбучие пески. За почти два тысячелетия Танаис мог поглотить (безвозвратно) именно зыбучий песок. Это означало бы, что поиски бессмысленны. Но, скорее всего, он понял, что, вероятно, древние греки тоже кое-что знали о зыбучих песках, а значит, должны были поставить свой город-колонию на «неподвижном» месте. Может быть, его натолкнуло на это название сельца Недвиговка?.. Как бы то ни было, подъезжая к нему, Иван Алексеевич догадывался, что городище надо искать там.

Он нашел «окопы» в нескольких верстах от моря. И не «окопы» даже, а древние укрепления! Ошибки быть не могло: ведь он уже видел Ольвию около Очакова. А здесь вокруг «укреплений» был древний ров. Надо рвом угадывались расползшиеся остатки вала! Похоже, что и впрямь это исчезнувший Танаис. Главное, Стемпковский нашел черепки битой посуды. Это была не турецкая посуда, как заверили его в Таганроге, а самая настоящая греческая посуда — осколки амфор.

А еще Иван Алексеевич поинтересовался и глядел монеты, которые в небольшом количестве были найдены в Недвиговке. Это были монеты Боспорского царства.

И самое главное — ему, военному, стало ясно стратегическое значение этого во всех отношениях удобного возвышенного места. Именно здесь мог быть древний город.

Покинув Недвиговку и прибыв в Ростов, Стемпковский встретился с обладателями схожих находок — и с того же места! Правда, некоторые находки были сделаны не в Недвиговке, но эти немногие исключения не показались искателю важными. Тем более что эти места тоже располагались в основном по течению Мертвого Донца. Иван Алексеевич увидел монеты боспорского царя Савромата I (93— 123 годы н. э.), Котия II (123—132 годы), монеты других царей I—II веков н. э.

Возвращаясь через несколько месяцев с Волги, Стемпковский проехал тем же трактом. Он все же не поленился и обследовал все указанные ему любителями древностей места. И убедился, что там тоже когда-то жили люди. Но наличие этих поселков (ни в одном из них он не обнаружил следов укреплений и городских стен) при большом городе как раз и говорило в пользу Недвиговки: именно там должен был когда-то кипеть жизнью Танаис.

Так он и написал в письме Ивану Павловичу Бларамбергу, одесскому археологу и нумизмату. Таким образом, задокументированное сообщение И.А. Стемпковского является первым упоминанием об открытии Танаиса, хотя и почти умозрительном. Что ж, и великий Шлиман через пятьдесят лет сначала напишет о том, как и где он раскопает свою Трои (напишет толстую книгу!), а уж потом поедет и раскопает древний город. Правда, книге Генриха Шлимана также предшествовало путешествие его, дилетанта, на холм Гиссарлык, где он постоял, осмотрелся, поднял с земли некий черепок — и, даже не копнув лопатой, отправился в Париж.

Прошло тридцать лет. И.А. Стемпковский скончался молодым через пять лет после того своего путешествия. Возникли новые обстоятельства, потому что наступило новое время.

Ради определенных, в том числе стратегических, целей правительство Николая I стало дополнительно раздавать земли казачеству: близилась новая война с Турцией.

Лев Алексеевич Перовский, министр уделов, много полезного сделавший для развития археологии и сохранения древностей в России, подал докладную записку, прошение императору Николаю, в котором сетовал, что на розданных землях казаки, во-первых, распашут городище в окрестностях Недвиговки, а во-вторых, все, что выворотит из земли плуг, употребят по своему усмотрению: драгоценности присвоят, а каменную кладку, если таковая сыщется, растащат на строения. Пора раскопать городище, могущее оказаться Танаисом. Умный Перовский намекнул и на то, что казаки, кроме древних руин, распашут и имеющиеся там во множестве курганы.

Известна великая жадность Николая I к древним сокровищам, которые он давным-давно особым указом повелел считать своею собственностью, дабы они "пополняли и обогащали музей Эрмитаж". Царь выделил три тысячи целковых на раскопки. Руководителем раскопок назначили Павла Михайловича Леонтьева, 30-летнего профессора Московского университета кафедры римской словесности и древности. По счастливому совпадению, Павел Михайлович оказался не только знаком с мнением И.А. Стемпковского, но и разделял его. И не только по вопросу раскопок Танаиса.

Впрочем, в добавление к высочайшему разрешению раскопать городище под Недвиговкой, государь повелел, "что посему главная цель всех предпринятых разысканий состоит в открытии художественных произведений древнего искусства", и прямым текстом передал через Перовского: копай курганы.

Законопослушный П.М. Леонтьев приступил к раскопке курганов. И ему страшно не повезло! В отличие от крымских и курганов Черноморского побережья Кавказа, в отличие от курганов царских скифов, курганы меотов и сарматов оказались разграбленными целиком. Пустые Ростовско-Таганрогские курганы только отняли время.

У Леонтьева чесались руки на городище, а его заставляли копать и копать курганы. И в один прекрасный момент Павел Михайлович понял вдруг, что самодержец не удовлетворится его отчетом о том, как группа археологов натывается на пустоту в одном кургане, другом, третьем. Гнев государя ему обеспечен в любом случае.

А семь бед — один ответ. И Леонтьев снимает часть рабочих с курганов и бросает их на раскопки городища Недвиговки. Таким образом, Нижнее Подонье обрело, наконец, заботливого раскопщика и честного историка. Потом Леонтьев станет знаменитым первооткрывателем Танаиса, а пока он самовольно закладывает первые раскопы на городище, которое предположительно может быть Танаисом. Получая отрицательные результаты с курганов, которые все еще продолжает раскапывать, Павел Михайлович бросает на городище все новые и новые силы. Наконец, расстановка сил уже стала такой, что все основные группы рабочих трудились на городище.

Силы нужны были колоссальные. Ведь городище 225 x 240 метров, что составляло более 10 тысяч квадратных сажен, требовало не только затрат физического труда, но и умных рук, вдумчивой лопаты. Тем более что, едва появились первые результаты раскопок, они оказались тоже не подарком. Вместо цветущего древнего греческого города Леонтьев раскопал примитивную керамику, изготовленную без гончарного круга, грубую и невыразительную; раскопал кривые стены из необработанного, необтесанного камня, сложенные без всякого учета хоть каких-нибудь греческих традиций или законов строительства. Вместо мощных городских стен толщиной хотя бы метра три — какой-то столь же примитивный вал из мелких камней, на крепостную стену совсем не похожий.

Павел Михайлович догадывался, что попал на позднейшее строительство, что оно может и не иметь отношения к грекам, поскольку осуществлялось в те времена, когда в городе (или на остатках погибшего города) могли жить какие-нибудь кочевники, которые к строительству никогда не имели отношения, так как жили в кибитках, ели и спали у костра. Но подобная неудача заставила его содрогнуться: все обстоятельства, словно сговорившись, были против полномасштабных и планомерных работ. Не везет так не везет — вот и весь сказ. Найдены, правда, некоторые предметы и монеты. Но, во-первых, среди них нет ни одного, и ни одной старше I века н. э. А во-вторых, где чернолаковая и краснолаковая керамика? Где античный размах? Понятно, что не Афины, понятно, что отдаленная северная глушь, но убожество ведь тоже имеет свои пределы. А он-то ожидал откопать — ну, пусть не шедевры античного искусства, но хоть одну мраморную колонну, один фриз!

Разочарованный П.М. Леонтьев делает категорический вывод: это не Танаис. Но тут ему доносят: нашли осколки мраморной плиты с надписью. Потом — другую надпись. Сомнения исчезли. Да, оказалось, Танаис был такой, и только такой. Плита была вделана в стену башни и найдена под землей, среди обломков этой самой башни, в развалинах. И надпись на плите гласит: восстановлена башня и часть стены во времена царя Котиса III, восстановлена в таком-то году стараниями такого-то.

Радость открытия — радостью, но разочарование осталось. И Павел Михайлович, размышляя о том, почему ожидания и действительность так сильно расходятся, хватается за спасительную мысль: ведь Страбон написал, что тот, прежний Танаис был разрушен боспорским царем Полемоном в самом конце I века до н. э. Значит, этот Танаис, город, рожденный лишь в I веке новой эры, взял от прежнего только имя. "Уже одна кладка стен из необтесанных камней и чрезвычайно небрежная вполне убеждает, что тот Танаис, развалины которого мы имеем в Недвиговском городище, не только не есть греческий город хорошего времени, но и вообще не есть чисто греческий город. Греки никогда, ни даже в византийское время, не строили так дурно", — написал потом Павел Михайлович. Это не тот Танаис, не полемоновский. О слепо-лемоновском Танаисе не говорит ни один древний автор. И хотя раскопки доказали, что он все же существовал, следует думать, что тот Танаис, который был разрушен Полемоном, был где-то в другом

месте.

И Леонтьев засел опять за книги древних авторов — Страбона и Птолемея. Павел Михайлович принялся систематизировать все свои знания о древностях Нижнего Подонья. Затем он переправился через Мертвый Донец и внимательно осмотрел все то, что осталось не изученным Стемповским в его поездке 1823 года. А это — курганы "Пять братьев" в окрестностях станицы Елисаветовской и прилегающие к ним территории.

Археолога ждал успех на этом поприще: он нашел неизвестное городище! По площади оно превышало Недвиговское и было обнесено двойным валом. Он сделал пробные раскопы. Они, конечно, не доказали, что вновь обнаруженное городище есть дополемоновский Танаис, но там Павел Михайлович обнаружил тоже черепки амфор, другие греческие вещи, а также мелкие золотые и серебряные украшения.

Отчитываясь о проделанной работе, Леонтьев не утверждает категорично, что нашел первый Танаис, но оставляет для этого заключения вполне реальную возможность.

И ровно на сто лет порождает заблуждение о двух Танаисах! Танаис, открытый в Недвиговке Стемповским и раскопанный Леонтьевым, ученые окрестили Танаисом Младшим.

В 1867 году, через 12–13 лет после раскопок Леонтьева, Императорская Археологическая комиссия решила возобновить изучение Недвиговского городища. Раскопки возглавил представитель комиссии барон фон Тизенгаузен. Впрочем, копать он должен был не столько в Недвиговке, сколько все в тех же курганах, чтобы добыть новые драгоценности и "высокохудожественные изделия древних мастеров" для Императорского Эрмитажа.

Владимир Густавович Тизенгаузен позже прославился именно находками в курганах. Еще он стал одним из ведущих специалистов по восточным монетам, написавшим несколько книг. Он раскопал богатые курганные погребения "Семь братьев" недалеко от Анапы.

В Недвиговке же Тизенгаузену вместо золотых украшений попадались то каменные грузила рыбаков, то зернотерки, то примитивные горшки из черной глины. Прежде всего сам считая свою работу полной неудачей, Владимир Густавович лишил науку подробного отчета об этих раскопках, потому что в сводном отчете Археологической комиссии, скрупулезно переписав чужие отчеты, своему уделил всего несколько строк.

Не обошлось и без курьезов.

В конце 1860-х годов при строительстве участка железной дороги Ростов — Таганрог рабочие, занимавшиеся ломкой камня в районе Недвиговки, но ничего не знавшие об археологических раскопках Танаиса, открыли его заново. Сообщение об этом появилось в 1869 году в "Донских новостях", а затем и в петербургских газетах. Там говорилось о гигантском подземном ходе, который вел то ли на ту сторону

Дона, то ли в Азов. Говорилось о кладе, состоявшем из нескольких фунтов золотых монет и золотого венка. Председатель Археологической комиссии граф С.Г. Строганов имел по этому поводу переписку с наказным атаманом Войска Донского М.И. Чертковым. Чертков, в свою очередь, направил в Недвиговку с проверкой директора новочеркасской гимназии Робуша и художника Ознобишина. Те доставили в Новочеркасск обнаруженные при камнеломных работах танаисские надписи, а на месте обследовали "подземный ход", оказавшийся водостоком из города в реку. Слухи о золоте тоже оказались преувеличенными настолько, что их можно было считать чистым враньем.

Тем не менее, зная, что слухи не возникают на пустом месте, Археологическая комиссия опять шлет своего представителя, которым стал Петр Иванович Хицунов, проживавший тогда в Таганроге и уже проводивший раскопки в Крыму и в Тамани, с поручением исследовать Недвиговское городище и "другие древности Дона". Комиссии, шедшей на поводу у алчных императоров, опять захотелось золота для Эрмитажа.

С подземного хода Хицунов и начал. Сделал тот же вывод, что и Робуш: это был канал для сточных вод, спускаемых из города.

Если говорить о конкретных результатах раскопок, проведенных Хицуновым, то он обнаружил множество новых надписей, которые и были отправлены (общий вес 44 пуда 10 фунтов) в пяти больших ящиках в Петербург. Кстати, по только что открытой железной дороге.

Петр Иванович «отличился» перед прежними археологами тем, что раскопал каменную печь для обжига керамической посуды. Но не зарисовал и не начертил ее.

Раскопки в Недвиговке приостановились на неопределенное число лет. С 1870 года до самого послереволюционного времени, когда все памятники древности были объявлены народным достоянием, находящимся под охраной советского закона, в течение 50 лет местные жители растаскивали городище на собственные нужды. В Недвиговке возникло много свежестроенных сараев, кухонь и даже жилых домов. Многие же камни пошли просто на фундамент под новое строительство.

Потом, до революции, всего один раз возник всплеск интереса Археологической комиссии к Танаису. Это произошло после того, как жители раскопали некрополь и обнаружили богатую могилу. В ней нашли серебряный сосуд, золотую гривну (шейное украшение) и золотой венок. Это было в 1908 году. Археологическая комиссия тут же поручила известному археологу Николаю Ивановичу Веселовскому немедленно начать раскапывать некрополь Танаиса. Веселовский копал в 1908 и в 1909 годах. Ничего интересного для комиссии и императора Николай Иванович не откопал. Впрочем, с научной точки зрения Н.И. Веселовский добыл интересные результаты.

После 1909 года раскопки прервались почти на 50 лет. В 1950-е годы советские археологи под руководством Д.Б. Шелова добыли новые данные, позволившие написать экономическую, политическую и культурную историю Танаиса.

Город Танаис

История города разбивается на три четко прослеживаемых по археологическому материалу этапа. Первый этап — III—I века до н. э.; второй этап — I—III века н. э.; третий этап — последняя треть IV века — начало V века. На рубеже первого и второго этапов город был не разорен, а все же разрушен боспорским царем Полемоном. Так и не выяснено, за что же Полемон разрушил Танаис. Город исправно расплачивался с боспорскими царями, и проблем с Пантикапеем у него не было. И вдруг — с Танаисом случается то, что вообще очень редко происходит, ибо произошло от «своего» царя. В истории мы найдем немного примеров подобного отношения правителя к «своему» городу. Ну, к примеру, в русской истории есть такая страница с сожжением Новгорода Иоанном Грозным. Но, как выясняется, Новгород, практически два с половиной века бывший Республикой внутри феодального государства Русь, действительно «добился» от царя такой участи (не станем сейчас оценивать, кто из них был прав). Наказав Новгород и ликвидировав его независимость, которая фактически имела место (царские наместники, князья давно там не избирались, и это мешало централизованной московской власти), Иоанн сделал Русь единой и неделимой. Здесь все трагично, но ясно. А за что же сжег и разрушил Танаис Полемон?

Есть предположения, не имеющие четкого доказательства до сих пор. У Страбона сказано очень скупо: "Недавно его разгромил царь Полемон за неповиновение". Можно сколь угодно долго гадать над этой короткой строчкой. А можно принять так, как написано, и тогда все может проясниться. Ведь «неповиновение» — это совсем не то, что «неуплата» или "отказ платить".

Правда, мы так и не знаем, в чем выразилось это «неповиновение». Но можно предположить с большой долей вероятности, что же было на самом деле.⁵ Царь Полемон, посаженный на трон римлянами, правил Боспором с 14 по 8 год до н. э. В эти-то шесть [\[46\]](#) лет он и разрушил Танаис.

То, что произошло с Танаисом, нельзя сравнивать с судьбой Карфагена или другого города, который завоеватели разрушили до основания и стерли с лица земли. Здесь речь шла только о наказании. Видимо, проблема ослабления Боспора в Меотиде и прилегающих землях была менее важной, чем задача наказать.

Однако, как подтвердили археологические изыскания, Полемон разрушил не весь город: сгорела западная его часть. А история Танаиса пошла вперед практически без всякой остановки. Вероятно, «наказание» мало сказалось на торговых делах в регионе, и Танаис продолжал жить собственной полнокровной жизнью, быстро оправившись от трагедии. Только та, сожженная и разрушенная часть города больше так и не отстраивалась. Возможно, в память о постигшем город несчастье, и о вторичном разрушении Танаиса мы поговорим позднее, а пока посмотрим, что же представлял собою этот торговый и богатый по тем временам город.

Ранний город состоял из трех частей. Первая часть — основная территория. Вторая — примыкающий к ней западный район. Третьей частью являлся приречный район, который никак невозможно исследовать из-за существующей ныне застройки. Но, скорее всего, за то время, что существует сельское поселение на месте бывшего когда-то города, основная часть материалов просто безвозвратно потеряна: человек вел хозяйственную деятельность, и он использовал или выбрасывал за ненадобностью те находки, что попадались ему в земле в результате этой хозяйственной деятельности. Может оказаться, что, например, новые здания нашего времени возведены с частичным использованием под фундамент каких-либо древних построек, что не только бывает, но и наблюдается в истории повсеместно.

Оборонительные стены в Танаисе возведены в самом конце III или в самом начале II века до н. э. Раскопками открыты западная и южная оборонительные стены. Камень, из которого они сложены, подтесан лишь слегка и сложен на глине. Наружный панцирь стены состоит из более мощных камней, чем внутренняя часть. На южном конце западной стены возведена прямоугольная оборонительная башня, сложенная из тесаных блоков. Одновременно с западной стеной были сложены стены примыкающих к ней зданий. Известный с древности способ экономного строительства городов. Кстати, здесь и лучше сохранились ранние постройки. В I веке н. э. дома появлялись вне стен города. Отчасти это произошло потому, что По-лемон разрушил внешнюю стену, и город все равно оказался незащищенным. Не сразу началось восстановление разрушенной внешней стены.

В начале II века город опять превратился в крепость со сторонами 225 и 240 метров. Вокруг Танаиса сооружается ров шириной 10–13 метров. Частично он выкапывается, частично же выдалбливается в материковой скале. Глубина его — 7–8 метров. К западной стене снаружи пристраивается дополнительный панцирь, и толщина стены делается вместо трех метров — 4,8 метра. Новые четырехугольные башни выступают далеко за линию стены. Открыты четыре промежуточные башни с помещениями. Вдоль западной стены проходила узкая улица. От нее к городским постройкам спускалась каменная лестница. Еще одна улица выявлена раскопками, она пересекала город с запада на восток. На северо-восточном участке городские помещения отстояли от стены на 1,5–2 метра. Это пространство было занято специальным бутом из камня и суглинка, откосом дополнительно укреплявшим стену.

Открыта небольшая площадь в центре города, а также одно из зданий, которое могло выполнять роль общественного. Обнаружены храмы. Есть чисто культовые находки — алтарь, семь глиняных штампов для оттисков на ритуальных хлебцах. А также пять маленьких лепных сосудишков для воскурений (с дырочками в стенках).

Раскопаны торговые подвалы зажиточных купцов и торговцев менее состоятельных. Найдены предметы, принадлежащие к разного рода ремеслам, хозяйственный инвентарь. Открыты печи для выпечки хлеба. Обнаружены свидетельства того, что жители занимались животноводством и особенно рыболовством.

На втором этапе жизни города произошло важное событие: в Танаисе, единственном из открытых в этом регионе городов, появилось стеклодельное производство. Производились изделия, подобные тем, которые изготавливались мастерами с Рейна и привозились издалека.

Обнаружен склад крупного посредника-торговца. В его подвале найдено примерно 390 амфор, в некоторых частично осталось содержимое. Около сотни амфор были готовы для того, чтобы их заполнили нефтью. Лабораторный анализ подтвердил, что в этих сосудах уже хранилась когда-то нефть.

Танаис подчинялся боспорским царям, а те управляли городом через своих посланников — пресбевтов. Во главе магистратуры стоял эллинарх, а с ним несколько архонтов танаитов. Первый, очевидно, отвечал за греков, а второй — за местное, варварское население. Были и другие должности — диадох, стратег граждан, лохаг (полководец) танаитов, просодик, простат.

Интересно, что, обнаружив предметы и помещения культово-ритуального характера, ученые не смогли найти имен богов, каким поклонялись в Танаисе. Есть лишь достоверное знание о том, что поклонялись некоему верховному богу.

Ранний некрополь носит черты кладбищ чисто греческих городов. Некрополь второго этапа больше похож на смешанный греко-скифского типа. Есть немногочисленные погребения сарматского типа. Как правило же, в одной могиле встречаются черты как

греческих, так и сарматских захоронений. В I веке появляются могилы с каменными оградами, аналогично скифским памятникам. В то же время появляется обычай хоронить детей (младенцев) в амфорах. Взрослые покойники хоронились либо в простых могильных ямах, либо в гробах. До I века существовал способ установки надгробных камней антропо-образного типа — плоский прямоугольник (призма), увенчанный дискообразной частью (головой), а также встречаются плиты стреловидной формы. Хоронили покойников в основном головой на восток. Есть единичные захоронения с южной и юго-восточной ориентировкой.

Образ жизни

Танаиты занимались рыбной ловлей: каменные и изредка металлические грузила предназначены для использования их в сетях. Обнаружены несколько помещений для хранения и переработки рыбы. Рыба поступала в продажу на вывоз как свежая, так и соленая. Вероятно, была также вяленая. Скорее всего, донские осетры доставлялись в Рим в живом виде, хотя это и стоило очень дорого. Основные виды промысловых рыб: осетр, севрюга, стерлядь, сазан, сом и другие.

Кроме торговли, жители города занимались различными ремеслами. В том числе, как говорилось, стеклотделанием, ювелирным искусством, гончарным (примитивно), строительством (камнерезание несомненно), хлебопечением, кузнечным делом.

Существовали религиозные союзы, объединявшие представителей верхних слоев населения — высших чиновников, аристократов, купцов. Списки членов этих союзов (фиасов) сохранились на мраморных плитах.

Образ жизни горожан скорее всего не подразделялся на греческий, сарматский, меотийский. В короткое время после возникновения фактического общежития образ жизни сделался ближе к усредненному. Разделение народов происходило скорее по сословному признаку. Но и здесь в чертах "Бога высочайшего", вероятнее всего, слились черты Зевса греческого, Сабазия фракийского, бога Яхве и христианского бога-отца.

Любопытно, что танаиты ежегодно праздновали некий "день Танаиса". Скорее всего, это был праздник восстановления города после «наказания» его Полемоном.

Разрушение и конец Танаиса

К III веку н. э. завершилось создание оборонных сооружений города. Их значительно усилили в

сравнении с теми, что были прежде. Вероятнее всего, горожан уже стали донимать неизвестные пришельцы. Если скифы, сарматы, меоты и другие окрестные народы, даже находясь в состоянии войны, прекрасно знали, что у врага можно разрушить, а что следует сохранить (как это, в более ярком виде, проявилось в завоеваниях Вавилона), то теперь пришел, вероятно, совсем чужой завоеватель, для которого не было ничего святого. А Танаис лежал на стыке торговых путей и кочевых перемещений, поэтому он первый и должен был подвергнуться разграблению.

Судя по тому, что танаиты всерьез занимались укреплением города, видимо, опасность уже была близка. Враг приходил как с востока, так и с севера.

Именно в III веке в Северное Причерноморье вторглись завоеватели. Эти племена и разрушили Танаис.

Еще Леонтьев писал:

"Развалины города показывают, что это разрушение было самое страшное, какое только можно себе представить: в городе почти не осталось камня на камне; от весьма многих стен сохранились нижние ряды каменной кладки; башни разрушены почти до основания, и самые погреба засыпаны развалинами обрушившихся строений. В разорении участвовал огонь, которого следы видны почти везде во внутренней части города и на внутренней стороне городских стен и башней; [\[47\]](#) одна из открытых башней обгорела даже со всех сторон".

Леонтьев считал, что гибель Танаиса наступила от рук гуннов. Но гунны вторглись в Причерноморье в конце IV века, а Танаис разрушен около середины III века.

Это были племена готского союза.

После разграбления и уничтожения города оставшихся в живых жителей Танаиса скорее всего готы увели с собой. И Танаис опустел на более чем 100 лет.

До сих пор ученые не знают, как это на самом деле произошло.

Через долгое время в развалинах города поселился совсем новый народ. Это он насыпал вал, так не понравившийся своей примитивностью Павлу Михайловичу Леонтьеву. Скорее всего, именно он изготавливал керамику, которую в IV–V веках трудно было назвать керамикой. Они не позаботились не только о правильном сооружении домов, об их красоте, они не думали даже о прочности. Каменные завалы внутри города они разобрали лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы ходить не спотыкаясь. А может быть, эти люди были столь малочисленны, что это было им не под силу?..

Число археологических находок, относящихся к третьему периоду, очень невелико. Осколки керамики только боспорского производства, несколько бронзовых монет второй половины IV века. Все эти монеты римские, потому что боспорские цари перестали чеканить монету.

Впрочем, есть одна интересная находка этого периода — костяные обкладки сложного лука, относящегося по конструкции к гуннским лукам.

Поселение было варварское, ничего общего не имевшее с первыми двумя цветущими периодами. Наконец, в конце IV или начале V века город окончательно перестал существовать.

Преданный второй Рим

Загадочен исчезнувший Вавилон, сонмище народов и противоречий древних эпох, "столица мира". Но не меньше не разрешимых нынешними методами загадок, связей и противостояний содержит Царь-город Константинополь, нынешний Стамбул (Иstanbul), прежняя Византия. Город, существующий на месте древнего, фактически растворил в себе громадную историю, и специалисты часто не могут прибегнуть к раскопкам и вынуждены пользоваться лишь письменными свидетельствами прошлых эпох. Двадцать девять раз в своей истории Византия подвергалась осаде многими и многими завоевателями. Лишь семь раз осажденные не выдерживали осады. Последний, решительный бой, был тридцатым и роковым для христианского Константинополя. Однако пожары и разрушения, принесенные чужаками, иногда не шли ни в какое сравнение с тем ущербом, какой наносили византийцы себе сами. Внутренние пружины бывали закручены гораздо сильнее и ударили сильнее.

Эту главу нам удобнее начать с события, в котором ярко проявились скрытые и открытые механизмы, приводившие город на грань катастрофы: произошло оно в конце первой трети VI века от Р. Х. Речь идет о так называемом "восстании Ника" в январе 532 года, во времена царствования императора Юстиниана.

"Спасенные богом" уродуют Рим

Сложный социальный состав населения усугублялся не только демографическими нюансами (трудно назвать, какие народы не населяли Византию), но и религиозными различиями, ибо наряду с христианами, уже поделенными на католиков и православных, значительную часть населения составляли язычники всевозможного толка. Деление города на кварталы, закрепление их за определенными «языками» не спасало положения. Римская империя, созданная силой оружия, все свои противоречия передала по наследству Византии. Межнациональные конфликты, с различными социальными оттенками, так или иначе происходили, сближая одни и отдаляя друг от друга другие народы. А стремление удержать в равновесии эти силы приводило к неизбежному усилению центральной власти, базировавшейся на законах, которые не всегда были глубоко продуманы, каким и явился свод законов Юстиниана, призванный упорядочить многие стороны жизни, производства и торговли, закреплявший некоторые права собственности, но во многом отнимавший прежние свободы. Трудно было обнаружить социальный слой, в котором не было недовольных новыми законами. К январю 532 года противоречия вылились в неожиданный взрыв народного гнева.

Однако любое социальное выступление могло произойти лишь через определенные социальные институты. Это могли быть, скажем, квартальные комитеты, демы, общество любителей философских бесед, или народное собрание... Как в Греции. В Византии существовало не так уж много возможностей выразить свое отношение к действительности рядовому жителю. У аристократии был, в конце концов, сенат, у торгово-промышленного класса, к которому относились и ремесленники, — свои профессиональные объединения по типу гильдий. А вот народ нашел способ выражения в деятельности так называемых партий ипподрома. Такое разделение на партии возникло в Византии в конце IV века и окончательно оформилось к V веку. Образовавшись всего лишь по принципу спортивного клуба болельщиков, димы (фракции) очень скоро включили в себя единомышленников отнюдь не на основе спортивных игр (ристалищ). И хотя население разбилось на две партии — прасинов и венетов, — их пристрастия проявились вполне определенно. Венеты (голубые) были чисто православные, а прасины включали христиан-еретиков, представителей язычников, иудеев и т. д. Все недовольство, накопившееся

на чисто социальной почве, высказывалось в отношении к игре, к противникам из другого дима, и частенько выливалось в мятеж.

Летописцы оставили нам удивительное свидетельство препирательств императора с обиженными прасинами, происходивших во время скачек на ипподроме. В истории этот документ зафиксирован под именем "Акты по поводу Калоподия". Ученые склоняются к тому, что с этой перепалки и началось восстание. Полный текст диалога хранит «Хронография» Феофана. Однако прежде, чем привести его, скажем, что за некоторое время до того дня, когда состоялась эта перепалка, произошли другие, не менее знаменательные события, зафиксированные историками. Уже лилась кровь: прасины и венеты нападали и убивали друг друга. Заметьте, в бурном разговоре с императором на ипподроме венеты и прасины — заодно, они подливают масла в огонь!.. Впрочем, само молчание венетов гораздо красноречивее их реплик: вдумчивому читателю становится ясно, что в претензиях к императору венетов и прасинов больше общего, чем в их разногласиях между собой. Вот тот самый текст, подлинник, наполненный страстями.

"Прасины. Многая лета, Юстиниан август, да будешь ты всегда победоносным! Меня обижают, о лучший из правителей; видит Бог, я не могу больше терпеть. Боюсь назвать (притеснителя), ибо, как бы он не выиграл, я же подвергнусь опасности.

Мандатор (чиновник, говоривший с народом от имени императора). Кто он, я не знаю.

Прасины. Моего притеснителя, трижды августейший, можно найти в квартале сапожников.

Мандатор. Никто вас не обижает.

Прасины. Он один-единственный обижает меня. О, Богородица, как бы не лишиться головы.

Мандатор. Кто он такой мы не знаем.

Прасины. Ты, и только один ты знаешь, трижды августейший, кто притесняет меня сегодня.

Мандатор. Если кто и есть, то мы не знаем кто.

Прасины. Спафарий Калоподий притесняет меня, о всемогущий.

Мандатор. Не имеет к этому отношения Калоподий. [\[48\]](#)

Прасины. Кто бы он ни был, его постигнет участь Иуды. Бог скоро накажет его, притесняющего меня.

Мандатор. Вы приходите (на ипподром) не смотреть, а грубить архонтам. [\[49\]](#)

Прасины. Того, кто притесняет меня, постигнет участь Иуды.

Мандатор. Замолчите, иудеи, манихеи, самаритяне.

Прасины. Ты называешь нас иудеями и самаритянами? Богородица со всеми!

Мандатор. Когда же вы перестанете изобличать себя?

Прасины. Кто не говорит, что истинно верует, владыка, анафема тому, как Иуде.

Мандатор. Я говорю вам — креститесь во единого (Бога).

Прасины начали перекликаться друг с другом и закричали, как приказал Антлас: я крещусь во единого.

Мандатор. Если вы не замолчите, я прикажу обезглавить вас.

Прасины. Каждый домогается власти, чтобы обеспечить себе безопасность. Если же мы,

испытывающие гнет, что-либо и скажем тебе, пусть твое величество не гневается. Терпение — Божий удел. Мы же обладая даром речи, скажем тебе сейчас все. Мы трижды августейший, не знаем, где дворец и управляется государство. В городе я появляюсь не иначе как сидя на осле. О, если бы было не только так, трижды августейший!

Мандатор. Каждый свободен заниматься делами, где хочет.

Прасины. И я верю в свободу, но мне не позволено ею пользоваться. Будь человек свободным, но, если есть подозрение, что он прасин, его тотчас подвергают наказанию.

Мандатор. Вы не боитесь за свои души, висельники!

Прасины. Запрети этот цвет,[50] и правосудию нечего будет делать. Позволяй убивать и попустительствуй (преступлению)! Мы — наказаны. Ты — источник жизни, карай, сколько пожелаешь. Поистине такого красноречия не выносит человеческая природа. Лучше бы не родился Савватий,[51] он не породил бы сына-убийцу. Двадцать шестое убийство совершилось в Зевгме.[52] Утром человек был на ристалище, а вечером его убили, владыка!

Венеты. На всем ристалище только среди вас есть убийцы.

Прасины. Ты убиваешь и затем скрываешься.

Венеты. Это ты убиваешь и устраиваешь беспорядки. На всем ристалище только среди вас есть убийцы.

Прасины. Владыка Юстиниан, они кричат, но никто их не убивал. И не желающий знать — знает. Торговца дровами в Зевгме кто убил, автократор?

Мандатор. Вы его убили.

Прасины. Сына Эпагата кто убил, автократор?

Мандатор. И вы его убили, а теперь клевете на венетов.

Прасины. Так, так! Господи помилуй! Свободу притесняют. Хочу возразить тем, кто говорит, что всем правит Бог: откуда же такая напасть?

Мандатор. Бог не ведает зла.

Прасины. Бог не ведает зла? А тот, кто обижает меня? Философ или отшельник пусть разъяснит мне различие между тем и другим.

Мандатор. Клеветники и богохульники, когда же вы замолчите?

Прасины. Чтобы почтить твое величество, молчу, хотя и против желания, трижды августейший. Все, все знаю, но умолкаю. Спасайся, правосудие, тебе больше здесь нечего делать. Перейду в другую веру и стану иудеем. Лучше быть эллином,[53] нежели венетом, видит Бог.

Венеты. Что мне ненавистно, на то и не хочу смотреть. Эта зависть (к нам) тяготит меня.

Прасины. Пусть будут выкопаны кости (остающихся) зрителей".

И в эти злосчастные мгновенья прасины покидают ипподром, демонстративно нанося императору (и уж потом — венетам) оскорбление. Венеты, как выяснилось, не очень-то приняли его на свой счет: пройдет всего несколько дней, и они станут заодно с прасинами в восстании против императора и правительства.

Все-таки после ипподрома кровопролитные стычки на улицах между венетами и прасинами были. По

результатам наведения порядка арестовали множество людей. И префект Евдемон присудил семерым смертную казнь. Четверо были обезглавлены, а трое должны были быть повешены.

И здесь произошло то, что считается настоящим чудом: сломалась виселица, и остались живы двое повешенных — один прасин и один венет. Когда их стали вешать вторично, они опять упали на землю. Тогда в дело вступили монахи: они отвели висельников в церковь св. Лаврентия, что у Золотого Рога. Префект окружил здание храма, но не распорядился атаковать его, а только сторожить осужденных.

Наступило 13 января. Начались иды, и император позволил устроить на ипподроме ристания. На результаты скачек никто не обращал внимания. За два заезда до конца состязаний (всего заездов было 24 по семь кругов) венеты и прасины, постоянно выкрикивая слова о помиловании тех двоих, которых спас сам Бог, не дождались ответа императора. Тогда пронеслось восклицание:

— Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам!

Эти слова были началом союза венетов и прасинов и «сигналом» к началу восстания. «Ника» ("Побеждай!") — это клич, ставший «паролем» восставших, а позднее давший имя самому восстанию.

Вечером народ пришел к префекту и потребовал убрать солдат от церкви св. Лаврентия. Не получив никакого ответа, восставшие подожгли преторий города. Мало того: народ ворвался в тюрьму и освободил не только несправедливо, по его мнению, осужденных на казнь, но и вообще всех заключенных, среди которых были жестокие воры и убийцы — простые уголовники. А охрана, по словам Прокопия Кесарийского, была перебита.

Подожгли вторую тюрьму, на Халке. Это было деревянное сооружение, покрытое медными листами с позолотой — так был оформлен вход в Большой дворец. Пожар в мгновение распространился по городу. И в пожаре погибли храм св. Софии — гордость Византии, портик Августеона, находившиеся там же здание сената и бани Зевксиппа. Поджигали и грабили богатые частные дома — вероятно, не без помощи освобожденных уголовников.

Правда, очень многие горожане, не желавшие участвовать в беспорядках — кто в страхе, кто по убеждению, — бежали на азиатский берег Босфора.

14 января Юстиниан, не наученный опытом двух ипподромных инцидентов, приказал опять провести игры. Может быть, ему казалось, что народу недостает «зрелищ». Когда же начались состязания, димоты^[54] подожгли часть ипподрома, а сами собрались на Августеоне.

Посланцы императора сенаторы Мунд, Василии и Константиол пришли узнать, что нужно народу. И получили требование избавить Константинополь от Иоанна Каппадокийского (префекта претория Востока), квестора Трибониана и префекта города Евдемона. Причем мятежники требовали смерти первых двоих.

На этот раз император постарался мгновенно среагировать на желания своих подданных: он сместил всех троих чиновников и назначил других — префектом претория Востока стал патрикий Фока, сын Кратера,

место Трибониана занял патрикий Василид, а место Евдемона — сенатор Трифон.

Это не возымело видимого действия: толпа продолжала бушевать.

Тогда Юстиниан призвал Велисария и велел ему с отрядом готов утихомирить народ. Готы врезались в толпу и порубили многих. Но бунт продолжался.

15 января народ захотел избрать нового императора. Им должен был стать патрикий Пров, племянник Анастасия. Толпа вломилась в дом патрикия Прова, но не нашла там его. Подожгли и этот дом.

В пятницу 16 января горели канцелярия префекта Востока, странноприимный дом Евбула, странноприимный дом Сампсона вместе с больными, церковь св. Ирины, бани Александра. 17 числа димоты уже избивали друг друга, ища доносчиков. Не щадили никого, даже женщин. Трупы бросали в море.

Юстиниан уже не мог справиться с восставшими своими силами: в городе было только три тысячи солдат. Но и они боялись высунуться: женщины и дети забрасывали их с крыш камнями и горшками. Поэтому позвали подкрепления из Евдома, Регия, Калаврии и Атиры.

Толпа, преследуемая войсками, укрылась в здании высшей школы — красивейшем дворце Октагоне (он был восьмиугольным). И его подожгли уже солдаты. Сгорели еще церковь св. Феодора, портик аргиропратов, церковь Акилины и дом ординарного консула Симмаха. Горела центральная улица Месе, прилегавшие кварталы. Сгорел остаток Августеона Ливирнон.

Юстиниан поступил неординарно. Наследующий день он взял Евангелие и отправился на ипподром. Услышав это, на ипподром отправилась и толпа. Там

Юстиниан поклялся на Евангелии, что не предполагал подобного развития событий. Он признавал вину за собой, а не за народом. Говорил о своих грехах, которые не позволили ему исполнить справедливые требования, высказывавшиеся здесь же, на ристалищах. Кое-кто уже готов был, как говорится, "сложить оружие", раздались отдельные возгласы одобрения. Именно так поступил за двадцать лет до этого события другой император — Анастасий.

Но большинство проскандировало:

— Ты даешь ложную клятву, осел!

И все выкрикивали имя Ипатия — еще одного племянника Анастасия.

Подозревая, что будет именно так, Юстиниан еще накануне отправил двух братьев — Ипатия и Помпея — из своей резиденции, дав им наказ "каждому сторожить свой дом". Это уже стало известно мятежникам и позволило им думать, будто Ипатий с ними, а не с василевсом.

С ипподрома император и толпа отправились в разные стороны: восставшие спешили к дому Ипатия. Они нашли там его и его жену Марию, которая умоляла оставить ее мужа в покое. Но, забрав Ипатия с собой, мятежники привели его к форуму Константина, где провозгласили императором.

Теперь толпа захотела штурмовать императорский дворец, но сенатор Ориген отсоветовал делать это. Правда, он же предложил, чтобы Ипатий занял другой дворец, откуда мог бы вести с Юстинианом борьбу.

Все отправились на ипподром. Туда же прибыл вооруженный отряд прасинов. То ли из любопытства, то ли по убеждению, к восставшим присоединились некоторые схоларии и экскувиты. А другие отказались защищать императора.

Юстиниан, прекрасно осознавая свое положение, раздумывал, не следует ли ему бежать. Но собравшиеся с ним немногочисленные сторонники никак не могли решить, что посоветовать. Оказалось, кроме наемников Велисария к Мунда со своими отрядами, — василевса действительно некому защищать.

Императрица Феодора, в прошлом — знаменитейшая проститутка,^[55] сказала единственное решительное слово. В речи, приукрашенной, вероятно, позднее и богатой метафорами, прозвучала очень правильная мысль: "Тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо".

Решение было принято. Император с приближенными отправился в триклиний, находившийся по другую сторону кафисмы ипподром, где всегда восседал Юстиниан, а теперь занятый Ипатием. По дороге евнух Нарсес не щадил денег, подкупая венетов. Подкупленные проникли на ипподром, и в короткий срок единодушная толпа раскололась, пошли раздоры. И в этот момент с разных сторон на ипподром ворвались отряды Велисария и Мунда, а также оставшаяся верной часть солдат. Произошла резня. Очень скоро племянники Юстиниана Вораид и Юст схватили Ипатия и Помпея и притащили их к царствующему дяде. На следующий день оба были казнены.

Только в результате резни на ипподроме погибли около 35 тысяч человек. Восстание было подавлено.

После подавления восстания Ника было конфисковано имущество 18 сенаторов — из тех сенаторов, кто так или иначе принял участие в волнениях.

На этой ноте надо, пожалуй, прерваться, чтобы, исследовав историю Византии, донести до читателя и некоторые причины столь массового участия аристократии в бунте.

В глубь веков

Издавна Босфор был не только главными воротами Понта Эвксинского, но и главной переправой с Запада на Восток, из Европы в Азию. Фактически эта географическая точка всегда лежала на перекрестке разнообразных торговых путей. Было бы удивительно, если бы в этом месте не возникло торгового поселения.

Отзвуки первопоселений остались в финикийских географических именах. Например, малая деревушка Харибда на входе в Черное море — название из финикийской топонимики. Теперь ему соответствует Гарибче.

На акрополе Византии когда-то были открыты остатки древнейших циклопических строений, относившихся к IX веку до Р. Х. Основание города приписывалось мегарцам, но древнее было поселение (город) фракийцев. Однако и фракийский город не был самым древним населенным пунктом на Босфоре: вокруг Константинополя были найдены пещеры, курганы, каменные орудия неолита.

Финикийцы, торговцы и мореплаватели, не могли не занять это выгодное место. Они основали свою факторию близ Халкидона (от финикийского "Новый город", другая транскрипция — Карфаген). Халкидон располагался перед Золотым Рогом, отчего позднее был прозван Прокератидой.^[56] Он был форпостом для дальнейшего продвижения по Черному морю, которое финикийцы называли Ашкеназ, то есть море севера. Это было небольшое государство, занимавшее азиатский берег Босфора и занятое позже Дарием. В 71 году до Р. Х. его столицу заняли римляне, а позже, в VII веке н. э., в 615 и 628 годы ее занимал Хосрой, царь персидский.

Греки-колонисты из Мегары прежде, чем основать город на Серайском мысе, что произошло, по преданию, в 658 году до Р. Х., спросили совета дельфийского оракула о выборе места. Так они делали при основании любого города. "Напротив слепых", — ответила пифия. И когда Визант привел своих людей на Босфор, он увидел Халкидон и тут же понял, что истинное место для его города — конечно же, бухта Золотой Рог, которую не заметили его предшественники и, "как слепые", устроили поселение за Золотым Рогом. Впрочем, это скорее всего легенда: греки уже жили здесь. Византу осталось лишь дать имя этому городу. Так город-колония стал Византием.

Первыми захватчиками Византии были персы. В бесконечной череде персидских войн город часто оказывался заложником той или другой стороны. В V веке до н. э. Ксеркс переправил свое войско по мосту, составленному из судов. Византийцы в конце концов покинули свой город, и Ксеркс разрушил его до основания. А через несколько лет, это было в 479 году до н. э., уже Павсаний, вождь спартанцев, занял Византию. Потом она подпадала под влияние Афин, отбивших ее у лакедемонян. А после ее брали Алкивиад, затем Лисандр.

В 340 году до н. э. от царя Македонии Филиппа греки спасли Византию, послав на подмогу свое войско.

Римляне, в ходе восточных войн, оставили Византию независимой: город давно уже был богаче Афин, крупнее и удачливее бывших своих покровителей, которые сами себя измотали в междоусобицах. Земли римляне тоже оставили за Византием: разрушать или обеднять такой форпост им было невыгодно. Правда, для того, чтобы показать, кто все же хозяин, они отобрали у Византии судовую пошлину.

В римскую провинцию Византии был включен гораздо позднее — при Веспасиане.

Септимий Север, воюя с Песценнием Нигром, три года осаждал Византию. Горожане не выдержали столь долгой осады, в городе съели крыс и кошек, питались мясом умерших. И вот, приняв поражение осажденных, сдавшихся из-за голода, Септимий, пожалев свои усилия, приказал разрушить неприступные

стены города: ведь Византии помогал его сопернику. Скоро Септимий раскаялся и, следуя совету Каракаллы, бывшего его сыном, стал восстанавливать Византийские стены. Увлечшись, он построил в городе дворцы и портики, бани.

В создании великолепия, коим славится Византии, больше других преуспел император Константин Великий. Правда, он был приверженцем деспотии, но демократия, существовавшая в Византии (одно время его называли Антонионом, по имени приемного отца Марка Аврелия), показала, насколько опасны внутренние распри, насколько хороша монархия, несмотря на противодействие римского чиновничества, противостоявшего императору.

Это с Константином связана та история об убиении им собственного сына Криспа и племянника Ликиния: Фавста, вторая жена императора, стремилась избавить мужа от детей от первого брака. Но умный император, в конце концов, разобрался в происках клеветницы и утопил ее в ванне с кипятком.

Досталось и придворным, сторонникам Фавсты, дочери Максимиана. Их ждала та же участь.

А Константин, увидевший настоятельную необходимость иметь богатый и сильный город на азиатской границе, решил перенести сюда из Рима столицу. Правда, первоначально он выбрал на эту роль Новый Илион, бывшую Трою, но из стратегических соображений остановился все же на Византии. К тому же Илион предстояло отстраивать.

Вокруг пяти из семи холмов Византии Константин возвел стены, внутри построил храмы, дворцы, фонтаны, бани, водопроводы, а особенно главную улицу Месе. Правда, для украшения дворцов и портиков, форума и Августеона пришлось пожертвовать древними сокровищами: драгоценности из храмов Артемиды, Афродиты и Гекаты перекочевали в новую столицу, а храмы Греции и Азии заметно опустели. Зато возросло население столицы на Босфоре: римлян, чьи земли лежали в Азии, Константин насильно переселил в Византии, ибо, не подчинись они этому закону, потеряли бы все права на владение своими землями. Хозяева переселялись с чадами и домочадцами, так что и мастеровых, и слуг, и рабов в новой столице стало предостаточно. Так древняя римская аристократия, не потеснив греческую, оказалась в Византии, а имя города постепенно поменяло мужской род на женский. Многонациональное население самой новой столицы складывалось на протяжении тысячелетия из всех народов Средиземноморья.

В день освящения город, согласно эдикту, получил имя Нового Рима. Эдикт запечатлен на мраморной колонне и датирован 330-м годом. В Византии с тех пор праздновали этот день ежегодно 11 мая. Но вскоре Новый Рим как-то стихийно и, вероятнее всего, независимо от чьей-либо воли приобрел еще одно имя, которое и закрепилось за ним: Константинополь. За внимание к христианам сам Константин, тоже принявший христианство, стал называться Великим. Впрочем, его жестокость и тирания помнились долго.

Через 65 лет после переноса столицы, в 395 году, Феодосий Великий, умирая, поделил империю между сыновьями — Гонорием и Аркадием. Так Византия стала центром огромного самостоятельного государства и перед Римом имела преимущество в том, что находилась в жизнедеятельном состоянии благодаря своей связующей роли между Азией и Европой. Распад империи сказался только на Риме, для Константинополя, наоборот, начался период расцвета.

Отчего бунтовали патрикии

Теперь, пожалуй, легче станет оценить, за что и почему сенаторы участвовали в восстании Ника. Патрикии — высшее аристократическое общество Византии. В это сословие входили как древнейшие аристократические роды, так и новоиспеченные.

Несмотря на то, что правление Юстиниана (527–565 годы) в целом принесло стране благоденствие, молодой император создал себе окружение из людей пришлых и безродных. Заняв ведущие государственные посты, эти люди не только оттеснили родовитую знать от управления и двора: ведь в Византии высокий пост давал еще возможность получения дохода, и немалого.

Впрочем, должность, или звание, сенатора не была наследуемой, иногда не была и пожизненной. Сенат Византии — довольно слабое звено в государственной цепочке именно из-за своей неустойчивости. Должность префекта претория сделала Иоанна Каппадокийского всего через несколько лет баснословно богатым. Даже и сосланный в Кизик, он продолжал жить роскошествуя.

А ведь неоднородность аристократии не была двухполюсной: между отпрысками древних родов и совсем новыми выдвиженцами существовал слой аристократов, получивших положения вельмож не так давно — в IV–V веках, после разделения столиц. Так называемая «третья» сила тоже играла свою определенную роль. Их имущество, как имущество родовитых, и присваивал Юстиниан, вводя разные проценты пошлыны для аристократов и купцов, на суше и на море и т. д. Прямая конфискация имущества восемнадцати участников бунта как нельзя лучше свидетельствует о том, какую именно экономическую политику проводил Юстиниан по отношению к знати.

Аристократия не готовила бунт, в первый и последующие моменты не принимала в нем участия. Наоборот, именно ее дома сжигались народом сразу же после того, как сгорели ненавистные государственные учреждения. А вот назначения взамен Иоанна, Трибониана и Евдемона говорят скорее о том, что аристократы уже включились в «игру» и пожелали использовать недовольство народа в собственных интересах. К 18 января, когда Ипатия провозгласили новым императором, у нее, аристократии, вероятно, уже сформировалось желание не только сменить людей на высших должностях, но и поменять династию. Как правило, в Византии смена династий не приводила к серьезным опалам, так что бояться было практически нечего.

А вот надеяться на возобновление роли сената в жизни государства патрикии вполне могли. Дело в том, что с приходом к власти Юстиниана над всеми возвысилась фигура императора. Прежде, при Анастасии и Юстине, было не так. Восстановить свою значимость в политике государства мечтали многие старые знатные роды... Правда, и тогда им не давали решать государственных дел, но хотя бы считались с мнением сената.

Сенаторы проиграли восстание не потому, что плохо подготовились к нему, как считают некоторые ученые. Они не готовились к нему вовсе, и поэтому стихийное выступление народа, которому только на один день по-настоящему помогли оформиться в требование провозгласить нового императора, не смогли направить в желаемом им направлении. Славословия на ипподроме в адрес Ипатия ничем, как глупостью,

не назовешь. В то время как Юстиниан изменил (после того как жена-проститутка обозвала его трусом!) свою тактику и победил. Правда, братья, тут же сообразившие, что большей глупости, чем привлечь толпу на ипподром, где ее удобнее всего вырезать, придумать было невозможно, пытались это представить как их продуманный тактический ход: "Мы тебе согнали чернь — осталось с нею расправиться", — но Юстиниан, сам интриган и тактик, решил усомниться в их тактических способностях: он не поверил. А найдись у мятежа средней руки вождь — и Юстиниан бы проиграл корону. Вождя не нашлось.

Теперь, после подавления бунта, все, к чему стремился Юстиниан, вполне могло осуществиться. Но тенденция к автократии, ярко проявленная им в первые пять лет правления, просуществовала уже недолго. Наказав виновных, конфисковав их имущество и раздав его приближенным, которых следовало отличить, Юстиниан вскоре стал делать реверансы в сторону сенаторов, придумывая новые законы (новеллы), затем в сторону торгово-ростовщической верхушки (пытаясь угодить и тем, и другим), а потом и вовсе возродил права сената, пусть и не в полной мере, как того хотелось бы противникам. До конца жизни еще не раз императора преследовали заговоры и бунты, их зачинщиками были либо заинтересованная верхушка знати, либо верхушка торговая. А исполнителями продолжали оставаться партии зеленых и голубых — партии ипподрома. Все выступления начинались там.

А вот то положительное, что вынес Константинополь из этого периода: Юстиниан сразу же стал восстанавливать его. Вскоре были отстроены дворцы и дома краше прежних. Его заслугой является отстроенный храм св. Софии — жемчужина византийской архитектуры.

История продолжается

Эпоха македонской династии пришлось на продолжение расцвета. Константинополь сделался первым городом мира. Прекрасные памятники, среди которых многие поистине исторические, были историческими уже в то время. Университет, в котором находились практически все рукописи Древней Греции. Благодаря Константинополю до нас дошли в первозданном виде произведения многих и многих древних авторов. Вокруг Константина Багрянородного собирались лучшие художники и писатели, архитекторы и ученые.

Константинополь был не только законодателем мод в искусстве и литературе. В нем, как нигде, соединились искусства западной и восточной дипломатии. Византия — центр православия, которое она распространяла на ближайших соседей и на соседей дальних. За это и за несметные богатства жителей ей был уготован венец мученика.

Но Константинополь еще и центр порождения внутренних раздоров. Самый яркий из мятежей 532 года — восстание Ника — далеко не единственный бунт даже в VI веке: начавшись в конце V века, бунты продолжались с не меньшей частотой и позже. Роскошь города и двора приходила все больше в откровенное противоречие с нищетой, царившей в столице и провинциях. А церковный раздор между православными и католиками, оформившийся окончательно, стал и подготовкой к закату великой империи.

Идея Четвертого крестового похода, возникшая в святой голове Фулька из Нельи, нравилась римлянам одной своей стороной, венецианцам — другой. Она не понравилась только Алексею Младшему

— племяннику императора Византии Алексея, который, свергнув с престола и ослепив брата Исаака, сам занял его. Алексей посадил Исаака и Алексея Младшего в тюрьму, но юноша сумел бежать к зятю — Филиппу Швабскому, за которым была замужем сестра.

Живя у Филиппа, юноша узнал о готовящемся походе и понял, что с его православной родиной может произойти самое худшее — гораздо хуже, чем произошло с его отцом-императором и ни в чем не повинными сарацинами.

Повод "заглянуть на пути в Землю обетованную" в Константинополь был, конечно, смешной: восстановить справедливость, посадив на трон свергнутого и слепого императора. Но противостоять этому Алексей никак не мог. Он только умолял "ничего не делать с Византией". Откуда ему было знать, что Венеция настроена решительнее всех: этому первому на Западе торговому городу уже не хватало возможностей обогащения, а древняя Византия, нынешний Константинополь, продолжал коммерческой деятельностью на Босфоре собирать большие дивиденды. Венецианцы снарядили триста галер, посадили на него войско графов и баронов, и 23 июня 1203 года флот бросил якорь в бухте Золотой Рог.

Константинополь сразу не понял, что это осада христианского города христианами же. Притом, что Венеция формально принадлежала Византии, будучи западным ее портом. На зубцах крепостных стен византийцы вывесили изображения крестов, надеясь пробудить совесть в защитниках Гроба Господня. Плохо же они знали рыцарский сброд, к тому же сильно задолжавший венецианцам за транспорт!

Крестоносцы скоро подожгли город и, воспользовавшись паникой, проникли в него. Император Алексей бежал, и слепой Исаак действительно был возведен захватчиками на престол, после того как казну обобрали до последней нитки жемчуга. Византия в лице посаженного римлянами и венецианцами императора Исаака заключила с римлянами договор, по которому латиняне поселились в районе Галата. Венеция забрала себе в столице квартал, чтобы беспрепятственно взимать мзду с иностранцев, проходящих Босфор.

Исаак не вынес своего незавидного положения и скончался. Тогда в Константинополе короновали Алексея Младшего, и он поехал по землям империи, сопровождаемый крестоносцами. Молодой правитель сам мог убедиться, что все его опасения не были напрасными: то, что он видел, то, что происходило с великой империей у него на глазах, было хуже тех беспокойств, которые охватывали его еще в гостях у зятя. К тому же он, молодой правитель, взойшедший на престол на пиках завоевателей, не мог опровергнуть сложившегося о нем в народе мнения.

— Дожи вознесли меня к власти на пиках, но на пиках долго не усидишь, — говорил он.

Так оно и вышло. Юноша был задушен своими земляками, а на престол возвели Мурзуфла.

Никто не помешал крестоносцам напасть на Константинополь вторично. 13 апреля 1204 года они вновь завладели городом. Теперь они пограбили власть! Теперь им было тут все чуждо, и не было единственного сдерживающего фактора — несчастного сброшенного с престола Исаака и его сына Алексея. Возглавил погром венецианский дож Дандоло, которому в ту пору было семьдесят пять лет.

Крестоносцы с удивительной даже для средних веков жестокостью бросились убивать и насиловать, улицы заполнились стонами истязуемых. Они не щадили даже библиотеки, где им и делать-то (в подавляющем большинстве безграмотным) было нечего. Тогда погибли многие трагедии Софокла и Еврипида. Тогда же была превращена в лом знаменитая скульптура римской волчицы, выкармливающей Ромула и Рема. Бронзовые статуи, гордость Константинополя и память о древнем искусстве предшественников, почти все переплавили и чеканили разменную монету. Лишь коней Лисиппа увезли в Венецию, где они находятся и теперь. Такого урона, какой был нанесен Константинополю крестоносцами, городу не наносил никто.

Особым вниманием "защитников веры" пользовались церкви и храмы. Они опустошили св. Софию, похитив иконы, золото, серебро, редчайшие украшения из слоновой кости, разбив на куски главный алтарь, а православные святыни втопав в грязь и разломав на куски ковчежцы с мощами. Затем они устроили в соборе буйную оргию, во время которой проигрывали друг другу в кости только что награбленное и пили вино их церковных кубков. Подобранный на улице проститутка вскочила на патриаршее место и под непристойные возгласы крестоносцев исполнила стриптиз. Не пощадили даже императорские кости: почти семь веков останки Юстиниана покоились в склепе храма св. Апостолов, — теперь они были осквернены, а драгоценности, покоившиеся вместе с костями, расхищены. Один монах-францисканец, не глядя на золото и камни, собрал целый мешок святых мощей, которые потом в розницу продавал на родине и заработал гораздо больше рядового участника похода.

Римляне объявили на месте прежней Византии новую Латинскую империю. Она была тут же поделена на королевства, герцогства и графства, но достигнуть величия и мощи Византии ей никогда не удалось. Через полтора-два века Московия почувствовала себя настолько сильной по сравнению с Византией, что Москва была объявлена Третьим Римом, "а четвертому не бывать".

Греки основали свои государства в Морее, Трапезунде и Никее. Их мечтой было восстановить Византийскую империю в прежнем виде. Через 57 лет это частично удалось сделать Михаилу VIII Палеологу, царю Никейскому. Он завоевал Константинополь и уничтожил Латинскую империю, однако Византийскую в прежних пределах восстановить не сумел: за венецианцами остались некоторые острова, за римлянами — часть Греции, за болгарами — часть Фракии. Трапезундской империи досталось владеть частью Малой Азии.

Тем не менее новая Византия просуществовала больше двух веков. С 1390 по 1453 год турки трижды подходили к стенам Константинополя. Византийцы отбили Баязета в 1390-м, Мурода II в 1422-м.

Но в 1453 году к воротам Константинополя подошли османские войска Мехмеда II.

"Лучше тюрбан, чем тиара"

Мехмед (он же Махмуд), стоявший у ворот Константинополя, это не просто завоеватель. Уже шестьдесят с лишним лет турки беспокоили Византию, и Константин XI, император византийский, прекрасно знал, что с ним шутки плохи. Два года назад Мехмед, воссевший на престол вторично (после смерти отца, ставшего усилиями окружения султаном вместо Мехмеда), встретил по дороге отряд янычар,

вооруженных до зубов и не особенно ценивших дважды-султана, и говорил с передовыми. Обнаглевший воин потребовал от султана подарков за то, что они, янычары, сегодня поздравляют его с возвращением на престол.

Султан направил коня в самую гущу воинов. Тем пришлось расступиться. А когда проехал, повелитель велел каждому из наглецов дать сто палок (по пяткам). Первой его государственной заботой стало умерщвление юного брата и высылка тещи, дочери сербского короля. С таким характером рассчитывать на его милости константинопольцам не приходилось.

Впрочем, тогда, в 1451 году, став опять султаном, Мехмед возобновил договор с Византией о содержании в заложниках своего внука Сулеймана по имени Орхан, а за это отдавал доходы с некоторых своих земель. Дело в том, что присутствие Орхана, имевшего все права на османский престол, было в Османской империи нежелательно.

Однако в том же 1451 году Мехмед отправился наказать караманнов. Караманнский бей со всех ног умчался в Таш-Или, и Мехмед присоединил его государство к своей империи. Бей клялся в верности и даже направил к султану свою дочь, но Мехмед собирался разделаться с ним точно так же, как в свое время Чингисхан не допускал, чтобы его противники оставались в живых.

Тут император Константин XI сделал ошибку: он прислал сказать султану, чтобы тот увеличил плату на содержание Орхана. Бросив караманнов, Мехмед в крайнем раздражении направился к Босфору. Там он попросил у Константина крепость Румили-Хи-сар, которая расположена как раз напротив Анато-ли-Хисара. Это означало, что вся переправа переходила в руки турок.

Император ответил, что Румили-Хисар ему не принадлежит и что ею владеют генуэзцы. Ни слова более не говоря, Мехмед велел взятым с собой каменщикам и рабочим (тех было 6000 человек) возводить стены. Так за 4 месяца Румили-Хисар стала неприступной крепостью. Анатоли-Хисар также отстраивалась, одновременно с крепостью на европейском берегу.

Пора было бы уже понять, что Мехмед затевает неладное. И Константин XI направил к султану послов сказать, что он, Константин, готов заключить с турками договор, по которому Византия будет платить туркам приличную дань. Султан равнодушно отвечал послам, что он собирался всего лишь закрыть Босфор для генуэзцев и венецианцев, которые помешали его отцу на пути в Варну. И еще произнес красноречивые слова: "Передайте императору, что я не похожу на моих предков, которые были слишком слабы, и что власть моя достигает таких пределов, о каких они и мечтать не могли".

Константин опять направил послов и просил султана прекратить грабежи соседних садов и полей, на которых живут мирные греки. В ответ Мехмед стал выгонять свой скот пастись на греческих полях. Тогда император отправил к султану гонцов с подарками и заверениями в вечной дружбе. Подарки были дорогие, и приближенные султана Халил-паша и Шахабуддин-паша стали уговаривать Мехмеда принять предложение Константина и не осаждать Константинополь. В ответ султан велел им найти людей, знакомых с топографией города.

Константин обратился к Европе с просьбой о помощи.

А Мехмед в крепости Румили-Хисар, населенной четырьмя сотнями янычар, брал дань со всех проходивших Босфор судов.

Тем временем греки, потерявшие терпение, устроили резню в районе Эпивата и убили скот, опустошавший поля, и пастухов вместе с ним. Султан отправил войско для наказания греков.

В ответ византийцы заперли ворота города и объявили всех османцев в Константинополе своими пленниками. Отчаявшийся Константин даже пригрозил султану выпустить Охрана, дабы в Османской империи произошла смута. На что султан потребовал немедленной сдачи, обещая в противном случае войну с наступлением весны.

Братья Константина Димитрий и Фома, правившие в Мерее, послали свои войска на помощь Константину, а Мехмед отправил против них Йербей-Турхан-бея.

Сам султан направился в Адрианополь. Там он принялся лично изучать способы, какими ему предстояло взять Константинополь, чтоб сделать его столицей мира. Ему помогали в том инженеры Адрианополя, прекрасно знавшие главную крепость Византии. Там же к султану пришел венгр Урбан, бросивший службу у византийского императора, и предложил отлить гигантские пушки, необходимые для штурма Константинополя.

Две первые пушки, отлитые Урбаном, были поставлены в Румили-Хисаре. С первого выстрела из такой пушки был потоплен венецианский корабль, капитаном которого был Риччи, не пожелавший платить подать. Узнав о результате, султан повелел отлить предложенные мастером гигантские пушки, и тот отлил их: при весе ядра в 600 килограммов пушка посылала его на расстояние в одну милю.

В феврале 1453 года турецкое войско двинулось на Константинополь. Все мелкие укрепления на пути сдавались султану без боя.

Заручившись обещаниями европейских правителей, Константин заготовил провизии на шесть месяцев осады, укрепил стены и ворота города, а еще — протянул через воды Золотого Рога на самом входе в него длинную и массивную цепь, за которую, из-за ее прочности и массивности, не смог бы передвинуться ни один корабль.

Правда, от папы император получил не войско и не вооружение, а католических священников во главе с кардиналом Исидором, которые тут же стали отправлять службы по латинскому обряду. Они внесли дополнительную трудность в атмосферу предстоящих событий: своими дискуссиями на тему соединения церковью священники с той и другой стороны разделили защитников Константинополя на две части — сторонников и противников соединения. Во время одного из таких собраний кто-то из православных и произнес фразу, оказавшуюся роковой: "Лучше тюрбан, чем тиара".

"Помогли" венецианцы и генуэзцы: одни дали пять судов, другие два. В городе царила мрачная

атмосфера. Защитники, несмотря на решимость биться до последнего, не верили в то, что Константинополь выдержит осаду.

Наконец, 1 апреля византийцы увидели под стенами города множество турецких палаток. Левое крыло составляли войска, пришедшие с Мехмедом по европейскому берегу. Правое крыло — прибывшие через Геллеспонт малоазийские воины. Расстояние от турок до стены составило примерно милю. Оставалось дожидаться 6 апреля, когда, по сведениям летописцев, и началась осада. Но этого числа не знали еще ни Константин, ни, возможно, сам султан.

Падение Константинополя

6 апреля первый пушечный выстрел возвестил о начале осады столицы мира.

От Семибашенных ворот и до Золотого Рога город окружала цепь осаждающих. Местом для атаки была выбрана часть ворот между императорским дворцом и воротами св. Романа. Эта часть представлялась наиболее слабой. Со стороны же Золотого Рога неприятеля не было: флоту не давала войти в бухту мощная цепь. Соответственно и стены, которые в этом месте были слабее, чем в остальных местах, не осаждались и не защищались. Только отдельные дозорные стерегли стены и Золотой Рог.

Караджа-бей командовал войсками левого крыла от Ксилопорты до Харисийских ворот. Исхак-бей и Махмуд-бей управляли войсками от Мириандрии до Мраморного моря. Против Влахернского императорского дворца были установлены три бомбарды, против Харисийских ворот — две, против ворот св. Романа — четыре, и затем еще три.

В численности войск разные источники расходятся, но скорее всего турецкая армия насчитывала около ста тысяч воинов и примерно столько же разного рода obsługi, а также 280 судов. Защитники имели 9000 солдат, из которых 3000 были генуэзцы, пришедшие на помощь византийскому флоту. А тот состоял из 26 судов, в том числе трех галер, трех генуэзских парусников, одного испанского, одного французского и шести критских судов. Правда, уступая в числе единиц, византийский флот был хорошо оснащенный, хорошо вооруженным и конструктивно имел высокие борта, с-которых удобно было воевать против мелких турецких фелюг. Стены города, насчитывавшие в длину 16 километров, требовали защитников по крайней мере 150 тысяч человек. Вероятно, столько их и было из числа горожан.

У Харисийских ворот стоял со своим войском генуэзец Джустиниани. Его соседями из числа защитников командовали Федор Каристос и братья Бро-киарди. Вокруг дворца Константина находился венецианский гарнизон под командованием Джилорамо Минотто. Влахернский дворец и Калигарийские ворота охранялись римлянами и хиосцами, которыми командовал кардинал Исидор. Стены между замком Гептапиргием (Семибашенным) и воротами св. Романа охранялись отрядами Феофила Палеолога, генуэзца Маврикия Каттаньо и венецианца Фабрицио Корнаро. Ворота Пиги защищал со своим войском венецианец Дольфино. От Семибашенных ворот до Мраморного моря защищались венецианцы и византийские священники под началом Якова Контарини. Вуколеонский дворец находился под присмотром каталонских солдат, которыми командовал Педро Джулиано. Стены Золотого Рога находились в ведении критян и греков под началом Луки Нотары. Маяк Золотого Рога обороняли венецианцы. 700 вооруженных священников, которых возглавляли Димитрий Кантакюзин и Никифор Палеолог, находились в резерве возле церкви св. Апостолов.

Перед началом осады Мехмед послал Махмуда-пашу в город с предложением сдать Константинополь, чтобы избежать «ненужного» кровопролития. Константин отказал. И только тогда раздался первый выстрел пушки. Вероятно, это была большая пушка, стрелявшая 600-килограммовыми ядрами, потому что, по свидетельству историков, горожан охватил неописуемый ужас. Правда, гигантская пушка стреляла всего десять раз в день, поскольку на ее зарядку уходило более двух часов. Другие пушки, стрелявшие менее тяжелыми снарядами, в 75 килограммов (таких было четыре), были отлиты мастерами турками Саруджей и Муслигиддином.

Достоверно не известно, почему Мехмед стал стрелять по византийскому принципу. Принцип состоял в том, что сначала обстрел стен велся по двум нижним вершинам воображаемого треугольника, а потом, когда в стене появлялись бреши, огонь переводился на верхнюю вершину того же треугольника. Таким образом взламывалась любая крепостная стена. Это был элемент византийской тактики, не знакомый больше никому, из-за чего византийцы с первых часов осады подумали, что их кто-то предал. С удвоенной энергией они восстанавливали бреши и преуспевали в этом.

Защитников осыпали тучи стрел, а в это время часть солдат пыталась устроить подкоп под крепостным рвом. В ворота били стенобитные машины, а передвижные осадные башни неумолимо приближались к стенам города. Одну из таких башен осажденным удалось сжечь — напротив ворот св. Романа — при помощи греческого огня.[\[57\]](#)

Не повезло мастеру Урбану: его большую пушку разорвало, и автор погиб под стенами Константинополя. С тех пор пушки стали не только смазывать маслом, но и давать им достаточно времени, чтобы они остыли.

Однажды византийцы обнаружили, что со стороны стен слышатся удары кирок. Поняв, что это саперы делают подкоп под укрепления, они заложили контрмины и напустили вонючего дыма, после чего турки ушли.

Флот Мехмеда все еще бездействовал. Он даже не преуспел в перестрелке, не преодолев цепи: на турецкую стрельбу византийцы стали метать греческий огонь, и султан вынужден был отступить. Наконец, султана известили, что большая часть венецианских и генуэзских судов идет на помощь городу. Он приказал выстроиться перед гаванью и не пропускать неприятеля в нее. Однако морская битва показала, что турецкий флот не может противостоять лучшему европейскому флоту, и пять судов, доставившие 5000 человек подкрепления, беспрепятственно вошли в гавань. Правда, есть расхождения в том, куда прошли суда: ведь цепь мешала и их проходу. Скорее всего, то была гавань Феодосия или Юлиана на побережье Мраморного моря.

Победа генуэзцев и венецианцев на море подорвала веру многих турков в удачу. Сам султан наблюдал морскую битву в бессильной ярости: турецкие суда горели одно за другим, погибла значительная часть флота, но никакого практического ущерба противнику не было нанесено.

В этот критический момент к султану обратился император и предложил дань на тех же прежних условиях и при всего одном новом: если будет снята осада.

На военном совете мнения турок разделились. За принятие предложения Константина высказался великий визирь Халил-паша, бывший в своем мнении последовательным на протяжении всей кампании. Кроме того, что Халил-паша считал бессмысленным разрушение города и гибель своих и чужих солдат, он привел веский аргумент: Европа не оставит Византию, и скоро прибудет многочисленное подкрепление. Великий визирь советовал султану подписать мир. Однако Саганос-паша, бывший зятем султана, Молла-Мехмед-Гуран и шейх Ак-Шамсуддин упорно стояли за продолжение войны. Ак-Шамсуддин еще раз напомнил о своем открытии, сделанном в священной книге мусульман Коране. Он предсказал дату взятия Константинополя. Сложив в одной из сур Корана числовое значение букв, какими были начертаны слова "красивый город", он вычислил, что взятие Византии произойдет в 857 году хиджры, то есть как раз в 1453 году по Р. Х. Он напомнил султану слова Пророка: "Константинополь несомненно будет завоеван мусульманами. Что за могучая рать — его войско, князь и воины его, что возьмут этот красивый город!"

Мирные предложения Константина отвергли.

Решив, что все дело в Золотом Роге, султан придумал, как пройти в гавань. Через холмы, окружающие Галату, была проложена двухмильная дорога. По ней ночью при свете факелов и бое барабанов воины перетаскивали 70 судов и спустили их в гавань. Им помогал в этом попутный ночной бриз, раздувавший паруса. Таким образом, наутро цепь Золотого Рога была преодолена.

Увидев в гавани турецкий флот, византийцы упали духом. Однако Джустиниани решил поджечь турецкие корабли с помощью греческого огня. Ночью он приблизился к турецкому флоту, чтобы осуществить задуманное. Но стал жертвой предательства: от одного каменного ядра, пущенного турками, корабль Джустиниани пошел ко дну, погибло множество людей, и сам он едва спасся на лодке, продержавшись за буюк, не давший ему утонуть в тяжелой кольчуге.

После того венецианский, генуэзский и византийский флот султан стал обстреливать из мортир перекидным огнем — собственное изобретение Мех-меда. Так он потопил несколько кораблей и освободил гавань Золотой Рог только для турецких судов. Тогда он перекинул понтонный мост через Золотой Рог, по которому практически беспрепятственно к самым слабым стенам пришла турецкая пехота.

В это время была пробита широкая брешь возле ворот св. Романа. Было разрушено несколько башен. А рвы за пятьдесят дней уже в достаточном количестве были завалены камнями и хворостом.

Своего зятя Исфендияра султан отправил к Константину с последним предложением: сдать город, а взамен получить одно из княжеств.

Теперь совет состоялся у византийского императора. Высшие чины уговаривали Константина сдать город. На это василевс отвечал, что город, врученный ему Богом, станет защищать до последней капли крови. При этом император предложил султану заплатить военную контрибуцию — с тем, чтобы тот снял осаду.

24 мая турки приступили к развернутому штурму с моря и суши. Султан обещал войску большую добычу, солдатам, первым взобравшимся на стену, поместья. При этом предупредил, что беглецов,

предателей и трусов ждет смертная казнь. В эти дни, как никогда раньше, звучало заклинание мусульман, с которым дервиши обходили войско: "Нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед Пророк Его".

Мум донанмасы (иллюминация) по приказу султана была зажжена по всему периметру древнего города накануне решительных действий. Горели факелы, пропитанные маслом, костры из смолистой древесины. Казалось, город в огненном кольце. Турки заранее праздновали взятие Константинополя и одновременно запугивали горожан.

Если турки возносили молитвы Аллаху, пели и плясали, то византийцы всю ночь стояли на коленях перед образами Богородицы. А Константин ходил по городу, проверяя все посты, и воодушевлял солдат. Джустиниани распорядился восстановлением брешей, земляными работами по отсыпанию новых валов и раскапыванию рвов в черте города, особенно перед разрушенными воротами св. Романа. Если б ему не мешали! Особенно он столкнулся с противодействием Луки Нотары. Дошло до того, что Нотара не дал ему пушек, когда они не только были очень кстати, но и имелись у этого завистливого начальника.

В самый момент штурма турки вдруг протрубили отбой. Оказалось, их сбilo с толку сообщение о том, что на подмогу византийцам спешат венгерское и итальянское войска. Два дня передышки в результате этого не подтвердившегося слуха получили защитники города. Потом распространение слуха приписали Халилу-паше, и это было несправедливо. Но Мехмеда уже ничто не могло остановить: поражение могло стоить ему престола. Он шел теперь на штурм, прекрасно понимая, что после Константинополя ему объявит войну вся Европа.

В момент молитвы, возносимой турками к Аллаху, над Константинополем разбушевалась стихия: невиданной силы гроза! От вспышек молний все небо сделалось кроваво-красным. Это вдохновило мусульман и привело в содрогание защитников. Некоторое число византийцев перешло на сторону турок и приняло мусульманство.

28 мая молебны и решительная подготовка к штурму продолжились и с той, и с другой стороны. Константин присутствовал на церемонии всеобщего причастия в соборе св. Софии.

Наутро 29 мая 1453 года атака началась на пространстве между воротами св. Романа и Харисийски-ми воротами. С той и другой стороны гремели пушки. С той и другой стороны противники осыпали друг друга тучами стрел. Турки бросились на стены, пользуясь приставными лестницами. Со стен над Золотым Рогом на галеры неприятеля сыпался греческий огонь. Над городом стоял густой дым.

Через два часа Джустиниани, тяжело раненный стрелой, не реагируя на мольбы императора Константина, покинул город. Он был переправлен на одной из своих галер к соотечественникам, наблюдавшим за ходом штурма с одной из высот Галаты. Отказ Джустиниани умирать в Константинополе (а он умирал) показался защитникам дурным знаком.

Есть историки, которые говорят о том, будто возле Харисийских ворот — по нерадивости — другие малоприметные ворота были оставлены не запертыми. В эти-то маленькие ворота будто бы и вошли пятьдесят турецких солдат. Когда же защитники обнаружили их на улицах города, они пришли в

оцепенение. Этого оказалось достаточно, чтобы турки хлынули в город лавиной. Большинство греков кинулось в св. Софию и укрылось там. Ждали чуда: кто-то предсказал, что сейчас явится ангел и вручит у ипподрома одному старцу саблю, которая принесет городу освобождение. Но мусульманские пророчества оказались сильнее: никто не спустился с небес и не вручил безымянному старцу священное оружие.

Янычары устремились во дворец императора. Константин, предупрежденный своей стражей, собрался бежать, но наткнулся на отряд турок, с которыми бились греки. Кинувшись на одного турка, оказавшегося раненым, Константин собирался выместить на нем свою боль и свое бешенство, но тот нашел в себе последние силы нанести ответный удар.

Прокомментировать последнюю фразу можно только так: историк, написавший ее, был либо турок, либо мусульманин. Остается лишь факт: последнего византийского императора убили на пороге его дворца. Он был страшно изуродован — видимо, уже после смерти. Его тело определили только по пурпуровым туфлям с вышитыми на них золотыми орлами.

Многие церкви и дома за два дня, отданные Мехмедом своему войску, были сплошь разграблены. И тем не менее разрушений потом оказалось не так много, как было в момент восстания Ника или при взятии города крестоносцами.

Греков, укрывшихся в храме св. Софии, оказалось около 10 тысяч человек. В конце концов, двери храма были взломаны, и они сдались на милость победителя.

После того как турки заняли все кварталы и навели порядок, в город торжественно въехал султан Мехмед II. Въезд состоялся через Харисийские ворота. Улица привела султанов в храм св. Софии. Войдя в него, он поразился величию храма и приказал устроить в нем мечеть. Через два дня там уже служили мусульманскую службу.

После поисков к султану привели императорского казначея Луку Нотару, и тот вручил Мехмеду императорскую казну.

— Если она столь богата, отчего ты не использовал ее для нужд страны? — упрекнул его султан.

Лука отвечал, что он хранил ее, чтобы в целости передать Его Величеству султану.

Султану стало ясно лицемерие высшего чиновника, и он позволил себе пошутить:

— Отчего же ты раньше не вручил мне ее? На это Лука ответил:

— В письмах, что писали твои паши, они советовали нам не сдаваться.

Это был жестокий удар для Халила-паши, который всегда стоял за мир с византийцами и даже предпринимал ради этого честные и открытые усилия.

Халил был объявлен предателем, обвинен в заговоре и казнен.

Зато Нотара был помилован. Султан потребовал от него список всех высших чиновников. Вслед за этим по принесенному списку он всем чиновникам, названным Лукой, пожаловал охранные грамоты.

Через пять дней султан отправил послов к генуэзцам из Галаты. То был нейтральный город, его не затронула война. Мехмед приказал галатцам снести верх крепостной стены и подписал с ними новый договор.

Византийским христианам султан оставил право на свободу вероисповедания и несколько действующих храмов, а также назначил патриарха.

Затем он отправил письмо и подарки египетскому султану, как завоеватель Константинополя.

Позже Константинополь был заселен турками. Каждой местности был отведен свой квартал. В качестве официальной эмблемы был выбран византийский полумесяц, к которому Мехмед прибавил свою звезду.

Хотя название Константинополь за городом осталось, его стали все чаще называть Исламбулом, Дерсаадетом, Дералия, а позже официально — Стамбулом.

Немного о городской топографии

Нас интересует в основном не современный Стамбул, город величественный, совместивший в себе дух многих эпох, а древний город.

Как уже говорилось, Константин Великий предпочел ограничиться пятью холмами. Возведенные им стены стали охранять отряды ариев-готов, которых насчитывалось до 40 тысяч человек. Все они были неортодоксальными христианами, и во избежание неприятностей, а также из соображений военно-стратегических им разрешено было селиться вне пределов городской стены. Потом, когда Феодосии II решил из-за быстрого роста населения расширить пределы Константинополя, все готские постройки оказались между двумя стенами — внешней и стеной Константина. Этот «промежуточный», «потусторонний» город стали звать Эксокионий ("по ту сторону колонны" — имеется в виду колонна Константина). Основной город и Эксокионий подразделялись на кварталы, регионы. Всего их было четырнадцать. И занимали они, ограниченные Феодосиевой стеной, все семь холмов. Каждым регионом правил куратор или регионарх.

Главная улица Меса проходила через весь город, от одного конца до другого. Начиналась она у Августа, рядом со св. Софией. С восточной стороны Августа возвышались стены дворца с большими воротами Халки.

Улица была вымощена каменными плитами. Проходила она с севера через ипподром и выходила к форуму Константина, где в центре возвышалась колонна Константина. Пересекая форум, улица шла дальше

к большой площади под названием форум Тавра (быка).^[58] На месте бывшей, колонны Феодосия I, которую свалило бурей, теперь стоит так называемая башня огня, а сооружение по имени Тет-родисий построено Феодосией П. Улица Меса на всем своем протяжении была украшена портиками с колоннами и аркадами. Это в основном торговая улица.

От форума Тавра две большие улицы спускались к Золотому Рогу. Две другие, со стороны св. Софии: одна пересекала форум Феодосия и форум Артополия. Другая проходила через форум Константина. С западной стороны одна улица шла по направлению к водопроводу Валента. Она приводила к церкви св. Апостолов.

Главная, или триумфальная улица, по которой всегда следовал император, вела к Амастрианскому форуму. Здесь она делилась на две улицы: одна поднималась к храму св. Апостолов, другая спускалась к форуму Тавра. От форума Быка, куда приводили эти две улицы, уходило пять улиц ко многим воротам города.

Практически все улицы города разветвлялись, соединяясь и разъединяясь, чтобы охватить все храмы, базары, бани, сообщить между собою ворота и пристани, один квартал города с другим и т. д.

Защитные стены города все вместе образовывали треугольник. Приморские стены были самыми простыми и с простыми башнями. А вот сухопутные стены состояли из трех оборонительных линий, защищенных четырех-, шести- и восьмиугольными башнями, а также широким рвом, заполненным водой. Практически город со всех сторон был окружен водой, точно остров. Через ров были перекинuty деревянные мосты, которые в военное время уничтожались самими жителями в первую очередь. Нынешние каменные мосты построены уже после падения Константинополя.

Византийское искусство и здания города

Перенесение столицы в Византию вызвало небывалый подъем искусства, который в яркой форме проявился именно здесь из-за соединения греко-римского стиля и стиля местного, самобытного. Если считать византийский стиль с храма св. Софии, как это делают искусствоведы, это будет неправильно: на самом деле стиль гораздо древнее своих классических проявлений. Здесь давно сказывалось влияние месопотамского, сассанидского и греко-римского искусств. Свезенные в столицу Константином древние шедевры дали новый толчок развитию этого местного, в некоторой степени комбинированного, стиля. Тем более жалко, что античные шедевры, вдохновлявшие византийских мастеров, были безжалостно уничтожены крестоносцами.

В VI веке, при Юстиниане, мастера Анфимий Тралльский и затем Исидор Милетский возвели образец христианского византийского искусства — храм св. Софии. Эта форма, ставшая классической, включает в себя план в виде креста, крестовый парусный свод, кубические капители с пилястрами и мозаики. Купол Софии стоит на четырехугольном основании.

А церкви св. Апостолов и св. Виталия в Равенне отличаются тем, что их купола опираются на восьмиугольные основания. Подобные образцы встречаются и в Константинополе, и в Салониках.

Впрочем, некоторыми искусствоведами все эти образцы воспринимаются не как пример искусства расцвета, а как искусство времен упадка. Вполне возможно, такое мнение основывается на том, что

история Византии уже закончена. Чрезмерная роскошь тоже может привести на эту невеселую мысль. В период падения преемницы Византии Российской империи эта черта тоже проявилась в сильной степени.

Однако у византийского стиля был и подъем. Он относится к X веку, к приходу Македонской династии. Тогда опять произошел возврат к античным образцам, и это внесло свою свежую струю в произведения зодчества. Но по множеству причин, в том числе связанных с иконоборчеством, искусство опять пришло в упадок. Последнее возрождение его связывается с именами Комнинов и Палеологов. Но здесь уже сильно влияние итальянской школы того времени, ибо в Европе наступило Возрождение.

Уникальна архитектура императорского дворца, заложенного на громадной площади в 400 тысяч квадратных метров. Построенный Константином, он увеличивался и обновлялся Юстинианом, Феофилом, Василием Македонянином. Внутреннее устройство дворца было таким, что император, не выходя из него, мог присутствовать на богослужении, приемах, даже на ипподроме, ибо ход в его кафисму был прямо из дворца.

Дворец состоял из семи перистилей, восьми внутренних дворов, четырех церквей, девяти часовен, девяти молелен и баптистериев, четырех гауптвахт, трех больших галерей, пяти зал для приемов, десяти частных покоев для императорской семьи, семи второстепенных галерей, трех аллей, библиотеки, арсенала, трех террас, манежа, двух бань и восьми отдельных дворцов, окруженных садами. А также немаловажно, что дворец имел свои гавани.

Кроме этого, был Вуколеонский дворец на берегах Пропонтиды, Магнаврский дворец (на север от императорского дворца, между Халкой и Софией), Влахернский дворец (северо-запад Константинополя), дворец Константина Багрянородного.

Общественные бани, которыми также славилась Византия, строились с не меньшей пышностью, чем дворцы и частные дома вельмож. Упомянутые бани Зевксиппа, бани Аркадия были самыми знаменитыми. Кроме того, остался фундамент общественных бань по имени Диагосфеи. Остались бани Константина и бани Евдокии.

После падения Константинополя в городе ярко проявляется османская архитектура. Но это уже не предмет настоящего очерка.

Считается, что Византию, как и Древний Рим, погубили разврат, раздор и злоупотребления чиновничества. Мы опустим оценки подобного рода и немного поговорим о некоторых специфических моментах повседневной жизни в Константинополе.

Примерно мы представляем, как жили сенаторы и высшие чины. А ведь были еще другие категории чиновников, военных, ученых, клириков, торговцев, врачей, адвокатов, архитекторов, ремесленников, лиц без определенных занятий и т. д.

Подробно мы можем почерпнуть эти сведения из первоисточника — трактата о военном деле, автор которого, к сожалению, неизвестен. Но он выделяет в обществе такие группы населения, как духовенство,

архонтов, чиновников (судебных и финансовых), техническую интеллигенцию, ремесленников и торговцев, неквалифицированных рабочих, лиц, не занятых постоянным трудом, и даже театральное сословие. А в целом он делит общество на два лагеря — архонты и подданные. Архонты, говорит автор, достигают своего положения в постоянной борьбе за влияние и власть. То есть нестабильность тогдашнего слоя архонтов автор вполне выразил.

Ремесленники и торговцы представляли собой значительную часть населения столь развитого общества, как византийское, особенно же столичное. В памятниках самых различных упоминаются хлебопеки, каменщики, плотники, башмачники, кузнецы, мясники, ювелиры.

Большим влиянием после крупных торговцев обладали некие аргиропраты, которым посвятил свои юридические новеллы Юстиниан. Это ювелиры, менялы и ростовщики. Император и ограничивал их деятельность, и в то же время старался, чтоб эта категория населения не заглохла, развивалась. Хотя, конечно, предпочтение он отдавал архонтам.

Аргиропраты принимали участие во всех сделках на территории империи. С их помощью заключались самые важные контракты. Посредничество и поручительство — две области, в которых они были сильны. Сделки касались всего, что можно было пощупать и взвесить, движимого и недвижимого имущества, включая дома, землю, людей. Им же поручали продажи имущества с торгов. Еще они выступали как оценщики имущества. А константинопольские аргиропраты имели право на государственную службу, кроме военной.

Эргастии — торговые склады и лавки крупных продавцов — часто бывали освобождены от налогов. Потому что, смыкаясь, к примеру, с духовенством, многие из них числились за собором св. Софии (таких было приписано 1100!). А владели ими крупные промышленники, хозяева мастерских и землевладельцы, а также богатые купцы. В связи с этим множеству мелких ремесленников приходилось выплачивать налог в три-четыре раза больший, чем полагалось. Сильнее всего страдали ремесленники, профессия которых подпадала под запрет, поскольку мастерские такого характера были только государственными. Например, производство оружия, шитье императорских одежд и прочие «стратегические» занятия.

Правда, надо отдать должное общественному устройству Византии: если мастер изготавливал хороший и качественный товар, его тут же приписывали к государственной мастерской. Происходило это лишь "по собственному желанию". Однако отсутствие такого желания вызывало автоматический запрет на профессию.

В результате подобных нюансов Константинополь наполнился людьми без определенных занятий. Особенно перед восстанием Ника таких людей много явилось из провинций. Им предлагали заняться общественными работами, приписывали к государственным или частным производствам или конкретным сановникам. Опять же "по собственному желанию". Отсутствие желания означало выдворение из Города. Именно это большинство — разоренное и бесправное — и явилось зачинщиком восстания Ника, по мнению многих комментаторов.

Широко использовался наемный труд, но, по сообщению Прокопия, "люди рабочие и ремесленники имеют запасов всего лишь на один день". В "Тайной истории" он вовсе ставит ремесленников наравне с

бедняками.

Учителя, врачи, юристы, архитекторы и инженеры относились к людям свободной профессии. Но уже одно то, что они получали высшее образование, говорило о необходимости им быть прежде всего зажиточными. Только дети богачей могли себе позволить получить такие профессии. Агафий сообщает, что Ураний, когда отправился к: Хосрову, "надел достойнейшую одежду, какую носят ученые и учителя наук". А знаменитый архитектор Анфимий, поссорившись с соседом, сумел оплатить такую дорогостоящую шутку, как устройство в доме соседа "искусственного землетрясения". Этим соседом был ритор Зион, поэтому тягаться с ним в красноречии было бессмысленно.

Адвокаты до того, как Юстиниан отнял у них гонорар, жили вполне зажиточно.

Но и профессии оплачивались не одинаково. Учитель начальной школы для того, чтобы жить хоть чуть сносно, должен был иметь громадный класс. А для обучения второй и третьей ступеней на Капитолии была открыта специальная императорская школа. После двадцати лет преподавания в этой школе учитель получал титул, открывавший доступ в аристократическое сословие. Кажется, нет нужды говорить о разнице в материальном уровне такого преподавателя и учителя начальной ступени.

Надо думать, что в волнениях и бунтах критически настроенная интеллигенция была не на последнем месте по степени активности.

В VI веке в Константинополе было великое множество церквей, монастырей, странноприимных домов. Императрица Феодора основала для "вышедших в тираж" проституток что-то вроде дома покаяния. Условия жизни в нем были столь суровы, что многие послушницы предпочитали бросаться с башни головой вниз. При гг одного только храма св. Софии составлял 525 человек. Были еще экдики — отдельные структуры, призванные соблюдать порядок и юридические права собора и отдельных его служителей.

То обстоятельство, что духовенство срослось с крупной торговлей, позволяло отдельным его представителям жить не только безбедно и роскошно, но и других представителей своего «цеха» содержать достойно.

Случайные заработки, воровство и подачки — это, оказывается, тоже профессия. Константинополь был наводнен люмпенами, от которых старались избавляться, но ни у правительства, ни у среднего сословия это не получалось.

Особенной профессией было, наряду с проституцией, нищенство. Кажется, профессиональное нищенство, процветающее теперь в Москве, было заимствовано у Византии вместе с высоким званием Третьего Рима.

Последняя категория населения — рабы. Их использовали и в ремесле, и в сельском хозяйстве, и в церкви, и на общественных работах. Рабы-ремесленники ценились дороже. Хозяин мог не только продать раба, но и отдать внаем. Среди рабов было много славян. Однако ни один источник не упоминает, чтобы в восстаниях или волнениях участвовали рабы. Вероятно, быть бесправным хозяином было гораздо обиднее.

Таков был погибший от мусульманской сабли и преданный католиками главный форпост христиан на Востоке Константинополь. Турки хлынули в Европу. Последствия этого предательства уже 550 лет не дают покоя Балканам.

Удивительно стойкая роскошь

Если иностранца спросить, где находилась Киевская Русь, он вполне резонно ответит, что в России, и промахнется. На подобный же вопрос о местонахождении Великой Греции обычный человек даст логичный ответ: в Греции. И тоже будет не прав.

Великой Грецией в древности называлось южное побережье Италии и часть Сицилии. Греки, среди которых преобладали ахейцы и дорийцы, начали активно осваивать этот район в VIII веке до н. э. Так появились Кимы, Тарант, Сибарис, Кротон, Регий, Посидония, Неаполь.

Сибарис в 709 году до н. э. основали ахейцы на берегу Тарентийского залива и в устье одноименной городу реки. Место для колонии было выбрано более чем удачно. Равнина, на которой построили Сибарис, показывала чудеса плодородия. Римский агроном Варрон ставил ее наравне с Бизацием и Гадарой в Африке, отмечая как нормальную урожайность зерна 1 к 100.^[59] Винограда на полях сибаритов вырастало так много, что, не желая утруждать себя его перевозкой, хозяева провели прямо к морю винопроводы, где часть вина экспортировалась, а часть перевозилась в город. Вино из Сибариса считалось одним из самых лучших. Не случайно и на монетах города появляется его символ — амфора.^[60]

Еще активнее цепкие сибариты зарекомендовали себя в торговле. Свой город они сумели сделать главным торжищем между Малой Азией, Карфагеном и Финикией, с одной стороны, и Этрурией и Галлией, с другой. Главными их торговыми партнерами были Милет и этрусские города Адриатического побережья.

Не удовольствовавшись сельским хозяйством и торговлей, сибариты вывели ряд собственных колоний и подчинили себе 25 соседних городов и четыре племени.

От момента основания Сибариса до его расцвета прошло всего пятьдесят лет. Случай необыкновенный. Скажем, в Северном Причерноморье колонистам к этому времени удавалось только сложить первый каменный дом на место глинобитных хибар или землянок. К середине VI века до н. э. Сибарис стал самым богатым и процветающим городом Великой Греции.

Но такая работоспособность и настойчивость, особенно проявившаяся в попытках спасти родину, о чем речь пойдет ниже, совершенно не вяжется с городом, ставшим в глазах потомков символом изнеженного образа жизни и баснословной роскоши. Уже после гибели Сибариса о нем ходили сотни анекдотов, в которых сибарит выглядел эпикурействующим чревоугодником.

В Сибарисе запрещалось держать петухов, дабы не будить граждан. Все «шумные» ремесла также были вынесены в предместья, чтобы не раздражать слух и не нарушать покой граждан. Сибаритов считали изобретателями навесов, защищавших улицы от полуденного солнца, и искусственных гротов на берегу моря, где можно было спокойно провести фиесту. Все жители Сибариса заботились исключительно о роскошествах и наслаждениях, не жалея на это никаких средств. Привычным зрелищем во многих домах были карлы-рабы и миниатюрные собачки, стоившие огромных денег.

Первым среди сибаритов слыл некий Сминдирид. Его утонченность и изнеженность не знала границы. Еще задолго до принцессы на горошине Сминдирид, проспав на ложе из розовых лепестков, встал поутру с жалобой на вскочившие от этого волдыри. Он никогда не лежал на земле, на траве, на соломе и даже воловье шкуре. Он до того привык к самым немыслимым роскошествам, что когда поехал в Сикион сватать за себя Агаристу — дочь тирана Клисфена (действие это, хоть и зафиксировано исторически, является дубликатом сватовства к Елене Спартанской), то взял с собой тысячу поваров, тысячу птицеловов и тысячу рыбаков. Поступок его будет легче понять, если учесть, что на завтрак Сминдирид предпочитал паштет из птичьих мозгов. Повара же Сибариса считались самыми уважаемыми людьми. Если повар придумывал новое блюдо, он получал право единолично пользоваться им в течение года, зарабатывая на этом огромные деньги, и освобождался от уплаты налогов до конца жизни. Не платили их и те, кто разводил угрей. На пирах, где столы были сплошь покрыты самыми изысканными блюдами, которых теперь не встретишь, возле каждого пирующего стоял раб с тазом и перышком. Когда сибарит обедался до того, что уже не лезло, раб щекотал у него в горле и подставлял таз. Через некоторое время трапеза продолжалась.

Жители Сибариса славились даже тем, что тончайшие косские ткани, похожие на современный шелк, у них носили бедняки и нищие. Даже рабы в Сибарисе жили во много раз лучше афинян и уж тем более спартанцев. Рассказывают такой случай: домашний раб-педагог вел мальчика в школу, мальчик поднял с земли сушеную фигу (пять-шесть штук таких зачастую составляли завтрак свободного грека), педагог больно наказал его, однако, будучи по природе не урожденным сибаритом и, видимо, вспомнив юность, в которой ему иной раз приходилось собирать желуди себе на пропитание, фигу он съел. Рабу сделали внушение, чтобы не подбирал на дороге и не тащил в рот всякую дрянь, подавая дурной пример ребенку.

Очень популярным в Греции был анекдот о сибарите, который от одного вида работающего в поле крестьянина нажил себе грыжу.

Настоящий сибарит выходил на люди в гиматии из мягкой и ничего не весящей милетской шерсти. Существовал даже закон, по которому сибарит, собиравшийся отпраздновать свадьбу дочери или другое приятное событие, обязан был известить приглашенных не менее, чем за год, чтобы те успели заказать себе праздничный наряд. Обычно он заказывался в Милете, так как покупать готовый считалось ниже своего достоинства. Для этой цели в Малую Азию, отправлялся раб, который передавал все пожелания хозяина: какую выбрать ткань и как ее разукрасить. У Аристотеля сохранился рассказ об одном гиматии сибарита Алкистена, заказанном для праздника в честь Геры Лакинской (ее храм находился рядом с Метапонтом).

"Размером этот гиматий был в пятнадцать локтей, тканые узоры которого изображали сверху Сузы, а внизу Персеполь, середина же заполнена фигурами главных греческих богов, среди которых находился и сам хозяин роскошного одеяния. О ценности гиматия говорит то, что впоследствии он достался Дионисию Старшему, а тот, говорят, продал его карфагенянам за сто двадцать талантов^[61]".

Есть и отличное описание того же гиматия у других авторов: на фоне реки Сибарис в окружении греческих богов был изображен заказчик. Над ними сверху были изображены священные индийские животные, а внизу — диковинные персидские звери. В этот плащ была завернута статуя Геры. Но сумма, выплаченная карфагенянами, указана та же.^[62]

Даже вступать в бой пешими сибариты считали слишком для себя утомительным, поэтому главной ударной силой их войска была конница. По Страбону, она насчитывала 50 000 всадников, но это, конечно, преувеличение, даже учитывая все подвластные Сибарису города. Но и эту конницу они предпочитали водить не в бой, а устраивать ей парады. Особым шиком считалось, когда на параде кони начинали танцевать при звуках определенной мелодии. Как ни прозвучит парадоксально, но именно этот факт погубил Сибарис. Когда у города случилась серьезная распря с соседним городом Кротонем и оба войска построились для битвы, кротонские флейтисты заиграли знакомую животным мелодию, и кони, вместо того чтобы перейти в галоп, пустились в пляс. Но потомки сибаритов, уже рассеянные по белу свету, никогда не считали, что причиной гибели их города стала непомерная тяга к изнеженности. Они рассказывают, что однажды во время состязания в честь богини Геры горожане переругались в оценке творческих возможностей какого-то кифаред (тоже показательный факт!) и схватились за оружие. Артист, как был в праздничных одеждах, бросился к алтарю богини и стал молить о пощаде. Но те, кто считал его искусство ниже всяких похвал, уже взяли верх и убили музыканта. Немного спустя в храме Геры стала бить неиссякаемым источником струя крови. Делать нечего, совершил святотатство — надо платить. Сибариты послали за оракулом в Дельфы. Ответ пифии их обескуражил (как и многих, иначе за что бы она получала деньги):

*Храм мой покинь: до сих пор на тебе тяготеет убийство.
Должно тебе в отдалении стоять от священных порогов.
Нет, прорицанья не дам я тому, кто в святилище Геры
Дерзко слугителя Муз убил, не страшась воздаянья.
Пусть для таких нечестивцев не медлит свершиться возмездье.
Нет им прощенья во век, будь они хоть потомками Зевса.
Кару примет и сам святотатец и род его подлый.
В дом пусть его вереницею черной стекаются беды.*

И точно, пифия как в воду смотрела: вскоре сибариты затеяли войну с жителями соседнего Кротона, войну проиграли, и город их был разрушен до основания.

Но все античные авторы (а их около 70) единодушны во мнении, что Сибарис погубила изнеженность. Эти утверждения совершенно не вяжутся со всем тем, что античные же авторы сообщают о сибаритах. Как могли люди, считающие за труд оторвать спину от кровати, построить и благоустроить город (включая канализацию и свинцовые винопроводы), распахать равнину, наладить обширную торговлю, покорить 25 окрестных городов, наконец? Как, без усталости предаваясь изнеженности, они могли поддерживать все свое хозяйство в надлежащем порядке и даже еще больше богатеть?

О государственном устройстве Сибариса нам приходится догадываться по единственному упоминанию Тимея о 500 всадниках. По аналогии с другими греческими колониями, можно заключить, что в Сибарисе была олигархическая форма правления, которую и осуществляли эти 500 всадников-аристократов. По всей видимости, они были потомками первых поселенцев, основателей города. В соседнем Кротоне, разрушившем Сибарис в 510 году до н. э., у власти стояла аналогичная "тысяча".

Интересно, что не последнюю роль в гибели Сибариса сыграл знаменитый философ Пифагор. В 530 году до н. э. он прибыл в город и буквально первой же речью очаровал всех. Кротон в то время переживал не лучшие времена: совсем недавно кротонцы напали на соседний город Локры Эпизефирские и, хотя имели численный перевес, потерпели сокрушительное поражение, потеряв большую часть армии.

Единственным утешением для них служило лишь то, что два года назад их атлет Милон одержал победу в борьбе на Олимпийских играх.[\[63\]](#) Такие победы ценились греками очень высоко и делали победителя национальным героем.

Прибыв в Кротон, он, как пишет Диоген, "написал законы для италийцев и достиг у них великого почета вместе со своими учениками, числом до трехсот, которые вели государственные дела так отменно, что поистине это была аристократия, что значит "владычество лучших". Этот философ собирался совместить несовместимое: объединить математику и мистику. Постепенно Пифагор навязал кротонцам свое этическое политическое учение и стал пользоваться таким почетом и уважением, что кротонцы не решались построить новый сортир, не испросив совета у великого мудреца. Когда же он предложил им построить храм музам, они молча отправились тесать камни. Кротонцы неукоснительно соблюдали все его священные предписания: огонь ножом не разгребать, через весы не переступать, против солнца не мочиться, по торным тропам не ходить, факелом сиденья не осушать и ношу помогать не взваливать, а сваливать. Все эти меры способствовали подъему духа кротонцев после поражения и появлению ненависти к Сибарису. Приверженцы Пифагора видели в самом его существовании угрозу широкого распространения пифагорейских идей, а более приземленным людям не давали покоя плодородные поля Сибариса и обширная торговля, мешавшая развернуться кротонским купцам.

В это время власть в Сибарисе захватил некий Телис. Такие локальные революции и тогда уже совершались исключительно для того, чтобы "переделить все по-честному". Бедный кифаред, если он и существовал, просто попал под горячую руку. Телис изгнал из города 500 самых знаменитых и богатых граждан, присвоив себе их имущество. Последние укрылись в Кротоне. Дальнейшие события разнятся взглядами сторон. Сибариты утверждали, что они отправили в Кротон посольство, требуя выдать перебежчиков, но кротонский совет под влиянием Пифагора им отказал. Кротонцы же говорят, что это они отправили в Сибарис посольство из 30 самых знатных мужей (видимо, желая прямо повлиять на внутренние дела города), но посольство было убито, а тела знатных мужей бросили за городские стены.

Война стала неизбежна, и в 510 году до н. э. войска двух городов встретились в поле. Кротонцев вел в сражение олимпионик Милон. Головы его не было видно, так как всю ее вместе со шлемом закрывали венки, полученные за победы на олимпиадах. По замыслу кротонцев, один вид человека, к которому так благосклонны Олимпийские боги, должен был обратить сибаритов в бегство. Милон славился необычайной силой. Он сам принес свою мраморную статую в Олимпию и установил на пьедестале. Он смазывал маслом диск и вставал на него, и никто не мог столкнуть его, как ни старался, хотя другие поскальзывались на масле без посторонней помощи.[\[64\]](#)

Но сибариты не смутились видом «безголового» Милона: в их рядах тоже были олимпионики, правда, победители не в борьбе, а в беге. (Еще один сибаритский парадокс: откуда в городе, где спят на перинах из лепестков роз, берутся чемпионы?)

Кони сибаритов уже встали на дыбы, кротонцы порядком струхнули, и если бы не чей-то совет заиграть на флейтах парадный марш сибаритов, то песня кротонцев была бы спета. А так они победили. Сибарис был сожжен дотла, а на его место кротонцы пустили, изменив русла, две реки — Сибарис и Крафис.

Уничтожение Сибариса повергло в шок античный мир. Все взрослое население Милета даже погрузилось в траур, что, впрочем, легко объяснимо: ведь милетцы потеряли свой главный перевалочный пункт для торговли с Западом, потеряли надежных банкиров и ростовщиков, наконец, потеряли собственные товары, хранившиеся на складах Сибариса.

Кротонцы, по всей видимости, предложили сибаритам добровольно покинуть город, и они выселились в Лаос и Скидрос — когда-то основанные ими колонии на западном побережье современной Калабрии.

И с этого момента начинается борьба сибаритов за свой город, которая опровергает их нарицательное имя напрочь.

Через некоторое время сибариты предприняли попытку возродить свой город на другом месте, но неподалеку от прежнего. В 494 году до н. э. персы сожгли Милет. Геродот пишет, что когда в Афинах показывали пьесу "Взятие Милета", то рыдал весь театр от переживаний, а автора позднее оштрафовали, но сибариты не объявили у себя траур, как сделали это ранее милетцы, — пеняет Геродот. Следовательно, в 494 году Сибарис № 2 уже существовал и был городом. Вполне возможно, что возникновение Сибариса № 2 произошло с молчаливого или прямого согласия Кротона, который к тому времени, забыв пифагорейские добродетели, доминировал над всеми городами региона. Но в 476 году Кротон осадил Сибарис. Логичнее всего это объяснить так: согласившись на возвращение сибаритов, Кротон лишил их определенных прав (например, права вести торговые или посреднические операции); и сибариты восстали. Они обратились за помощью к тирану Сиракуз Гиерону. Тот послал им своего брата Полизела. Дальнейшие события грешат разночтением: по одному автору, Полизел был послан в Сибарис исключительно для того, чтобы его там убили; по другому, Полизел был послан против Сибариса. В любом варианте толку от Полизела оказалось мало — Сибарис № 2 тоже пал, а его жители вернулись в Лаос. Но, вероятно, не все. Часть из них оказалась в Посейдонии. Это удалось проследить С. Крейю по нумизматическим материалам: во-первых, с этого времени резко меняются изображения на монетах Посейдонии; во-вторых, когда сибариты опять собрались с силами и основали Сибарис № 3, их монеты оказались буквально скопированы с монет Посейдонии.

Но и этот город не смог противостоять мощному Кротону и в неравной борьбе погиб в 448 году до н. э. Прошло уже более шестидесяти лет после гибели первого Сибариса, сменилось два поколения, но сибариты и не думали сдаваться — такая удивительная жизнестойкость оказалась у этих изнеженных людей, персонажей многих анекдотов. Сибариты по-прежнему ощущали себя единой общиной, только временно лишенной родной земли.[\[65\]](#)

Они обратились с призывом к Спарте, предлагая вместе с их поселенцами основать новый Сибарис. Те отказались. Но этот призыв услышал Перикл. Ему очень приглянулась мысль распространить афинское влияние на Южную Италию. С помощью афинян и при их участии сибариты основали на месте первого Сибариса Сибарис № 4 в 446 году до н. э. И опять дальнейший ход событий удалось проследить лишь по нумизматическим материалам. Существует целая серия монет, на аверсе которой изображена голова Афины, а на реверсе легенда "Сибарис и бык". На ранних типах монет изображен спокойный бык, покусывающий свою спину. Потом он исчезает, и на смену ему приходит изображение быка с угрожающе опущенной головой. На этом основании и при помощи нарративных данных ученые сделали вывод, что

афиняне не ужились с сибаритами и в 444 году до н. э. изгнали последних, а на их место пригласили других афинян. С этих пор над руинами Сибариса появился новый город — Фурии.

Но сибариты и на этот раз не сдались. В 440 году до н. э. на реке Трейс они основали Сибарис № 5. Город был построен на холме, который теперь носит

название Кастильоне-ди-Палуди. Раскопками здесь выявлены остатки внушительной крепостной стены. Некоторые камни из нее имели в длину до двух метров. Был обнаружен и фрагмент надписи, на которой четко читалось название города и которая решила последние сомнения. В начале IV века до н. э. Сибарис опять стал крупным и богатым городом, он чеканил собственную монету (то есть был свободным) и даже построил театр. Но к середине IV века до н. э. Сибарис был втянут в кровопролитную войну с италийскими племенами, которые не желали мириться с присутствием греков на своей земле. Сибариты, видимо, защищались до последнего, ибо с этого времени само их имя больше не упоминается историками Эллады среди живых.

Судьба Фурий сложилась более удачно, хотя и пришлось пережить много неприятных минут. Фурийцам не удалось мирно ужиться с племенами брутти-ев и луканов, постоянно ссорились они и с городом Тарантом, который основали извечные враги Афин — спартанцы. Потом римляне поставили здесь свой гарнизон, а в 193 году до н. э. и самому городу дали латинское название Копия.

История Сибариса идет совершенно вразрез со ставшим стереотипным образом этого города. Только спартанцы проявляли подобную настойчивость, поставив перед собой цель. Но спартанцы-то — антипод сибаритов буквально во всем, даже в мелочах, У спартанцев в коннице служили только колченогие; в походах они спали на земле; ежедневно питались чечевичной похлебкой на бычьей крови; пурпурный хитон спартанец надевал только перед боем, чтобы враги не увидели его крови; свое жилище спартанец строил лишь при помощи пилы и топора; он никогда не видел денег и т. д.

Но, может быть, в античности Сибарис стал объектом бесконечной шутки? Какой, например, можно было бы составить портрет Чапаева, пользуясь лишь анекдотами про него?

Существовал только один способ выяснить, насколько обвинения сибаритов в сибаритстве соответствуют действительности — раскопать руины города.

У Страбона есть указание, что Сибарис находился между реками Сибарис и Крафис. Но Страбон жил спустя шестьсот лет после того, как город погиб. А современная долина реки Крафис представляет собой раскинувшееся на много километров болото с малярийными комарами. Здесь, правда, удалось на холмах обнаружить остатки водопровода из глиняных труб и несколько погребений. Но к Сибарису они никакого отношения не имели, так как датировались более поздним временем. Полное отсутствие следов вызывало недоумение археологов, некоторые скептики даже стали говорить о том, что Сибарис — такая же сказка, как и Атлантида. При этом в руках они держали монеты с легендой города. Различные ученые называли самые разные места Южной Италии, где следовало бы искать Сибарис. Но он оставался неуловимым.

После войны П. Дзанотти-Бьянко предложил отождествить его с Парко дель Кавалло, расположенном на берегу Крафиса в 4 километрах от современного устья, а в реке Сибарис видеть современную Кошилу.

Пробные бурения в предполагаемом центре бывшего города подтвердили возможность обнаружения Сибариса соответствующими времени его существования находками. Однако находки могли принадлежать и другому городу. Скептиков они не убедили.

Тогда в середине 1960-х годов в поиски Сибариса включился археолог-экспериментатор К. Леричи. Он уже прославился обнаружением большого числа этрусских гробниц, от которых на земной поверхности не осталось ни малейшего следа. Для поисков Сибариса он использовал протонный магнитометр. Он представляет собой баллон со взвешенными в спирте протонами. Снаружи на баллон намотана проволока. Когда по ней пропускают ток, протоны вращаются в спирте, скорость их вращения зависит от магнитной силы. Аномальные показатели на приборе являются сигналом, что в данном месте находится, например, скопление керамики или какая-то стена. Прибор фиксирует предметы на глубине до восьми метров.

Поиски Леричи увенчались успехом. Ему даже удалось проследить крепостные стены на расстоянии 1320 метров. Затем он с помощью мощной помпы поднял с глубины 6–8 метров фрагменты греческой посуды, черепицу, кирпич и куски карниза. Все это датировалось VII–VI веками до н. э. Но скептики опять отказались признать находки принадлежащими именно Сибарису. О раскопках не могло быть и речи: грунтовая вода так близко подступала к поверхности, что вырытая яма тут же заполнялась водой, а стены ямы сползали вниз, обесмысливая труд.

И все же после нескольких лет, проведенных в разведках, археологи решили попытаться. Раскопы были заложены сразу в четырех местах, три из них по времени безусловно относились к Сибарису, в четвертом раскопе оказалось большое здание, вероятно, общественное, но относящееся к Фуриям.

Сейчас уже нет сомневающихся, что обнаружен именно Сибарис. Археологические слои идут в полном соответствии с письменными данными о времени основания и гибели города: VIII–VI века обильно представлены остатками построек, керамикой и монетами; затем — в слое конца VI века попадаете только ил, песок, обугленные куски и следы растворившегося в воде кирпича — доказательство, что город был сожжен, а потом затоплен; и следом за ним идут остатки афинских Фурий.

Сейчас еще невозможно говорить об архитектурном облике Сибариса. Но фрагменты архитектурных украшений храмов и частных жилищ позволяют говорить, что Сибарис был типичной ахейской колонией, разве чуть больших размеров: население ее могло достигать ста тысяч человек, но наверняка было меньше. Об образе жизни сибаритов пока можно судить лишь по импортной ионийской керамике, среди которой преобладают тончайшей работы и удивительной росписи чаши. Этот факт как будто подтверждает сведения о не прекращавшихся пирах и застольях. Но керамика, произведенная в местных мастерских, совсем не уступает по качеству привозной. Другие находки тоже не дают ответа на вопрос: действительно ли сибариты отличались от остальных греков какой-то особенной и безграничной изнеженностью? Археологи пока лишь разводят руками: на их взгляд, ничто не отличало Сибарис от других греческих городов. Но ведь еще не обнаружен некрополь! Вот там-то действительно могут оказаться существенные различия. Правда, это уже будут не отличия между городами живых, а между городами мертвецов.

На сегодняшний день установлено, что археологическая площадь города охватывает 9 квадратных километров, но работы ведутся лишь на площадях, напоминающих уколы в простыне. И даже тут они движутся очень медленно, потому что в раскопы моментально набирается вода. Людям приходится

работать в водонепроницаемых костюмах, стоя по колено, а то и по пояс в воде. В ближайшей перспективе итальянцы намереваются подвести с боков систему труб с механическими насосами, которые войдут в землю на глубину 8–9 метров. Возможно, они уже это сделали. Но и тогда на раскопки только той части города, которая сейчас находится на суше, уйдет не менее 20 лет.

Двадцать лет назад подводные археологи обнаружили на дне Тарентийского залива на семиметровой глубине несколько рядов беломраморных колонн. Возможно, это ушедший на дно припортовый рынок, но может быть и храм. Нам этого уже не узнать: очередь до него дойдет не раньше, чем будет раскопан центр города.

Спина

Множество загадок задали историкам этруски, споры о которых не затихают и сегодня. Мало того, что спорят о самом народе, так еще и знаменитую Спину потеряли — тот самый город, о котором в один голос говорят древние авторы. Правда, античные летописцы помещали Спину на вполне конкретное географическое место — в долину реки Пад (сегодня это По). Уж не призрак ли он и в самом деле, этот великий город? Венеция этрусков? Но уже в средние века от этой "жемчужины Этрурии" не осталось никакого следа.

Дионисий Галикарнасский говорит, что Спину основали пеласги — народ, живший в Греции до прихода греков и вытесненный последними оттуда. Удержаться там пеласги, однако, не смогли, и им на смену пришли этруски. Народ этот — один из самых загадочных в истории человечества. Этруски были учителями римлян. Однажды этруски увидели несколько деревень на холмах. Из них они построили город, назвали Римом и правили им полтора столетия. До самого своего исхода из истории римляне неукоснительно блюли каноны этрусского градостроительства, суть которых в том, что мир есть круг, разделенный на четыре части двумя пересекающимися под прямым углом прямыми дорогами, и каждому положено находиться в своей части. Возьмите план любого римского города, и везде вы найдете две эти дороги (*cardo* и *decumanus*). Возьмите план сельской округи любой римской общины (*centuria*), и тут эти же дороги будут в обязательном порядке. Более того, кощунственно сказать, римляне вслед за этрусками даже небо поделили на четыре части и расписали, какому богу в какой части жить и командовать. (Все это очень облегчает работу археологов, потому что достаточно определить границы одного квартала, и весь план города на ладони.)

Расцвет Спины пришелся на V век до Р.Х. В это время она была главным портом Адриатики, через нее шла вся торговля между Средиземноморским миром и Северо-Западной Европой, своеобразным перевалочным пунктом. Сюда поступали товары из Греции, Финикии, Персии, Египта и отправлялись дальше — в Галлию, Германию, на Британские острова, даже в Балтию, откуда поступали металлы и янтарь. Есть все основания предполагать, что рунические письмена Европы происходят от этрусского алфавита. Сама Спина активно торговала солью, товаром собственного происхождения.

Понятно, что при таком статусе города этрусским он был чисто номинально. Кроме соседей, умбров, лигуров и венеков (племя славянского происхождения), в Спине постоянно проживали представители почти всех народов Средиземноморья (греки, например, составляли не менее четверти), выполняя роль торговых агентов. О богатстве Спины говорит тот факт, что дары ее общины Дельфийскому оракулу считались самыми щедрыми и удивительными.

Однако такое благополучное существование продолжалось чуть более века. По непонятным причинам город стал увядать, более того, он превратился в пиратское гнездо, а плавание по Адриатическому морю стало сопряжено со всеми вытекающими отсюда опасностями. В I веке н. э. Страбон уже писал не о городе, а о деревне Спине. Потом она и вовсе пропала.

Но о Спине не забывали. Не раз вспоминает о ней Боккаччо. Кардуччи в знаменитой оде оплакивает судьбу Спины, царицы Адриатики, чей голос умолк, задушенный беспощадным временем. Историки же

(археологов в нашем понимании еще не было) в ответ пожимали плечами. Они не только не могли указать местонахождение полуполюгендарного города, но даже не брались назвать причину его упадка. Кто-то пытался связать упадок Спины с нашествием галлов на Италию в 387 году до Р.Х. (тогда они сумели даже взять Рим, который на самом деле никакие гуси не спасли), но галлы пришли и ушли, а свято место пусто не бывает, к тому же такое хлебное.

Не будем дальше испытывать терпение читателя: главным врагом Спины оказалась река По, на берегу которой находился город. С каждым годом илистые наносы все более и более отдаляли Спину от кормильца-моря. Уже в IV веке до Р.Х. город находился в трех километрах от моря, но упорством и трудолюбием жителей все-таки был связан судоходным каналом. К I веку н. э. это расстояние увеличилось до пятнадцати километров. Перенести город к морю жители не могли, так как все побережье представляло собой сплошную топь из болот и лагун. Город был обречен и превратился в деревню, обитатели которой добывали себе пропитание рыбной ловлей и огородами.

В XII веке река По прорвала дамбу и переместила свое русло на север, к Венеции. Местность быстро преобразилась на много километров вокруг Спины. Теперь она представляла заболоченную низину с илистыми лужами и мелкими озерками. То, что когда-то называлось почвой, медленно, но оседало. Город ушел под воду так основательно, что на поверхности не осталось никаких следов, только угри копошились в иле, да раз в году лягушки приветствовали приход весны оглашенным кваканьем.

Не находя на местности следов крупного города, энтузиасты-историки конца средневековья выдвинули гипотезу, что остатками Спины является мелкий порт Фельсины, расположенный неподалеку от Равенны в устье реки Рено. И это несмотря на утверждения средневековых хроник, что правый рукав дельты По когда-то назывался Спинетико.

Дело, может быть, и не сдвинулось бы с мертвой точки, если бы в поисках выхода из земельного кризиса итальянское правительство не разработало в 1913 году план осушения южной части современной дельты реки По поблизости от Комакьо, средневекового городка, расположенного километрах в тридцати от административного центра Феррара. Комакьо лежат на островах посреди болот и лагун в отдалении от моря, жители его, которым некуда было бежать за лучшей долей, поддерживали свое существование рыбной ловлей. Мелиорация сулила городу былое благополучие.

Осушение началось в 1919 году, когда Муссолини основал фашистскую партию. Едва между прорытыми каналами появились пригодные для возделывания посевные участки, агрономы стали рыть землю, экспериментируя с посадками. И повсюду они натыкались на древние гробницы. Сходство самих гробниц с этрусскими погребениями в других районах Северной Италии, адекватность добытых вещей заставили власти пристальней взглянуть на ситуацию. Прележав столько веков под водой, гробницы имели все шансы остаться целыми. Надо отдать должное Муссолини: поставив себе цель — возрождение былого могущества Римской империи, — он тратил на археологию больше, чем на боевую и политическую подготовку штурмовиков. Про мелиорацию забыли напрочь, официальные раскопки доверили местному археологу А. Негриоли и директору департамента древностей в Эмилии С. Аурид-жемма. К 1935 году было открыто более 1200 гробниц, не считая тех, которые разграбили жители Комакьо под покровом ночи и в межсезонье, полагая, очевидно, таким способом возместить потери от, казалось бы, обретенной земли.

Количество обнаруженных вещей было столь велико, что под их хранение пришлось выделить дворец в Ферраре, который еще в эпоху Возрождения построил Людовик Сфорца. (Теперь он заполнен полностью этрусскими древностями и называется Феррарский национальный музей археологии. Это одна из лучших коллекций Италии.) Среди множества вещей, извлеченных из некрополя, были и бронзовые подсвечники этрусского стиля, и янтарные ожерелья, и египетские сосуды из стекла и алебаstra, и краснофигурные аттические кратеры. Присутствие греков обозначалось не только их продукцией, но многочисленными надгробными плитами на древнегреческом языке. Возраст находок колебался от V до III веков до Р.Х. Не было никакого сомнения, что такой разнообразный по характеру материал мог принадлежать только крупному портовому пункту, выполнявшему роль перевалочного пункта, то есть никто не сомневался, что в долине Треббия обнаружен некрополь Спины.

Но где же сам город? По всем правилам этрусского землеустройства, он должен был находиться рядом. Обследование округа некрополя (там, где это

позволяла природа, отступившая перед мелиораторами) не дало никаких обнадеживающих результатов. Находки были, но ни к этрускам, ни к нужному временному интервалу они отношения не имели. Все понимали, что Спина где-то рядом: вот прах ее жителей, вот вещи ее жителей, — а город исчез, и даже сквозь землю провалиться не мог, потому что копали до материка, где позволяли подпочвенные воды.

В 1953 году на черный рынок древностей вдруг хлынул поток первоклассных этрусских вещей, аналогичных тем, что выставлялись в Феррарском музее. Неужели Негриоли и Ауриджемма схлтурили и не выбрали некрополь в долине Треббия до конца? Внедренные агенты быстро прояснили ситуацию: около того же Комаккьо, в районе долины Пеги, что южнее долины Треббии, начались осушительные работы; находки именно из тех мест.

Итальянские власти и на этот раз отреагировали мгновенно. (Вот бы у кого поучиться российскому правительству, которое не в состоянии сохранить не только то, что в земле или на земле, но даже то, что чуть ли не чудом попадает в музей!) Весь предполагаемый район находок был изъят из землепользования и передан в распоряжение археологов.

В 1954 году профессор П. Ариас из Катанийского университета и будущий директор Феррарского музея Неро Альфиери вновь бросились разгадывать тайну Спины. Именно последнему и суждено было стать тем человеком, который вернул город-призрак на этот свет. Впоследствии про-него рассказывали легенды: скажем, если Альфиери поручали разыскать совершенно утерянный римский храм, то он шел к пастухам и просил показать самую главную местную святыню, и пастухи приводили его к замшелым камням, едва показывавшимся из земли.

Однако и на этот раз вещи, попавшие на черный рынок, имели к городу Спине касательное отношение. Они происходили из еще одного некрополя Спины. Выбрать его, чтобы сберечь для потомства, казалось невыполнимой задачей, так как некрополь все еще находился под водой, местами достигавшей метровой глубины. К этому надо добавить, что гробницы не находились на дне: до них предстояло преодолеть полтора метра ила и грязи. В большинстве мест уровень воды был слишком низок; чтобы воспользоваться лодкой, и одновременно не позволял работать, стоя по колено или по пояс в воде и чувствуя, как сапоги засасывает ил. Но археологам на первое время пригодился опыт рыбаков-грабителей

из Комаккьо. Они привязывали к рукам и ногам некое подобие лыж и на четвереньках одолевали трясину. Время от времени ловцы угрей (в рабочее время) прощупывали ил шестами со стальными наконечниками и крючьями, которыми и вытягивали добычу.

Понятно, что о традиционных методах раскопок археологам пришлось забыть сразу. Заложить классический раскоп они не могли уже потому, что стены его оползали тут же. Да и рассчитывать первое время они могли только на "трех землекопов, три бадьи и три лопаты". (Правда, в последующие годы Ариас и Альфиери не знали, куда деваться от добровольцев.) Опыт накапливался постепенно. Скрепя сердце, археологи вынуждены были отказаться от привычных инструментов и взять на вооружение брандспойт, которым находки вымывались на поверхность. При этом, не зафиксированные на месте в гробнице, они утрачивали половину своей научной ценности. Археологи это прекрасно понимали, но выбора у них не было: главное, опередить ловцов угрей из Комаккьо. В этом темпе им удавалось в погожий день выбирать по пятнадцать гробниц. Позже они сколотили из досок раму, которая удерживала воду и грязь, и раскопки приобрели более профессиональный вид.

К концу первого сезона Феррарскому музею были переданы вещи из 342 гробниц. К 1963 году число раскопанных погребений перевалило за три тысячи.

Уже тогда по научному миру пополз слухок, что Ариас и Альфиери давно нашли Спину, но предпочитают молчать, пока не «разделаются» с некрополем. Археологи на это отвечали, что если уж кто и найдет Спину, то наверняка рыбаки из Комаккьо, которые всегда поспевают первыми.

Предметы из некрополей Треббии и Пеги были однотипны и одностильны, да и датировка их совпадала. Не было никаких сомнений, что оба некрополя принадлежали «спрятавшемуся» от них городу, крупному и богатому. Правда, собственно этрусских вещей в могилах было не так уж и много в процентном соотношении, в основном они были представлены терракотовыми сосудами в виде животных. Археологи определили их как флаконы для благовоний. Из-за трудностей при проведении работ не удалось установить четкую типологизацию гробниц. Вероятно, различный тип гробниц зависел от места в некрополе, что весьма характерно для этрусков, определявших место каждого в его «четверти». Это подтверждается и строго геометрической планировкой некрополей, которую выявила аэрофотосъемка. И тем не менее некрополи Спины не шли ни в какое сравнение с гробницами классической Этрурии: со склепами, стены которых покрыты фресками, с богатством погребального инвентаря, с каменными саркофагами, статуарно изображавших на крышках умерших. В Треббии и Пеги лишь иногда устанавливали стелу или складывали горку из камней. Покойников, возможно, хоронили даже без гробов (хотя они могли и не сохраниться). Только в двух случаях были обнаружены небольшие каменные саркофаги с пеплом. Все это скорее всего объясняется тем, что в округе господствовала аллювиальная почва и песок, камень надо было везти издалека.

Однако некоторые закономерности археологам удалось проследить. Умерших всегда клали головой на северо-запад, погребальную утварь ставили справа, независимо от состояния или касты каждый держал в руке обол Харона — плату за проезд в царство теней. И еще один вывод напрашивался сам собой: поскольку в некрополе Пеги захоронения были гораздо многочисленнее, следовало предполагать, что и располагался он ближе к городу.

Все годы в свободное от раскопок некрополя время Альфиери бродил по окрестностям, говорил со стариками, рыл шурфы, пытался восстановить древнюю карту береговой линии и старые рукава По. Такую карту ему удалось создать по отложениям наносов в дельте и расположению дюн. Он даже выяснил, что некрополи некогда располагались на гребне вытянутой песчаной косы, соответственно и город должен был стоять на подобной косе. Но участок возможного месторасположения Спины по-прежнему был слишком велик, к тому же большая его часть находилась под водой. Альфиери не сдавался. Он призвал на помощь историческую географию в надежде, что какое-нибудь из окрестных названий средневековых поселений должно сохранить хотя бы намек на античный город. 28 июля 1956 года в архиве Равеннской епархии он наконец обнаружил упоминание о церкви Санта-Ма-рия в Падо-Ветере. Название деревни ясно указывало, что когда-то она стояла на берегу древнего русла По (Пада). Самой церкви давно и след простыл, но местечко, где она стояла, было известно и теперь под именем Паганелла.

Альфиери уже не сомневался, что нашел Спину, и горько просчитался: в районе Паганеллы ему удалось собрать лишь поздний, римский материал.

В конце концов, удача улыбнулась ему. Альфиери узнал, что инженер из Равенны В. Валвассори проводит аэрофотосъемку трассы будущего осушительного канала, который пройдет через долину Пеги. Альфиери помчался в Равенну. На цветных снимках, сделанных при помощи разных фильтров, он тут же увидел в километре от бывшей церкви Санта-Мария геометрически правильные контуры древнего поселения. Отчетливо прослеживались не только городские кварталы, но и широкий искусственный канал протяженностью около трех километров. От него тоненькими струйками расходились второстепенные артерии. С воздуха Спина поразительно напоминала Венецию.

При последующих аэрофотосъемках с разных высот и при разном освещении Альфиери получил четкий план города с каналами, кварталами и площадями. Две главные водные артерии Спины четко соответствовали классическим *cardo* и *decumanus*. Параллельно им тянулись на равноудаленном расстоянии более мелкие каналы. Спина четко соответствовала описанию Страбона: "Деревянный город, вдоль и поперек пересеченный каналами; передвигаться по нему можно лишь по мостам и на лодках". Площадь, которую занимала Спина, составляла примерно 3 квадратных километра, население — до полумиллиона человек.

Когда осушили долину Пеги, город стало возможным «прочитать» и с земли: заиленные каналы четко выделялись полосами темно-зеленой травы, на месте бывших кварталов колыхалась скудная желтая растительность. Природа дала в руки археологов карту города еще до начала раскопок.

Теперь требовалось находками доказать, что это именно Спина. В первом же раскопе рабочие наткнулись на деревянные столбы, вбитые в илистую почву до твердого грунта. Это было первым доказательством: свайный фундамент под строения, существующий и сейчас в Венеции. Следом пошли и осколки керамики, определенно относящиеся к V–IV векам до Р.Х. К тому же она была идентична найденной в некрополях.

До сей поры Спину раскапывают, но о величественных руинах, видимо, следует забыть: город из дерева и кирпича вряд ли оставил потомкам что-либо монументальное, наподобие древних пирамид. А поскольку город умирал медленно, не было необходимости прятать какие-либо клады, а если такая

необходимость и была, будущая судьба города заставила бы их перепрыгнуть значительно дальше. А вот вероятность обнаружить билингвы — двуязычные тексты, столь любимые археологами и столь необходимые для расшифровки языка этрусков, остается высокой.

ISBN 5-7838-0507-6

Примечания

1

[1] Ниоба скорбела по той причине, что Аполлон и Артемида убили ее двенадцать (или четырнадцать) детей. Она даже окаменела от горя, но поесть перед этим не забыла.

2

[2] Позднее Р. Брейвуду удалось обнаружить на юго-востоке медные инструменты, которые на пол тысячелетия древнее.

3

[3] Одна из подобных печатей была обнаружена в Иерихоне.

4

[4] Подобное же сейчас происходит и в России: не имея возможности физическим путем вернуть могущество Российской империи и СССР, люди пишут сотни книг, прославляющих это бывшее могущество, находя хоть в этом какое-то утешение. Подобное же на Руси происходило и во времена татаро-монгольского ига, когда в былинах воспевали сомнительного происхождения подвиги Добрыни, Алеши и Ильи времен Киевской Руси. Многие бы мы узнали о своем прошлом, если бы руководствовались только былинами и не имели летописей!

5

[5] Тесть этот, впрочем, смерти заслуживал. Всем претендентам на руку его дочери он отрубал голову и гвоздями прибывал к стене города Писы, что возле Олимпии. Точно так же поступали и тавры, которых сами греки считали наиболее диким народом.

6

[6] Из-за этого же через триста лет пал перед гиксосами на колесницах и Египет.

7

[7] В индоевропейском языке есть слово «вилу» — крепость. Возможно, отсюда и происходит название Илион.

8

[8] Такое временное расхождение устанавливают сами исследователи.

9

[9] Видимо, этим способом греки пытались объяснить себе двойное название города, не разобравшись, что первое — название области.

10

[10] Хотя и это не сбылось: при взятии Трои ее изнасиловал Аякс.

11

[11] Личность, кстати говоря, историческая. Во времена хеттского царя Муваталли (около 1300 года до н. э.) некий Александр был царем Вилусы. Выводы отсюда можно делать самые сенсационные, Но без дополнительных данных ученый мир их не признает.

12

[12] Для сравнения: в Саламинской битве, где решалась судьба не жены Менелая, а всех жен, матерей и дочерей Эллады, греки смогли выставить только 370 триер. Но с исторической точки зрения, цифры, приводимые Гомером, понятны и объяснимы. Например, во время Второй мировой войны Советская армия трижды уничтожила немецко-фашистскую. В этом легко убедиться, если сложить данные сводок Информбюро.

13

[13] К слову сказать, только отсутствию у греков письменности между XI и VIII веками до н. э. мы обязаны появлению у них эпоса.

14

[14] В середине века точно так же выглядело войско крестоносцев. Объединяла их только идея, под которой они шли в Святую землю. Но каждый решал свои дела: обнищавший рыцарь надеялся выкупить перезаложенный замок; другой бежал от галер; третий, как современный бомж, рассчитывал перезимовать в теплых краях и отъесться.

15

[15] У Шлимана был достойный контраргумент против буйно помешанного, но он не сообразил им воспользоваться. На глубине шестнадцати метров Шлиман обнаружил двух жаб в состоянии анабиоза, скоро оживших. Самоучка смотрел на них с благоговением. Как же, ведь они прыгали вокруг Приама! Париса! Елены! Гектора!.. Но одновременно жабы не смогли бы уцелеть в крематории! Впрочем, и

Беттихер мог не остаться в долгу: если бы Шлиман был чуть-чуть поумней, он бы потратил жизнь не на изучение тридцати языков, а научился бы квакать и узнал от жаб истину.

16

[16] В него входили две диадемы из 2271 золотого кольца, 4066 золотых пластин сердцевидной формы 16 с изображением богов, 24 золотых ожерелий, серег, пуговиц и иголок. Всего 8700 золотых изделий. Кроме того, были найдены золотая чаша, золотой сосуд, другая посуда из серебра, электрона и меди и оружие.

17

[17] Этот янтарь не мог быть военной добычей, так как гробница, в которой он найден, по крайней мере на сто лет старше Троянской войны

18

[18]Если кто-то сомневается, что дело было именно так, может взять "Историческую библиотеку" Аллолдора и проверить: Эпитама, III, 17.

19

[19]Именно его и следует считать первой жертвой Троянской войны, а вовсе не Протесилая.

20

[20] Предположительно, вся поэма пелась в течение пятнадцати вечеров.

21

[21] У этой трусости могут быть три причины, но толковать их здесь не место.

22

[22] Этот перечень свидетельствует, что греки из других областей участия в Троянской войне не принимали, что очень суживает действительный состав ахейского войска.

23

[23] По сравнению с другими олимпийцами, а не Троянской войной.

24

[24] Достаточно сказать, что Черное море первый раз напрямик греки решились пересечь только в V веке до н. э.

25

[25] И это несмотря на то, что отца Неоптолема, Ахилла, убил брат Гелена!

26

[26] Понятно, что Телемах, сын Одиссея, и безымянная итакийка попали в этот список только потому, что творчеству Гомера принадлежит "Одиссея".

27

[27] Зато все источники сходятся в том, что умер Гомер на острове Иос (который возле острова Фера).

28

[28] Заслуга Шлимана в раскопках Трои безусловна, но до сих пор никто не решится сказать, совершил он зло или благо, потому что никто не может знать, как произошло бы открытие (то есть раскопки) Трои, не появившись Шлиман на свет. Могло ведь все быть не только лучше, но гораздо хуже.

29

[29] В 1929 году Германский государственный институт археологии пышно отмечал свое столетие. Берлинский обер-бургомистр объявил о денежном пожертвовании институту "в память известного археолога Генриха Шлимана". В ответном слове профессор Роденвальд долго говорил о великодушном пожертвовании и поблагодарил чуть не все магистратуры Берлина, но имени того, ради которого был сделан подарок, он не упомянул.

30

[30] В ночь взятия Трои Неоптолем проявил наибольшую жестокость. В частности, он убил престарелого Приама, искавшего спасения в священной ограде у алтаря Зевса.

31

[31] На самом деле эта система счисления уходит корнями в столь глубокое прошлое человечества, что трудно определить ее «автора». См. книгу Г. Хэнкока "Следы богов" ("Вече", 1997 г.).

32

[32] Сейчас дворец Дария перестроен в музей.

33

[33] В определенных научных кругах популярна легенда, что библейский царь Соломон, построивший из ливанского кедра иерусалимский храм, одновременно основал и Тамдор. Но в Библии упоминается

другой ГОРОД со схожим названием — Тамар, находящийся в Иудее.

34

[34] Именно за обилие колонн Санкт-Петербург и назван Северной Пальмирой.

35

[35] Сделанные из бронзы, они представляли определенную ценность, и тоже были похищены римлянами.

36

[36] По селевкидской эре. Отличительной чертой пальмирцев можно считать и то, что в надписях они не упоминали день, только год и месяц. Размеренная и спокойная жизнь в городе привела к тому, что они не только, как влюбленные, часы не считали, они и дни-то не замечали.

37

[37] Ничего из ряда вон выходящего в этом не было. При следующем императоре Каракалле права римского гражданства получило все свободное население империи.

38

[38] Хотя местность эта была обитаема с древнекаменного века: на западе Фив обнаружена целая мастерская по производству кремневых изделий.

39

[39] Кстати, совершенно напрасно обвиняют римлян в том, что именно они распяли Иисуса Христа. Этот способ казни римляне заимствовали у карфагенян, которые привезли его из родного Тира, расположенного у самых границ Иудеи.

40

[40] Эти события подробно описаны в романе Гюстана Флобера "Саламбо"

41

[41] Возможно, именно ему мы обязаны победе над Наполеоном. Кутузов, вне всякого сомнения, использовал опыт именно Фабия Максима Наполеон, не потерпев ни одного поражения в России, вынужден был покинуть ее побежденным.

42

[42] Львиные ворота в столице хеттов Хатуссе еще древнее.

43

[43] Правда, под Троей он Калхасу отомстил, сказав прилюдно, что ни одно пророчество этого жреца еще не исполнилось. Калхас очень расстроился. Когда же он возвращался из-под Трои, то ему встретился Прорицатель, сразу заткнувший Калхаса за пояс Тот так расстроился, что сразу помер.

44

[44] Возможно, что слово «будины» на утраченном языке означало "белка, которая, опять-таки возможно, была тотемным животным будинов. Сами себя они называли "народом поедателя сосновых шишек". «Белка», как имя племени встречается у родственных скифам алтайских народов.

45

[45] Что произошло бы на Куликовом поле, если бы перед русским воинством пробежала черная кошка.

46

[46] Танаис не единственный город, занявший отрицательную позицию по отношению к новому царю. Вся недолгая история правления Полемона — это история борьбы царя с мощной оппозицией, то есть с собственными подданными. В конце концов, борьба закончилась гибелью Полемона.

47

[47] Так у П.М. — Леонтьева

48

[48] Личность Калоподия не прояснена. Возможно, потому, что имя это не было редкостью. Известен Калоподий, являвшийся препозитом в 558–559 годы. О нем упоминает тот же Феофан. Но тот ли это Калопо-Дий, бывший в 532 году спафарием, неизвестно.

49

[49] Юстиниан прекрасно понял, что дело не в Калоподий, и что прасины намекают на высоких должностных лиц архонтов, буквально "старейшин".

50

[50] Зеленый (цвет прасинов).

51

[51] Отец Юстиниана.

52

[52] Квартал Константинополя.

53

[53] Имеется в виду: язычником.

54

[54] От греческого *dAmoj* — народ.

55

[55] Есть данные, что за ночь она обслуживала по шестьдесят клиентов, а в перерывах исполняла поразившие небывалой разнузданностью танцы.

56

[56] Буквально — перед Золотым Рогом.

57

[57] Греческий огонь, которым успешно пользовались византийцы, считается арабским изобретением и состоит из части пороха, части керосина и какого-то смолистого вещества. Считается, что к смеси еще прибавлялась часть негашеной извести, ибо вещество должно было воспламеняться при соприкосновении с водой. Византийцы применяли греческий огонь против Киевского князя Игоря Рюриковича, отчего сгорел практически весь его флот, а дружина утонула, не совершив ничего героического.

58

[58] Подобный же *forum Boarium* был и в Риме.

59

[59] В России считается нормальной урожайность 1 к 16.

60

[60] Впрочем, некоторые склонны усматривать в этом не только изобилие вина, но и оливкового масла.

61

[61] 15 локтей — 6.6 метра, 120 талантов — 3 тонны серебра. Дионисий Старший — тиран Сиракуз.

62

[62] Возможно, карфагеняне приобрели его для статуи своей богини Танит. У них это покрывало называлось заимф. Прочитать о его судьбе можно в романе Г. Флобера "Саламбо".

63

[63] Всего у Милона было семь побед в Олимпии и семь побед в Дельфах.

64

[64] Милон погиб как настоящий греческий герой — самым идиотским способом. В лесу он нашел дерево, которое дровосеки наполовину расщепили и вогнали клинья, чтобы природа сама доделала за них работу. Милон просунул руки в расщеп, клинья выпали, а руки чемпиона зажало дерево. Выбраться он не сумел, окрестные волки его съели, и на следующий день дровосеки нашли от Милона только руки.

65

[65] Действительно, у греков было какое-то, нам уже непонятное, чувство принадлежности к определенной общине. Земля имела второстепенное значение. Когда в 480 году до н.э. Ксеркс сжег Афины, афиняне переправили женщин и детей на ближайший остров Саламин. Объединенный греческий флот прикрывал остров. Но когда греки увидели, сколько персидских кораблей приближается к ним, то многие трусили, и в первую очередь командир флота спартанец Еврибиад. Узнав, что союзники собираются отступить, Фемистокл сказал примерно следующее: "Да, мы одни потеряли наш город и нашу землю, но у нас остались люди и 200 триер. С такими силами мы в состоянии отвоевать для себя любой город Эллады и поселиться там".